

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ
АКАДЕМИЯ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

№ 3 (94)
2016

Научный журнал
Издается с июля 1993 года
Выходит четыре раза в год

Учредитель – Рязанская высшая школа МВД РФ
(федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний»).

Главный редактор А. Я. Гришко

Все права защищены. Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Распространяется на территории Российской Федерации. Подписные индексы:
объединенный каталог «Пресса России» – 73800;
интернет-каталог «Российская периодика» (www.aprk.org) – 73800.

Представлен в системе Российского индекса научного цитирования (www.elibrary.ru).

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание
ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Адрес редакции, издателя, типографии: 390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1.
E-mail: editor62@yandex.ru. *Тел. (факс):* (4912) 93-82-42; 93-46-40.

<i>Редакторы</i>	А. Ю. Пертли, Т. Н. Русакова
<i>Перевод</i>	А. О. Алеевская, Т. Е. Алексеева, С. В. Буробина, О. Ф. Варламова, И. Я. Жебраткина, Т. А. Зоткина, Д. Г. Кожечкина, Г. В. Кулакова
<i>Компьютерная верстка</i>	С. В. Ануфриев
<i>Ответственный за выпуск</i>	П. Н. Нестеров

Дата выхода в свет 26.09.2016. Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 20,25. Усл. печ. л. 18,83.
Тираж 1500 экз. Заказ № _____. Цена свободная.

Зарегистрирован Министерством печати и информации Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации СМИ № 01891 от 14.12.1992.

© Академия ФСИН России, 2016

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

КРЫМОВ Александр Александрович, председатель, доктор юридических наук, доцент (Россия, Рязань);

АНТОНЯН Юрий Миранович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, Москва);

ЗАРИПОВ Зарип Саидович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

ЛЕБЕДЕВ Семен Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, Москва);

МУЗЮКИН Анатолий Павлович, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, Рязань);

НАУМОВ Анатолий Валентинович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва);

ПЛЕШАКОВ Владимир Алексеевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва);

ПОБЕГАЙЛО Эдуард Филиппович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, Рязань);

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва);

ШАТАЛОВ Александр Семенович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГРИШКО Александр Яковлевич, главный редактор, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

РЫЖОВ Роман Сергеевич, заместитель главного редактора, кандидат юридических наук, доцент (Россия, Рязань);

АКСЕНОВА Галина Ивановна, доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань);

БАРАБАНОВ Николай Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Россия, Рязань);

БЛИНКОВ Олег Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

ГАВРИЛОВ Борис Яковлевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва);

ИГНАТЕНКО Виктор Иванович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Россия, Рязань);

КАШУБА Юрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

ЛИТВИШКОВ Владимир Михайлович, доктор педагогических наук, профессор (Россия, Рязань);

МАКАРОВА Ольга Владимировна, доктор экономических наук, профессор (Россия, Рязань);

ПОЗДНЯКОВ Вячеслав Михайлович, доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва);

ПОЛИЩУК Николай Иванович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

ПОНИКАРОВ Владимир Анатольевич, доктор юридических наук, доцент (Россия, Рязань);

СУХОВ Анатолий Николаевич, доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань);

СЫЧ Константин Антонович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

ТЮГАЕВА Нина Алексеевна, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Россия, Рязань);

ЧИСТЯКОВ Алексей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

ШУРУХНОВ Николай Григорьевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва);

ЮНУСОВ Абдулжабар Агабалаевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

НЕСТЕРОВ Павел Николаевич, ответственный секретарь (Россия, Рязань).

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЙ ФОРУМ

- 7 **ШАМСУНОВ С. Х.** Реформирование уголовно-исполнительной системы России: проблемы, тенденции и перспективы
- 13 **РОГОВА Е. В., ГАЙДАЙ М. К.** Пенитенциарная политика России
- 18 **ВОРОБЬЕВ С. М.** К вопросу о понятии дискредитации деятельности уголовно-исполнительной системы
- 22 **ЧИСТЯКОВ А. А., ЕГОРОВА Т. И.** Поэлементное содержание механизма преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ
- 26 **МАЛЫШЕВА О. А.** Особенности правового регулирования выдачи иностранного гражданина для уголовного преследования или исполнения приговора
- 30 **ГОРНОСТАЕВ С. В., ПОЗДНЯКОВ В. М.** Проблемы взаимосвязи служебной лояльности и личного благополучия государственных служащих

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- 37 **БАЛТАБАЕВ С. А.** Перспективы признания юридического лица в качестве субъекта уголовного правонарушения в Республике Казахстан
- 44 **ЛОТАРЕВ А. А.** Международный опыт правового регулирования условно-досрочного освобождения
- 48 **СЫСОЕВ А. М., АБОЛМАСОВА Т. Е.** Зарубежный опыт по реализации пенитенциарных программ дерадикализации экстремистов с применением основ традиционных вероучений

ЛИНЗА ВРЕМЕНИ

- 53 **ЮНУСОВ С. А.** Отражение принципа справедливости в правах человека в дореволюционной России
- 59 **СЕРГЕЕВ Д. Н.** История постпенитенциарного контроля: от клеймения до информационной стигматизации

ВЕКТОР УПРАВЛЕНИЯ

- 65 **БАРАБАНОВ Н. П.** Организационный и психологический аспекты реализации функции координации деятельности оперативных подразделений по недопущению осложнений оперативной обстановки в исправительных учреждениях и следственных изоляторах
- 72 **ДОЛИНИН А. Ю.** Сущностно-смысловые характеристики понятия «кадровый потенциал уголовно-исполнительной системы»
- 78 **ЦЫМБАЛЮК Н. И.** Организация и осуществление прокурорского надзора за исполнением уголовных наказаний в странах постсоветского пространства

ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ – ИСПРАВЛЕНИЕ

- 84 **ГРИШКО А. Я.** Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии (часть 4 статьи 210 Уголовного кодекса Российской Федерации)
- 89 **ВАЛЕЕВ А. Т.** Процессуальный порядок возобновления производства по уголовным делам ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств
- 95 **КИКОТЬ-ГЛУХОДЕДОВА Т. В.** Организационные аспекты деятельности специализированных государственных органов, обеспечивающих национальную безопасность в США
- 100 **КУТУКОВ С. А., СМИРНОВ С. Н.** Актуальные проблемы розыска лиц, осужденных к наказаниям без изоляции от общества
- 105 **ЛАПШИН В. Ф.** Средства дифференциации ответственности в новейшей уголовно-правовой доктрине
- 110 **ЛЕГОСТАЕВ С. В.** Прогнозирование и предупреждение латентной преступности
- 115 **РАХМАЕВ Э. С., ПАНАРИНА Н. М.** Проблемы применения некоторых наказаний, альтернативных лишению свободы, к несовершеннолетним
- 118 **ФУММ А. М., ЯКОВЛЕВА О. Н.** Пенитенциарные преступления: детерминанты и современное состояние

- 125 **ЛЯТИФОВ Р. Г.** Обжалование обоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в целях возможной выдачи лица
- 129 **ПЕСТОВА О. Ю.** Общественный контроль за деятельностью уголовно-исполнительной системы (оказанием медицинской помощи заключенным) в современной России
- 134 **ТЯБИНА Ю. А.** Объекты уголовно-процессуальных правоотношений, возникающих на стадии исполнения приговора

АНАЛИЗ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

- 139 **ЯБЛОЧНИКОВ С. Л., ЯБЛОЧНИКОВА И. О.** Синтез моделей учета и оптимизации запасов в учреждениях уголовно-исполнительной системы

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОИСК

- 144 **НИКУЛИНА Н. С., КАВУН Л. В.** Особенности самоотношения женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы
- 152 **ФОМИН В. В.** Психологические аспекты допроса несовершеннолетних
- 155 **Требования к статьям, представляемым для опубликования в научном журнале «Человек: преступление и наказание»**

CONTENTS

SCIENCE FORUM

- 7 **SHAMSUNOV S. H.** Reforming of the criminal and executive system of Russia: problems, tendencies and prospects
- 13 **ROGOVA E. V., GAIDAI M. K.** Penitentiary policy of Russia
- 18 **VOROBYOV S. M.** To the question of concept of discredit of activities of the penal system
- 22 **CHISTYAKOV A. A., EGOROVA T. I.** Bit-by-bit content of the mechanism of the crimes connected with illicit trafficking in drugs and psychotropic substances
- 26 **MALYSHEVA O. A.** Features of legal regulation of foreign citizen's extradition for criminal prosecution or execution of a sentence
- 30 **GORNOSTAEV S. V., POZDNJAKOV V. M.** Problems of interrelation of official loyalty and personal well-being of federal employees

ABROAD

- 37 **BALTABAEV S. A.** The prospects for the recognition of the legal entity as the subject of criminal offences in the Republic of Kazakhstan
- 44 **LOTAREV A. A.** International experience of legal regulation parole
- 48 **SYSOEV A. M., ABOLMASOVA T. E.** Foreign experiment on implementation of penitentiary programs of extremists deradicalization using fundamentals of traditional religions

TIME LENS

- 53 **JUNUSOV S. A.** Reflection of the principle of justice in human rights in pre-revolutionary Russia
- 59 **SERGEEV D. N.** History of post-penitentiary control: from human branding to informational stigmatization

MANAGEMENT VECTOR

- 65 **BARABANOV N. P.** Organizational and psychological aspects of implementation of function of executive unit's activities for prevention of complications of the operational situation in correctional facilities and pre-trial detention centers
- 72 **DOLININ A. Yu.** The essential semantic characteristics of the concept the personnel capacity of the penal system
- 78 **CYMBALYUK N. I.** Public prosecutor's supervision over the execution of criminal punishment in post-soviet area

CRIME – PUNISHMENT – CORRECTION

- 84 **GRISHKO A. Y.** Criminological characteristics of the person, holding the highest position in the criminality
- 89 **VALEEV A. T.** Procedure the resumption of criminal proceedings of new and newly discovered circumstances
- 95 **KIKOT'-GLUHODEDOVA T. V.** Organizational aspects of activities of the specialized state bodies ensuring the homeland security in the USA
- 100 **KUTUKOV S. A., SMIRNOV S. N.** Actual problems of search of persons sentenced to punishment without isolation from society
- 105 **LAPSHIN V. F.** Means of differentiation of responsibility in the latest criminal legal doctrine
- 110 **LEGOSTAEV S. V.** Forecasting and prevention of latent crime
- 115 **RAKHMAEV E. S., PANARINA N. M.** Problematic issues of use of some alternative measures for minors offenders
- 118 **FUMM A. M., YAKOVLEVA O. N.** Penitentiary crimes: determinants and current status
- 125 **LJATIFOV R. G.** The appeal of validity of election of the measure of restraint in the form of detention for possible delivery of the person
- 129 **PESTOVA O. Yu.** Public control of the penal system: the provision of medical care to prisoners in modern Russia
- 134 **TJABINA Ju. A.** Objects of the procedural criminal legal relations at the stage of executing the sentence

THE COMPETITIVENESS ANALYSIS

- 139** *JABLOCHNIKOV S. L., JABLOCHNIKOVA I. O.* Synthesis of models of accounting and inventory optimization in penal system institutions

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

- 144** *NIKULINA N. S., KAVUN L. V.* Peculiarities of self-attitude of women serving sentences in places of deprivation of liberty
- 152** *FOMIN V. V.* Psychological aspects of interrogation of minors
- 155** **Requirements to articles presented for publication in the scientific magazine «The Person: crime and punishment»**

САЛИХ ХАБИБОВИЧ ШАМСУНОВ,
 доктор юридических наук, профессор,
 главный научный сотрудник
 (ФКУ НИИ ФСИН России),
 e-mail: shamsunov46@mail.ru

РЕФОРМИРОВАНИЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ, ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Реферат: в статье рассматривается современное состояние уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, существующие в ее деятельности проблемы и перспективы их преодоления.

Минюст России и ФСИН России в текущем году приступили к реализации третьего этапа Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., предусматривающего завершение плановых и программных мероприятий по основным направлениям деятельности российской пенитенциарной системы. Претворяя в жизнь ее положения, Российская Федерация стремится создать современную и эффективную систему исполнения наказаний, преобразовать ее в реабилитационную систему, способствующую физическому и духовному оздоровлению осужденных, приобретению ими профессии и получению образования, востребованных на рынке труда, возвращению обществу законопослушных и дееспособных граждан. Однако, несмотря на предпринимаемые усилия, в российской пенитенциарной системе сохраняется ряд факторов, отрицательно влияющих на исполнение наказаний:

продолжает ухудшаться криминогенный состав осужденных, физическое и психическое состояние лиц, поступающих в места лишения свободы, их профессиональный и образовательный уровень;

отсутствуют экономические условия, способствующие максимально широкому вовлечению осужденных в трудовую деятельность; предприятия и организации всех форм собственности слабо заинтересованы в использовании труда осужденных;

фактически нет системы постпенитенциарной помощи осужденным, освободившимся из мест лишения свободы.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, учреждения и органы, исполняющие наказания, тюрьмы, наказания, не связанные с лишением свободы, реформирование пенитенциарной системы.

В связи с происходящими изменениями в обществе российская пенитенциарная система за последние два столетия пережила пять крупных реформ, две из них приходятся на советский период. Первая реформа охватывает сталинский период правления и характеризуется «лагерной» системой исполнения наказаний. Вторая – связана с развитием исправительно-трудовых колоний в 1950–1970 гг. и принятием Исправительно-трудового кодекса РСФСР в декабре 1970 г. [1]. Реформа уголовно-исполнительной системы (УИС) современной России началась с 1992 г., после приобретения Россией государственной самостоятельности. Коренные преобразования в системе исполнения наказаний произошли на рубеже веков, после принятия России в 1996 г. в Совет Европы и введения в действие с 1 июля 1997 г. Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ).

Новый УИК РФ создал прочную правовую основу реформирования УИС суверенной России и дал ориентиры ее функционирования не только на бли-

жайшее будущее, но и на перспективу [2, с. 584]. Он впервые закрепил (ст. 8) демократические принципы исполнения наказаний, такие как: гуманизм, демократизм, равенство осужденных перед законом, соединение наказания с исправительным воздействием, законность, рациональное применение мер принуждения, средства исправления осужденных и стимулирование их правомерного поведения, дифференциация и индивидуализация исполнения наказаний. Данные принципы существенно отличаются от ранее действовавших принципов исправительно-трудовой политики государства и отражают новые реалии в организации исполнения наказаний. Кроме того, законодательно закрепился переход от одной модели исполнения наказаний к другой – от исправительно-трудовой системы к уголовно-исполнительной. Особенностью данного этапа реформы пенитенциарной системы явилась передача ее в 1998 г. в структуру Министерства юстиции Российской Федерации.

Этому событию предшествовало проведение в России двух крупных реформ – правовой и судеб-

ной, направленных на установление приоритета права человека, реализацию конституционных принципов и приведение отечественного законодательства в соответствие с общепризнанными нормами международного права. Таким образом, основная направленность преобразований судебно-правовой реформы заключалась в создании реальных гарантий обеспечения и защиты прав граждан, удалении имеющихся в этой области белых пятен в российском законодательстве и объективной подготовке перехода УИС в гражданское ведомство.

Передача УИС в ведение Минюста России потребовала создания новой системы управления. Связано это было с тем, что на систему исполнения наказаний был дополнительно возложен ряд функций, которые ранее ею не исполнялись вообще либо исполнялись частично. Все это потребовало формирования таких служб, как конвоирование и специальные перевозки, инженерно-техническое обеспечение, связь и во-оружение, оперативно-розыскное бюро, подготовки кадров, медико-профилактическая, психологическая и ряд других. Благодаря этому была создана комплексная система управления УИС, обеспечивающая ее функционирование по всем направлениям деятельности. Изменена была система управления и по вертикали. На уровне субъектов Российской Федерации статус территориальных управлений был значительно укреплен, в связи с чем они стали равноправными участниками отношений в регионах наряду с органами внутренних дел, прокуратурой и другими правоохранительными структурами.

Одновременно с этим передача УИС в ведение Минюста России потребовала существенного пересмотра правовой базы ее функционирования, совершенствование которой является одним из основных направлений реформирования пенитенциарной системы в рамках либерализации уголовной и уголовно-исполнительной политики Российского государства. Прежде всего это коснулось ведомственных нормативных правовых актов, закрепивших новые организационно-правовые отношения, связанные с передачей УИС в Минюст России. Разработка и принятие новых законодательных актов, вносящих изменения и дополнения в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации, в основном были направлены на декриминализацию ряда общественно опасных деяний, сокращение санкции по преступлениям небольшой и средней тяжести, расширение видов наказаний, альтернативных лишению свободы, а также на изменение порядка применения института условно-досрочного освобождения, отсрочку исполнения наказания в отношении осужденных женщин. Все это позволило подвести определенный правовой

фундамент под реформу УИС в направлении гуманизации условий отбывания наказаний, некоторого уменьшения численности «тюремного» населения, формирования новой пенитенциарной культуры, ориентированной на сотрудничество и уважение основных субъектов отношений в сфере исполнения наказаний – осужденных и персонала.

Важным событием в истории российской уголовно-исполнительной системы является создание подведомственной Минюсту России федеральной службы. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» в структуре федеральных органов исполнительной власти образована Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН России), что свидетельствует о повышении статуса отечественной уголовно-исполнительной системы. На ФСИН России возложены функции по обеспечению исполнения уголовных наказаний, содержания под стражей подозреваемых, обвиняемых и осужденных, этапирования, конвоирования, а также контроля за поведением условно осужденных, которым судом предоставлена отсрочка отбывания наказания. ФСИН России получила самостоятельность в решении большинства вопросов, связанных с исполнением возложенных на нее функций, а за Минюстом России сохранено право на выработку государственной политики и нормативно-правовое регулирование в сфере юстиции. Укрепление статуса центрального органа УИС России послужило толчком к дальнейшему развитию ведомственного профессионального образования для учреждений и органов, исполняющих наказания. В настоящее время ведомственная система образовательных учреждений включает в себя семь учреждений высшего профессионального образования (Академия ФСИН России в Рязани с филиалом в Пскове, Владимирский, Самарский юридические институты, Вологодский институт права и экономики, Воронежский, Кузбасский, Пермский институты), три института повышения квалификации (в Кирове, Томске, Санкт-Петербурге); два межрегиональных учебных центра (Южный и Дальневосточный) и девять учебных центров территориальных органов УИС России.

Послевузовское профессиональное образование и подготовку кадров руководящего состава ФСИН России осуществляют: высшие академические курсы, факультет управления, докторантура и адъюнктура Академии ФСИН России, а также адъюнктуры при Владимирском, Самарском юридических институтах и Вологодском институте права и экономики ФСИН России.

Кроме того, ФСИН России располагает двумя ведомственными научно-исследовательскими учреждениями: Научно-исследовательским институ-

том в Москве и Научно-исследовательским институтом информационных и производственных технологий в Твери. Научный потенциал ведомственных образовательных и научных учреждений составляет 120 докторов наук и 694 кандидата наук.

За годы становления ФСИН России созданы необходимые юридические и социально-экономические предпосылки для поступательного развития учреждений и органов, исполняющих наказания. В значительной степени либерализована уголовная политика Российского государства. В частности, декриминализован ряд общественно опасных деяний, сокращены санкции по преступлениям небольшой и средней тяжести, расширены виды наказаний, альтернативные лишению свободы.

Произошли изменения и в практике применения меры пресечения в виде содержания под стражей. Решение об аресте стали принимать суды, что позволило существенно сократить число лиц, в отношении которых была избрана данная мера пресечения. Решен ряд задач, направленных на либерализацию уголовно-исполнительной политики, гуманизацию исполнения наказания, созданы предпосылки для внедрения концептуально новой программы пенитенциарной деятельности, соответствующей международным стандартам. Законодательно закреплено преобразование предприятий исправительных учреждений в центры трудовой адаптации осужденных и производственные мастерские, тем самым деятельность производственного сектора УИС переориентирована на решение в первую очередь социальных задач, связанных с подготовкой осужденных к нормальной жизни и работе после освобождения из мест лишения свободы.

Установлено участие общественных объединений в общественном контроле за обеспечением прав человека в местах лишения свободы. Кроме того, в целях соблюдения законности и прав человека в уголовно-исполнительной системе создан институт помощника руководителя территориального органа ФСИН России в субъекте Федерации. Эти вопросы постоянно находятся под контролем Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и уполномоченных по правам человека в субъектах Федерации, Генеральной прокуратуры и Счетной палаты Российской Федерации, Общественной палаты, российских и международных правозащитных организаций.

В соответствии с Федеральным законом от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» в каждом субъекте Федерации созданы на постоянной основе общественные наблюдательные

комиссии, члены которых наделены полномочиями без специального разрешения посещать места принудительного содержания и беседовать с подозреваемыми и обвиняемыми, содержащимися под стражей, по вопросам обеспечения их прав.

Принимаемые меры, в том числе по ежегодному увеличению объемов бюджетных ассигнований, выделяемых на содержание УИС, позволили добиться определенных позитивных результатов в развитии системы, улучшить условия содержания осужденных и лиц, содержащихся под стражей (размещение, питание, вещевое обеспечение, оказание медицинской помощи).

В то же время, несмотря на предпринимаемые усилия, в российской пенитенциарной системе сохраняется ряд важных факторов, отрицательно влияющих на ситуацию в системе исполнения наказаний. Остановимся на некоторых, наиболее проблемных из них.

Во-первых, продолжает ухудшаться криминогенный состав осужденных, физическое и психическое состояние лиц, поступающих в места лишения свободы, их профессиональный и образовательный уровень. Значительно возросло количество осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, каждый четвертый, отбывающий наказание в местах лишения свободы, приговорен к длительному сроку, почти каждый второй – отбывает наказание второй раз и более, что приводит к увеличению удельного веса социально деградировавших граждан.

Во-вторых, отсутствуют собственные экономические условия, способствующие максимально широкому вовлечению осужденных в трудовую деятельность, предприятия и организации всех форм собственности слабо заинтересованы в использовании труда осужденных. Требуется решение вопроса об оптимизации системы налогообложения учреждений УИС с учетом международно-правовых стандартов и действующего российского законодательства, а также порядка распределения доходов от производственной деятельности на улучшение содержания осужденных и подследственных, создание дополнительных рабочих мест, укрепление материально-производственной базы и развитие социальной сферы деятельности учреждений, исполняющих наказания.

В-третьих, отсутствует система постпенитенциарной помощи осужденным, освобожденным из мест лишения свободы. Ежегодно из исправительных учреждений освобождается несколько сотен тысяч осужденных, каждый четвертый из них является опасным и особо опасным преступником. У многих из-за отсутствия семьи, места жительства возникают трудности с бытовым и трудовым устройством, обострением заболеваний. Некоторых это толкает на совершение новых преступлений, нередко

только для того, чтобы вернуться в места лишения свободы. В ряде субъектов Российской Федерации совместно с органами исполнительной власти при поддержке общественных и духовных организаций созданы и действуют центры социальной реабилитации, но они не в состоянии охватить своим воздействием всех нуждающихся в социальной помощи. Государственно-правовой механизм помощи лицам, отбывшим наказание, не обеспечивает в полной мере реализацию прав и законных интересов указанной категории граждан.

В феврале 2009 г. в Вологде на заседании президиума Государственного совета Российской Федерации рассматривался вопрос о состоянии УИС. По решению совета Правительством Российской Федерации разработана и утверждена Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (далее – Концепция), в соответствии с которой в настоящее время осуществляется переход к очередному этапу реформирования УИС и решения проблем исправления осужденных на новом, более высоком качественном уровне.

Новый этап развития УИС предусматривает следующие основные направления преобразований в системе исполнения наказаний.

1. Совершенствование уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, в том числе:

создание условий для постепенного снижения количества осужденных, содержащихся в одном жилом помещении исправительного учреждения;

использование новых форм и методов исправительного воздействия на осужденных, организационных механизмов социальной, психолого-педагогической работы в качестве основных средств исправления осужденных;

дополнение системы поощрений осужденных иными стимулами к правопослушному поведению и активной ресоциализации;

дифференциация содержания осужденных в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенных ими преступлений, а также поведения во время отбывания наказания и криминального опыта;

применение новых форм надзора за поведением осужденных с использованием электронного мониторинга спутниковой навигации ГЛОНАСС или ГЛОНАСС/GPS;

применение электронных средств контроля по месту жительства подозреваемого, обвиняемого в совершении преступлений в качестве альтернативы содержанию под стражей;

оптимизация размещения мест отбывания наказаний на территории страны в целях сохранения социально полезных связей осужденных с родственниками, за исключением случаев, требующих

изоляции членов организационного преступного сообщества, а также обеспечения безопасности самого осужденного.

2. Повышение эффективности управления УИС, использование инновационных разработок и научного потенциала. Данное направление предполагает создание и использование комплексной системы непрерывного мониторинга и оценки деятельности учреждений и органов УИС посредством интеграции автоматизированных систем судебных и правоохранительных органов, доступа к сети взаимодействия федеральных органов исполнительной власти с учетом проблем труднодоступности районов страны. Предполагается также активное использование научного потенциала научно-исследовательских институтов, образовательных организаций высшего образования ФСИИ России во взаимодействии с другими образовательными организациями высшего образования и научными организациями, обеспечение приоритетности диссертационных исследований, направленных на научный анализ актуальных проблем практической деятельности учреждений и органов УИС.

3. Совершенствование отдельных направлений деятельности УИС, таких как: обеспечение режима и безопасности; обеспечение материально-бытовых условий содержания осужденных и лиц, содержащихся под стражей; оказание медицинской помощи осужденным в соответствии с основными концептуальными направлениями развития системы здравоохранения России; трудовая деятельность, профессиональное образование и профессиональная подготовка осужденных; социальная, психологическая работа с осужденными, их воспитание и образование; исполнение наказаний, не связанных с лишением свободы, и проведение мероприятий, направленных на подготовку осужденных и последующую адаптацию в обществе; привлечение общественности к оказанию социальной помощи осужденным и проведению воспитательной работы с ними, совершенствование сотрудничества с институтами гражданского общества и создание условий для осуществления общественного контроля за деятельностью УИС; кадровое обеспечение и социальный статус работников УИС; развитие международного сотрудничества с пенитенциарными системами иностранных государств, международными органами и неправительственными организациями.

Минюстом России и ФСИИ России в тесном взаимодействии с федеральными органами исполнительной власти и судебными органами в течение 2010–2015 гг. осуществлены мероприятия, предусмотренные на первом и втором этапах реализации Концепции. В частности, создана нормативная правовая база, направленная на реализацию положений Концепции; разработаны и скорректированы

ны федеральные целевые программы по основным направлениям реализации Концепции; разработаны и внедряются новые механизмы содействия деятельности общественных наблюдательных комиссий, а также новые подходы к применению института условно-досрочного освобождения; внедрена новая структура медицинской службы УИС, в стадии разрешения находится вопрос о предоставлении медицинской помощи осужденным и лицам, содержащимся под стражей, в полном объеме учреждениями здравоохранения, не входящими в УИС.

Введен в действие новый вид наказания, не связанный с лишением свободы, – ограничение свободы, расширена возможность применения исправительных работ, обязательных работ, штрафов. С учетом этого с 2012 г. судами на 56 % больше назначается наказание, не связанное с лишением свободы, в виде исправительных работ, и на 43 % – в виде ограничения свободы.

С 2014 г. предполагалось введение нового вида наказания – принудительных работ. Между тем в связи с ограниченностью бюджетных ассигнований срок введения принудительных работ федеральным законом перенесен до 2017 г. В настоящее время ФСИН России осуществляется подготовка к вводу в эксплуатацию 7 исправительных центров. Расширены основания применения домашнего ареста и залога.

С 2012 (с момента внесения изменений) по 2013 год, по данным ФСИН России, в отношении более 7 тыс. человек избиралась мера пресечения в виде домашнего ареста. В 2008 г. число ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста не превышало ста.

Законодательно закреплено право осужденного самостоятельно обращаться в суд с ходатайством

об освобождении от отбывания наказания или о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, что позволило снизить риск коррупционной составляющей в институте условно-досрочного освобождения.

Законодателем установлена возможность изменения меры пресечения в виде заключения под стражу при выявлении у подозреваемого или обвиняемого тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей. В 2011–2013 гг. 85 человек освобождено из следственных изоляторов по указанным основаниям.

В рамках реализации Концепции в целях создания правовой основы для функционирования новых учреждений в режиме тюрьмы введен в действие Федеральный закон от 23 июля 2013 г. № 219-ФЗ «О внесении изменений в статью 74 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации», регламентирующий процедуру создания изолированных участков в режиме тюрьмы при исправительных учреждениях.

Минюст России и ФСИН России в текущем году приступили к реализации третьего этапа Концепции (2016–2020 гг.), предусматривающего завершение плановых и программных мероприятий по основным направлениям деятельности российской пенитенциарной системы. Претворяя в жизнь положения Концепции, Российская Федерация стремится создать современную и эффективную систему исполнения наказаний, преобразовать ее в реабилитационную систему, способствующую физическому и духовному оздоровлению осужденных, приобретению профессии и получению образования, востребованных на рынке труда, возвращению обществу законопослушных и дееспособных граждан.

Список литературы

1. Филимонов О. В. Актуальные вопросы реформирования уголовно-исполнительной деятельности // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2000. № 3. С. 2–9.
2. Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века : учеб. для вузов. М., 2006. 720 с.

SALIH HABIBOVICH SHAMSUNOV,
dsc in law, professor, chief researcher
(Scientific research institute of the FPS of Russia),
e-mail: shamsunov46@mail.ru

REFORMING OF THE CRIMINAL AND EXECUTIVE SYSTEM OF RUSSIA: PROBLEMS, TENDENCIES AND PROSPECTS

Abstract: the article is devoted to a current state of penal system of the Russian Federation, problems and prospects of their overcoming existing in its activities.

The Ministry of justice and the FPS of Russia in the current year have started implementation of the third stage of the Concept of the development of penal system providing completion of planned and program actions

for the main activities of the Russian penal system. Realizing provisions of the Concept of the development of penal system, the Russian Federation aims to create modern and effective system of execution of punishment, to transform it to the rehabilitation system promoting physical and spiritual improvement of the convicts, acquisition of a profession by them and getting education demanded in the labor market, to return of law-abiding and capable citizens to society.

However despite ongoing efforts, in the Russian penal system there remain a number of the factors which are negatively influencing execution of punishment:

the criminogenic structure of convicts, physical and mental condition of the persons arriving to places of detention, their professional and educational level continues to worsen;

there are no economic conditions promoting the broadest involvement of convicts in a labor activity; the entities and the organizations of all patterns of ownership are not very interested in use of work of convicts;

actually there is no system of the post-penitentiary help to the convicts released from places of detention.

Key words: penal system, institutions and bodies executing punishment, prisons, punishment not related to deprivation of liberty, prison reform.

References

1. Filimonov O. V. Aktual'nye voprosy reformirovanija ugovovno-ispolnitel'noj dejatel'nosti [Topical issues of reforming of penal activities]. Vedomosti ugovovno-ispolnitel'noj sistemy – Sheets of penal system, 2000, no. 3, pp. 2–9.

2. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii: teorija, zakonodatel'stvo, mezhdunarodnye standarty, otechestvennaja praktika konca XIX – nachala XXI veka [Penal law of Russia: the theory, the legislation, international standards, domestic practice of the end of XIX – the beginning of the XXI century.]. Moscow, 2002. 720 p.

ЕВГЕНИЯ ВИКТОРОВНА РОГОВА,

доктор юридических наук, доцент,
начальник научно-исследовательского
и редакционно-издательского отдела,

e-mail: rev-80@yandex.ru;

МАРИЯ КОНСТАНТИНОВНА ГАЙДАЙ,

доктор социологических наук, доцент,
профессор кафедры философии, психологии
и социально-гуманитарных дисциплин

(Восточно-Сибирский институт МВД России),

e-mail: mkgfip@mail.ru

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

Реферат: в статье освещаются вопросы современной пенитенциарной политики России, анализируются основные подходы к определению понятия и содержания пенитенциарной политики, рассматриваются ее направления и социально-экономическая обусловленность. Особенностью современного этапа развития пенитенциарной политики является реформирование уголовно-исполнительной системы России, состоящее в расширении сферы применения наказаний, не связанных с лишением свободы, с одной стороны, и ужесточением условий содержания лиц, признанных виновными в совершении преступлений и осужденных к лишению свободы (перевод на тюремный режим), с другой стороны. В подтверждение этого анализируется практика назначения и исполнения наказаний.

Ключевые слова: пенитенциарная политика, уголовно-исполнительная система, наказание.

Органы государственной власти в Российской Федерации определяют направления развития общественных отношений, политику как внутри государства, так и в международных отношениях. Уголовная политика представляет собой составную часть внутренней политики государства наряду с экономической, социально-культурной и т. д. Она строится в соответствии с общими закономерностями развития общественных отношений.

В литературе было высказано мнение о том, что уголовная политика включает в себя все меры, прямо или косвенно направленные на борьбу с преступностью. А. А. Герцензон полагал, что уголовная политика реализуется в процессе применения как специальных мер (криминалистических, уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, уголовно-исполнительных, криминологических), так и мер чисто социального характера (экономических, идеологических, медицинских и т. д.) [4, с. 179; 3, с. 12].

По мнению других ученых, содержание уголовной политики состоит в определении направлений применения специальных мер предупреждения преступности на основе уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, а также в привлечении других на-

ук, включая криминологию и криминалистику [12, с. 4-5; 7, с. 12]. Эта позиция раскрывает уголовную политику в ее узком понимании. Профессор С. В. Бородин считал, что такой подход позволяет четко определить ее предмет и исключить неясные формулировки, которые неизбежно появляются при ее широком понимании [2, с. 27]. Такое понимание содержания уголовной политики подтверждает правомерность употребления понятий «уголовно-правовая политика», «уголовно-процессуальная политика», «пенитенциарная политика», «уголовно-розыскная политика».

Являясь составной частью внутренней социальной политики государства, уголовная политика направлена на определение основных направлений и основополагающих принципов и стратегий борьбы с преступностью. В то же время в уголовной политике страны должны учитываться международные стандарты и достижения борьбы с преступностью.

Одним из направлений уголовной политики является пенитенциарная политика (уголовно-исполнительная, уголовная политика в сфере исполнения наказаний). Пенитенциарная политика государства определяет общую стратегию исполнения уголовных наказаний, основные принципы деятельности учреждений, осуществляющих реализацию уголовных наказаний. В рамках пенитен-

циарной политики формулируются цель и задачи, а также приоритетные направления деятельности государства по исполнению и отбыванию уголовных наказаний. Именно пенитенциарная политика должна определять содержание и сущность уголовно-исполнительного законодательства. Таким образом, пенитенциарную политику можно определить как деятельность государства, направленную на установление порядка и условий исполнения и отбывания уголовных наказаний, а также на выработку мер по превенции преступности и исправлению осужденных.

Рассматривая пенитенциарную политику, стоит отметить, что в государстве она не должна подменяться карательной политикой. Несомненно, как составная часть пенитенциарной политики кара присутствует. Однако когда в реализации уголовных наказаний акцент делается не на восстановление социальной справедливости или исправление осужденного, а только на принуждение, изоляцию, возмездие или устрашение, проявляя неоправданную жестокость, то такие действия носят лишь карательную направленность, сопряженную с ужесточением режима и произволом.

Прародителем современной пенитенциарной политики является исправительно-трудовая политика нашего государства времен Советского Союза. Характеризуя ее, можно отметить, что при наличии таких положительных моментов, как активное применение мер исправительно-трудового воздействия на осужденных, широкое привлечение общественных институтов и организаций по работе со спецконтингентом и др., она была лишена стабильности. Например, этапы ужесточения содержания осужденных сменялись периодами массовых амнистий и т. д., поэтому важно, чтобы такое направление государственной политики, как пенитенциарная политика, было научно обоснованным. Тесная связь науки и практики в области реализации пенитенциарной политики государства должна содействовать должной защите прав и свобод, а также законных интересов граждан, государственных институтов, организаций и общества в целом. Стабильности в пенитенциарной политике государства, возможно, способствовало бы законодательное закрепление ее основных задач и принципов, что придало бы ей общеобязательный характер. В настоящее время некоторые положения пенитенциарной политики отражены в ряде статей Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, а также в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (далее – Концепция).

Актуальной проблемой современной пенитенциарной политики является необходимое, но несколько затянувшееся реформирование УИС России в соответствии с Концепцией.

Концептуальные основы, заложенные в этом документе, отражают актуальные проблемы, существующие в системе исполнения наказаний нашей страны. Отсутствие стабильности и преемственности в реформах, а также учета реальных экономических возможностей нашего государства приводит к тому, что реорганизация УИС не приносит ожидаемого результата. Уже сегодня можно говорить о несостоятельности части реализуемых реформ, отраженных в Концепции и предполагавших кардинальные изменения системы учреждений исполнения наказаний.

Данная проблема поднимается в трудах ученых. Так, Л. Б. Смирнов отмечает, что «на планах перехода на тюремную систему можно поставить большой вопрос либо крест» [11, с. 77]. Объясняет он это отсутствием у государства денег, необходимых для осуществления перехода на тюремный режим, а также тем, что сам переход на тюремную систему не учитывает особенности и факторы объективной реальности. Кроме того, отмеченное в Концепции внимание к организации труда осужденных идет вразрез с переменами последних лет, когда «были ликвидированы все унитарные федеральные государственные предприятия путем искусственного банкротства, а также закрыты все собственные предприятия исправительных учреждений» [11, с. 77]. Уход от отрядной формы содержания осужденных не учитывает менталитет нашего народа.

Аналогичного мнения придерживаются и другие авторы. Например, М. Н. Голыбина указывает, что «концепция тюремной реформы, рассчитанная до 2020 года, претерпевает существенные изменения. Полностью отказываться от прежней программы, вероятно, невозможно. Она расписана до 2020 года, и еще есть время на то, чтобы реформа все же свершилась. Однако уже сейчас ясно, что механизм не работает» [1].

Отдельно стоит отметить определенную связь между изменениями в экономике страны и ее политике, в том числе пенитенциарной. Реализация на практике многих уголовных наказаний обусловливается экономическим состоянием страны. Выше мы уже отмечали отсутствие учета реальных экономических возможностей государства и приводили мнение авторов о том, что одной из причин невозможности реализации некоторых норм Концепции является отсутствие необходимого финансирования. Как отмечает Ф. В. Грушин, «нельзя не отметить, что под воздействием изменяющихся экономических условий меняется даже сущность наказаний» [5, с. 125].

Требование экономической обусловленности законодательного закрепления того или иного вида уголовного наказания предполагает учет материальных затрат на создание условий для исполнения наказаний. Часть наказаний, закрепленных в УК РФ, не

применяются ввиду отсутствия данных условий, так как требуются значительные материальные затраты со стороны государства. В связи с этим уместно привести пример «мертвого», как называет его профессор В. И. Селиверстов, наказания в виде ареста, которое в настоящее время применяется только к военнослужащим, которые отбывают его на гауптвахте (ч. 3 ст. 54 УК РФ).

К «мертвым» наказаниям В. И. Селиверстов относит и принудительные работы, которые не могут исполняться в связи с отсутствием исправительных центров и средств на их строительство [10]. Введение в действие принудительных работ трижды откладывалось: сначала до 1 января 2013 г., затем до 1 января 2014 г. и до 1 января 2017 г. С учетом современных социально-экономических и политических условий развития нашей страны и тех приоритетных задач, которые ставит государство, реальные возможности для создания условий исполнения принудительных работ на данный момент отсутствуют.

В связи с этим отметим, что в уголовном законе закреплены три вида наказания, связанные с принудительным привлечением к труду (исправительные, обязательные и принудительные работы). В период сокращения количества государственных предприятий, безработицы при исполнении данных наказаний возникают серьезные трудности с устройством осужденных на работу, поэтому реальной необходимости во введении такого вида наказания, альтернативного лишению свободы, как принудительные работы, не было. На наш взгляд, в настоящее время достаточно и двух видов работ: исправительных и обязательных.

Отсутствие условий для исполнения отдельных видов наказаний, в том числе связанных с экономическим обеспечением, делает ряд санкций статей Особенной части УК РФ безальтернативными, что

существенно сужает возможности дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности. Так, в санкции ч. 1 ст. 127 УК РФ (незаконное лишение свободы) содержатся следующие виды наказания: ограничение свободы, арест, принудительные работы и лишение свободы. Такое наказание, как ограничение свободы, начало назначаться судами лишь с 2010 г. Незначительное число лиц, виновных в совершении преступления, было осуждено к этому виду наказания. В 2010 г. таких лиц было лишь 1 % от общего количества осужденных, в 2011 – 1,4, в 2012 – 3,4, в 2013 – 4,4, в 2014 – 3,75, в 2015 г. – 2,8 % [6]. Арест и принудительные работы не применяются, как уже отмечалось. При этом принудительные работы предусмотрены как альтернатива лишению свободы.

Таким образом, в случае совершения данного преступления в большинстве случаев у судов есть возможность назначить лицу наказание в виде лишения свободы либо лишение свободы условно. Во второй части рассматриваемой статьи санкция предусматривает такие наказания, как принудительные работы в качестве альтернативы лишению свободы и лишение свободы. Выбор судьи в обоих случаях сводится к решению вопроса о назначении наказания в виде лишения свободы либо условного лишения свободы. Различны лишь сроки наказания.

Сложности применения наказаний, не связанных с лишением свободы, отражаются и на практике назначения судами Российской Федерации уголовных наказаний. Нами был проведен анализ имеющихся данных о видах наказания и мерах уголовно-правового характера, назначенных осужденным судами Российской Федерации за период с начала вступления в законную силу УК РФ по настоящее время, с использованием результатов исследований, проведенных ранее другими учеными [9, с. 261–265] (табл.).

Таблица

Число осужденных к основным видам наказаний и мерам уголовно-правового характера в Российской Федерации

Виды наказаний и мер уголовно-правового характера	Число осужденных от общего числа осужденных, %
Смертная казнь (изучен период назначения с 1997 по 1999 г.)	0,007
Пожизненное лишение свободы	0,01
Лишение свободы	32,7
Условное осуждение к лишению свободы	45,0
Условное осуждение к иным мерам	2,5
Исправительные работы	5,0
Штраф	9,6
Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью	0,04
Обязательные работы	5,9
Ограничение свободы	2,8

Приведенные данные свидетельствуют о том, что реально применимыми остаются лишение свободы (срочное) (32,7 %), штраф (9,6 %), а также условное осуждение к лишению свободы (45 %). В целом наказания, не связанные с лишением свободы, применяются в среднем к 23,3 % осужденных.

Своеобразие современного политического состояния России отражается и на пенитенциарной политике, приоритетным направлением которой является гуманизация исполнения наказаний. В то же время практика показывает, что одним из направлений пенитенциарной политики является максимальная изоляция осужденных, так как одним из распространенных видов уголовного наказания продолжает оставаться лишение свободы на определенный срок или пожизненно. Так, по данным ФСИН России, «по состоянию на 1 мая 2016 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 653 218 человек» [8].

Дать однозначный ответ на вопрос, касающийся того, является ли лишение свободы эффективным видом наказания и достигаются ли при этом его цели, закрепленные в уголовном законе, сложно. Исследования рецидивной преступности свидетельствуют о ее достаточно высоком уровне. Уровень рецидива среди осужденных составляет около 40 %. Однако этот показатель гораздо выше среди лиц, осужденных к лишению свободы, – 52 % [6].

В настоящее время в России учреждения исполнения наказаний со своей своеобразной, по сути, криминальной субкультурой являют собой механизм воспроизводства преступности. Под негативное влияние лиц, готовых делиться «профессиональным преступным опытом», могут попадать осужденные к наказанию в виде лишения свободы, виновные в совершении преступлений, не представляющих большой общественной опасности. Вывод о том, что цель исправления лиц, совершивших преступления, в современных пенитенциарных учреждениях в большинстве случаев не достигается, признается практическими работниками уголовно-исполнительной системы и специалистами социологии, криминологии, психологии, девиантологии и других смежных областей.

В статье были рассмотрены лишь некоторые вопросы современной пенитенциарной политики. Реформирование уголовно-исполнительной системы и учет реальных экономических условий страны связаны между собой и влияют на реальную возможность исполнения некоторых видов наказаний. Лишение свободы, являясь распространенным видом уголовного наказания, не всегда приводит к желаемым результатам, о чем свидетельствует и стабильно высокий уровень рецидивной преступности.

Список литературы

1. Голыбина М. Н. Приоритетные направления пенитенциарной политики в концепции развития государства // Политическое управление. 2013. № 2. URL : <http://pu.virmk.ru/arhiv/2013/02/GolybinaMN.htm>.
2. Бородин С. В. Теоретические проблемы советской уголовной политики // XXV съезд КПСС и дальнейшее укрепление социалистической законности. М., 1977.
3. Гальперин И. М., Курляндский В. И. Предмет уголовной политики и основные направления ее изучения // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975. С. 6–21.
4. Герцензон А. А. Уголовное право и социология (проблемы социологии уголовного права и уголовной политики). М., 1970. 286 с.
5. Грушин Ф. В. Состояние экономики как фактор, определяющий уголовно-исполнительную политику, уголовно-исполнительное право и законодательство // Библиотека криминалиста. 2015. № 6. С. 125–130.
6. Данные судебной статистики Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.
7. Исмаилов И. А. Уголовная политика как сложная система // Ученые записки АГУ имени С. М. Кирова. Сер. Юрид. науки. 1976. Вып. 1.
8. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. URL : <http://фсин.пф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS>.
9. Непомнящая Т. В. Мера уголовного наказания: проблемы теории и практики : монография. М., 2012. 384 с.
10. Селиверстов В. И. Власти России озаботились состоянием Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов РФ. URL : <http://tass.ru/opinions/1597260>.
11. Смирнов Л. Б. Некоторые вопросы современной пенитенциарной политики России // Юридическая наука. 2013. № 4. С. 76–78.
12. Стручков Н. А. Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. Саратов, 1970. 271 с.

EVGENIYA VIKTOROVNA ROGOVA,

dsc in law, associate professor, head, research and editorial-publishing department,
e-mail: rev-80@yandex.ru;

MARIA KONSTANTINOVNA GAIDAI,

dsc in sociology, associate professor,
professor philosophy, psychology and social-humanitarian disciplines department
(East Siberian institute of the Ministry of internal affairs of the Russia),
e-mail: mkgfip@mail.ru

PENITENTIARY POLICY OF RUSSIA

Abstract: the article is devoted to consideration of questions of modern penitentiary policy of Russia. Authors analyze the main approaches to determination of concept and content of penitentiary policy, consider its directions. The emphasis is made on its social and economic conditionality. The feature of the present stage development of the penitentiary policy is the reforming of penal system of Russia consisting in expansion of scope of the punishments which are not connected with imprisonment, on the one hand, and toughening the conditions of holding persons found guilty in committing crimes and those sentenced to imprisonment (transferring to prison regime), on the other hand. In support of it the authors analyze the practice of adjudgement and execution of punishments.

Key words: penal policy, penal system, punishment.

References

1. Golybina M. N. Prioritetnye napravlenija penitenciarnoj politiki v koncepcii razvitija gosudarstva [The priority directions of penitentiary policy in the concept of development of the state]. Politicheskoe upravlenie – Political management, 2013, no. 2. Available at : <http://pu.virmk.ru/arhiv/2013/02/GolybinaMN.htm>.
2. Borodin S. V. Teoreticheskie problemy sovetskoj ugovnoj politiki [Theoretical problems of the Soviet criminal policy]. XXV s'ezd KPSS i dal'nejshee ukreplenie socialisticheskoj zakonnosti [XXV congress of CPSU and further strengthening of socialist legality]. Moscow, 1977.
3. Gal'perin I. M., Kurljanskij V. I. Predmet ugovnoj politiki i osnovnye napravlenija ee izuchenija [Subject of criminal policy and main directions of its studying]. Osnovnye napravlenija bor'by s prestupnost'ju [Main directions of fight against crime]. Moscow, 1975, pp. 6–21.
4. Gercenzon A. A. Ugolovnoe pravo i sociologija (problemy sociologii ugolovnogo prava i ugolovnoj politiki) [Criminal law and sociology (problem of sociology of the criminal law and criminal policy)]. Moscow, 1970. 286 p.
5. Grushin F. V. Sostojanie jekonomiki kak faktor, opredelajushhij ugolovno-ispolnitel'nuju politiku, ugolovno-ispolnitel'noe pravo i zakonodatel'stvo [State of the economy as the factor determining criminal and executive policy, the criminal and executive right and the legislation]. Biblioteka kriminalista – Library of the criminalist, 2015, no. 6, pp. 125–130.
6. Dannye sudebnoj statistiki Sudebnogo Departamenta pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii [Data of a legal statistics of Judicial Department in case of the Supreme Court of the Russian Federation]. Available at : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.
7. Ismailov I. A. Ugolovnaja politika kak slozhnaja sistema [Criminal policy as difficult system]. Uchenye zapiski AGU imeni S. M. Kirova. Seria Juridicheskie nauki – Scientific notes of AGU of S. M. Kirov. Series Jurisprudence, 1976, vol. 1.
8. Kratkaja harakteristika ugolovno-ispolnitel'noj sistemy [Short characteristic of criminal and executive system]. Available at : <http://fsin.rf/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/>.
9. Nepomnjashhaja T. V. Mera ugolovnogo nakazaniya: problemy teorii i praktiki [Measure of criminal sanction: problems of the theory and practice]. Moscow, 2012. 384 p.
10. Seliverstov V. I. Vlasti Rossii ozabotilis' sostojaniem Ugolovnogo i Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksov RF [The authorities of Russia have attended to a condition of Criminal and Criminal and executive codes of the Russian Federation]. Available at : <http://tass.ru/opinions/1597260>.
11. Smirnov L. B. Nekotorye voprosy sovremennoj penitenciarnoj politiki Rossii [Some questions of modern penitentiary policy of Russia]. Juridicheskaja nauka – Jurisprudence, 2013, no. 4, pp. 76–78.
12. Struchkov N. A. Sovetskaja ispravitel'no-trudovaja politika i ee rol' v bor'be s prestupnost'ju [The Soviet corrective-labor policy and its role in fight against crime]. Saratov, 1970. 271 p.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ВОРОБЬЕВ,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории государства и права,
международного и европейского права
(Академия ФСИН России),
e-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ДИСКРЕДИТАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Реферат: в статье рассматривается влияние совершения коррупционных преступлений на появление дискредитации деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы России; излагаются проблемы, связанные с распространением дискредитации деятельности уголовно-исполнительной системы, а также анализируются концептуальные государственные документы, направленные на предотвращение этого антигосударственного явления. В ходе исследования использовались современные общенаучные и специальные методы познания: анализ, синтез, структурно-функциональный, нормативно-логический, комплексный.

Научная новизна статьи заключается в разработке теоретико-правового определения дискредитации деятельности уголовно-исполнительной системы, которая связана с деструктивной деятельностью субъектов правоотношений; в отражении нового видения процесса дискредитации с учетом современных данных и документов, в анализе распространения дискредитации, направленной на дестабилизацию функционирования деятельности уголовно-исполнительной системы.

Статья отражает нашу субъективную позицию по данной проблематике и не преследует цель осуществления критики уголовно-исполнительной системы, органов власти и каких-либо политических процессов, происходящих в стране.

Ключевые слова: дискредитация, уголовно-исполнительная система, коррупция, государство, сотрудники, преступления, учреждения и органы, исполняющие уголовные наказания.

Напряженная геополитическая обстановка в мире способствует распространению дискредитации, являющейся результатом совершения участниками общественных отношений действий, прямо или косвенно направленных на понижение уровня доверия граждан к государству и его властным структурам.

Обратимся к определению понятия «дискредитация». Во-первых, согласно Словарию русского языка С. И. Ожегова дискредитировать означает подорвать (подрывать) доверие к кому-чему-нибудь, умалять чей-нибудь авторитет [1, с. 167]. Во-вторых, в уголовном праве дискредитирование власти (от фр. *discrediter* – подрывать доверие) – совершение должностным лицом действий, явно подрывающих в глазах граждан достоинство и авторитет органов власти [2, с. 400].

Дискредитация – сложный, многоуровневый и длительный процесс, развивающийся как в сфере, так и вовне отношений государственной системы управления, который сопряжен с формированием отрицательного мнения у населения, а возможно, и мирового сообщества о государстве в целом или его отдельных институтах. Вследствие этого целями дискредитации, на наш взгляд, являются: снижение

уровня авторитета государственной власти и государственных институтов, дестабилизация системы управления государством и в его структурах, воздействие на массовое сознание населения для создания негативного отношения к работе органов государственной власти. Один из государственных институтов, в деятельности которого может проявляться дискредитация, – уголовно-исполнительная система Российской Федерации. В соответствии со ст. 5 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» уголовно-исполнительная система включает в себя: 1) учреждения, исполняющие наказания; 2) территориальные органы уголовно-исполнительной системы; 3) федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р была принята Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года. В разд. 6 Концепции предусматривается совершенствование

сотрудничества с институтами гражданского общества и осуществление контроля за деятельностью уголовно-исполнительной системы посредством взаимодействия с представителями средств массовой информации в вопросах освещения мер, направленных на обеспечение надлежащих условий содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных, повышения престижности службы в уголовно-исполнительной системе, противодействия дискредитации ее деятельности.

Признание государством возможности дискредитации уголовно-исполнительной системы позволяет заключить, что целеустремленность дискредитационного негативного процесса может состоять в дестабилизации деятельности уголовно-исполнительной системы, изменении механизма ее управления, формировании у населения страны негативного представления о деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, а также ее сотрудников. Дискредитация уголовно-исполнительной системы может быть связана с различными сферами ее функционирования: исполнение уголовных наказаний, воспитательная работа с осужденными, оказание им медицинской помощи, обеспечение их трудовой занятости, правовая, договорная, хозяйственная и финансовая деятельность органов и учреждений, исполняющих наказания.

По мнению Ю. А. Кашубы, дальнейшее развитие УИС зависит не только от наличия системы уголовных наказаний и норм по их исполнению, но и от возможностей ее фактического, а не теоретического применения, оптимального определения структуры учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, комплектования квалифицированным и некоррупцированным персоналом, научного сопровождения деятельности УИС, в том числе разработки и внедрения в процесс подготовки кадров учебно-методических программ, реально обоснованного ее обеспечения (ограничения) материально-финансовыми ресурсами, комплексного взаимодействия всех субъектов правоохранительной деятельности [5, с. 22].

В российском уголовном законодательстве дискредитирование органов государственной власти не является самостоятельным составом преступления. Однако такое собирательное понятие, как «коррупция», охватывает целый ряд преступлений, предусматриваемых Уголовным кодексом Российской Федерации. Совершение какого-либо из них должностным лицом влечет за собой, как представляется, подрыв авторитета органов власти и доверия к ним у граждан. С учетом этого полагаем, что совершение сотрудниками уголовно-исполнительной системы коррупционных преступлений является одним из первостепенных факторов, обуславливающих распространение дискредитации ее деятельности.

Данные психологического исследования позволяют представить типологию сотрудников-коррупционеров: общительные, дружелюбные, готовые к близким эмоциональным контактам и желающие быть социально полезными; замкнутые, испытывающие эмоциональную отчужденность и не желающие быть социально полезными.

Сотрудники-коррупционеры, совершая преступления, злоупотребляют своими должностными обязанностями и тем самым наносят существенный урон престижу уголовно-исполнительной системы, подрывают веру граждан в справедливость закона [3, с. 80–81].

Коррупция в нашей стране представляет собой бизнес, формирующийся за счет избыточных функций и процедур власти, считает председатель Национального антикоррупционного комитета К. Кабанов. По его мнению, при коррупционной составляющей теряется функция управления, что является существенным обстоятельством общественной дестабилизации. Принятые в связи с этим меры и наглядные уголовные процессы по таким делам – шаг к уменьшению коррупции в стране. Необходимо также, на его взгляд, установление персональной ответственности руководителей за ее допущение в их ведомствах [6].

Повышение эффективности противодействия коррупции обусловлено крайне высокой степенью общественной опасности данного социального явления прежде всего для управленческой сферы, в которой решения облакаются в форму правовых актов [4, с. 100].

Коррупция в правоохранительных органах имеет повышенную общественную опасность, поскольку именно эти структуры государственной власти призваны вести борьбу с коррупцией на всех уровнях публичного управления. Коррупционность правоохранительных органов являет собой реальную угрозу безопасности личности, общества и государства.

В своем выступлении на расширенном заседании коллегии МВД России 15 марта 2016 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин высказал критические замечания по данной проблеме. «Два последних года отмечается снижение числа преступлений коррупционной направленности, выявленных органами МВД. Здесь, конечно, нужно... внимательно посмотреть на реалии, проанализировать эту ситуацию. Если действительно коррупционных проявлений стало меньше – слава Богу, тогда мы добиваемся какого-то положительного результата, а если это результат того, что мы с вами, имею в виду МВД, снизили активность по этому направлению, то это, наверное, не самая основная цель, к которой мы стремились, – наоборот, работу по этому направлению нужно усилить, разумеется, не для отчетности, а для оздоровления ситуации в экономике, для повышения доверия к ор-

ганам власти в целом» [7]. Несмотря на это, сотрудниками ФСИН России продолжают совершаться преступления коррупционной направленности. Следственными органами Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве завершено расследование уголовного дела в отношении бывшего руководителя ГУФСИН России по Пермскому краю. Он обвиняется в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ (мошенничество) [8].

Следственными органами Следственного комитета Российской Федерации по Республике Коми возбуждено уголовное дело в отношении бывшего начальника УФСИН России по Республике Коми, подозреваемого в растрате вверенного государственного имущества, совершенной группой лиц по предварительному сговору, с использованием служебного положения, в особо крупном размере (ч. 4 ст. 160 УК РФ).

Степень организованности общества зависит от гармоничного сочетания общих и индивидуальных

интересов, имеющих постоянный и объективный характер. Только при взаимопонимании граждан и органов власти, обоюдном сотрудничестве в осуществлении общих задач, справедливой реакции общества и государства на проявления коррупции в различных сферах деятельности, в том числе уголовно-исполнительной, тесном взаимодействии институтов государственной власти, правоохранительных органов и общественности возможно оптимальное функционирование уголовно-исполнительной системы России.

Изложенное позволяет сформулировать определение дискредитации уголовно-исполнительной системы следующим образом: дискредитация уголовно-исполнительной системы представляет собой деструктивную деятельность субъектов правоотношений, направленную на снижение доверия населения к деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, посредством совершения дестабилизирующих их деятельность правонарушений.

Список литературы

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 2003. 944 с.
2. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. С. М. Ковалев. М., 1980. 1600 с.
3. Гаврина Е. Е., Хаванова И. С. Мотивационная сфера личности бывших сотрудников уголовно-исполнительной системы, совершивших преступления коррупционного характера // Прикладная юридическая психология. 2015. № 3. С. 80–81.
4. Чистотина О. Н. Проблемы реализации антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов // Человек: преступление и наказание. 2015. № 4. С. 100.
5. Кашуба Ю. А. Развитие уголовно-исполнительной системы России с учетом международных стандартов: версия 2.0 // II Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: сб. тез. Рязань, 2015. Т. 2. С. 22.
6. Природа коррупции. Почему нельзя победить? : материалы круглого стола. URL : <http://www.pnp.ru/news/detail/78688> (дата обращения: 17.04.2015).
7. Выступление В. В. Путина на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51515> (дата обращения: 23.03.2016).
8. Следственный комитет Российской Федерации. URL : <http://sledcom.ru/news/item/996835> (дата обращения: 22.03.2016).

SERGEY MIKHAYLOVICH VOROBYOV,

dsc in law, associate professor,
 professor, theory of the state and law, international
 and european law department
 (Academy of the FPS of Russia),
 e-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru

TO THE QUESTION OF CONCEPT OF DISCREDIT OF ACTIVITIES OF THE PENAL SYSTEM

Abstract: the article deals with the influence of commission of corruption crimes on the appearance of discredit of the activity of institutions and penal bodies of Russia; the problems connected with distribution of discredit of the activity of the penal system are considered and also the conceptual state documents directed to pre-

vention of this anti-state phenomenon are analyzed. During the research the author uses modern general scientific and special methods of knowledge: analysis, synthesis, structure-function synthesis, standard synthesis, complex synthesis.

The scientific novelty of the article consists in the development of legal-theoretical definition of discredit of the activity of the penal system which is connected with the destructive activity of subjects of legal relationship; in reflection of a new vision of the process of discredit taking into account modern data and documents, in the analysis of distribution of the discredit directed to destabilization of functioning of the penal system.

The article reflects our subjective position on this problematic and doesn't pursue the aim to criticize the penal system, the authorities and any political processes happening in the country.

Key words: discredit, a penal system, corruption, state, employees, crimes, institutions and bodies executing criminal penalties.

References

1. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka S. I. Ozhegova i N. Ju. Shvecova [Explanatory dictionary of Russian of S. I. Ozhegov i N. Ju. Shvecov]. Moscow, 2003. 944 p.
2. Sovetskij jenciklopedicheskiy slovar' [Soviet encyclopedic dictionary]. Under the editorship of S. M. Kovalev. Moscow, 1980. 1600 p.
3. Gavrina E. E., Havanova I. S. Motivacionnaja sfera lichnosti byvshih sotrudnikov ugovolno-ispolnitel'noj sistemy, sovershivshih prestuplenija korrupcionnogo haraktera [The motivational sphere of the identity of the former employees of criminal and executive system which have committed crimes of corruption nature]. Prikladnaja juridicheskaja psihologija – Applied legal psychology, 2015, no. 3, pp. 80–81.
4. Chistotina O. N. Problemy realizacii antikorrupcionnoj jekspertizy normativnyh pravovyh aktov [Sales problems of anti-corruption examination of regulatory legal acts]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2015, no. 4, p. 100.
5. Kashuba Ju. A. Razvitie ugovolno-ispolnitel'noj sistemy Rossii s uchetom mezhdunarodnyh standartov: versija 2.0 [Development of ugovolno-ispolnitelny system of Russia taking into account international standards: version 2.0]. Sbornik tezisov II Mezhdunarodnogo penitencijnogo foruma «Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie» [Collection of theses of the II International penitentiary forum «Crime, Punishment, Correction»]. Ryazan, 2015, vol. 2, p. 22.
6. Materialy kruglogo stola: «Priroda korrupcii. Pochemu nel'zja pobedit'?» [Materials of a round table: «Corruption nature. Why it is impossible to win?»]. Available at : <http://www.pnp.ru/news/detail/78688> (Accessed 17 April 2015).
7. Vystuplenie V. V. Putina na rasshirennom zasedanii kollegii Ministerstva vnutrennih del Rossii [V. V. Putin's performance on enlarged meeting of board of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. Available at : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51515> (Accessed 23 March 2016).
8. Sledstvennyj komitet Rossijskoj Federacii [Investigative committee of the Russian Federation]. Available at : <http://sledcom.ru/news/item/996835> (Accessed 22 March 2016).

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЧИСТЯКОВ,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
(Рязанский филиал Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя);

ТАТЬЯНА ИГОРЕВНА ЕГОРОВА,

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного права
(Академия ФСИН России),
e-mail: madamti62@yandex.ru

ПОЭЛЕМЕНТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ МЕХАНИЗМА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Реферат: вопросы, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, исследуются различными отраслями права посредством анализа отдельных преступлений рассматриваемой категории и их совокупности, составов, уголовной ответственности и наказания. В юриспруденции наркопреступность представлена рядом деяний, изучаемых с позиций и сетевого распространения, и распределения.

Изучение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, как элементов механизма, касающегося комплекса отношений структурно-функционального характера, позволяет выработать системный подход к изучению социально значимых явлений, определяющих состояние здоровья населения.

Установление существующих между элементами связей, конструирование умозрительных абстрактных моделей исследуемого негативного явления выступает основанием анализа и синтеза общественных отношений в сфере незаконного оборота наркотиков, изучаемых в качестве статичной и динамичной систем.

Упорядоченная совокупность необходимых элементов составов преступлений, связанных с наркотическими средствами и психотропными веществами, представляет собой пример статичной системы, характеризующейся основными и квалифицирующими признаками. Незаконность и альтернативность закрепленных в УК РФ действий характерны для посягательств рассматриваемой категории. Проекция наиболее значимых и существенных характеристик состава, объединенных в четыре объективно-субъективных элемента, составляют абстрактную модель того или иного преступления, связанного с незаконным оборотом наркотиков. Квалификации деяния при этом предполагает классификацию и систематизацию признаков преступления.

В отличие от статичных систем динамичная криминальная система функционирует в подвижном состоянии. Особенностью распространения наркопреступности является ее нацеленность на расширение сферы своего влияния, осуществляемого поэтапно.

Незаконный оборот наркотиков характеризуется наличием связей между звеньями распространения, расширением девиантной среды наркоманов. Наиболее общественно опасные наркопреступления оказывают формирующее взаимовлияние на способы и характер других преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Механизм незаконного оборота наркотиков имеет определенную систему элементов, сложность и устойчивость которых часто определяется количественными и качественными признаками предмета посягательства.

Ключевые слова: механизм, элементы, система, состав преступления, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ.

Традиционно при изучении незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в уголовном праве в качестве основных категорий выступают преступление, его состав как система обязательных и фа-

культативных элементов, уголовная ответственность и наказание.

В смежных науках наркопреступность изучается с позиций сетевого распространения, представляющего собой определенную систему незаконных

действий, объединенных единой целью получения наркотических средств и психотропных веществ конечным потребителем. В связи с этим своевременно появление и развитие в российском уголовном праве новых теорий, позволяющих рассматривать квалификацию преступлений и формирование оснований уголовной ответственности в качестве определенного механизма. Данный подход позволяет использовать закономерности работы механизма в противодействии преступности. При этом механизм рассматривается как способ функционирования, система средств и стадий воздействия, в результате которых достигается определенный результат. Данная дефиниция недавно употребляется в правовой науке в различных значениях применительно к таким явлениям, как уголовно-правовое регулирование, механизм правотворчества, механизм адаптации, механизм реализации прав, механизм охраны прав и т. д.

Согласно этимологии механизм (от греч. *mechane* – орудие, машина) – это «устройство для передачи и преобразования движений, представляющее собой систему тел (звеньев), в которой движение одного или нескольких тел (ведущих) вызывает вполне определенные движения остальных тел системы; внутреннее устройство, система чего-либо» [1, с. 309].

Примечательно, что при наличии определенной совокупности элементов указанное понятие может применяться при характеристике как отдельного состава преступления, связанного с наркотическими средствами и психотропными веществами, так и нескольких рассматриваемых противоправных деяний. В данном случае механизм можно рассматривать как определенную систему признаков, связанных между собой комплексом отношений структурно-функционального характера.

Системное изучение социально значимых явлений и предметов невозможно без сознательного уяснения элементов и осмысления закономерностей их выделения и связей друг с другом.

Анализируя общественные отношения в сфере незаконного оборота наркотиков, всегда возможно выделить его элементы, установить существующие между элементами связи, сконструировать умозрительную абстрактную модель исследуемого негативного социального феномена.

Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, следует рассматривать в качестве статичной и динамичной систем, представлять в связи с наркобизнесом, наркотизмом, наркоманией.

Механизм уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, являясь упорядоченной совокупностью необходимых элементов, выступает сложным явлением в связи с особенностями самих посяга-

тельств рассматриваемой категории. Совершение данных общественно опасных деяний в абсолютном большинстве случаев основывается на предыдущей преступной деятельности, связанной, по крайней мере, с изготовлением наркотических средств и психотропных веществ, которые вовлекаются в дальнейший незаконный оборот, осуществляемый в разнообразных противоправных формах.

Так, кассационным определением Верховного Суда РФ от 26 января 2012 г. № 53-О11-72 установлено, что осужденные входили в организованную группу, занимаясь приготовлением к сбыту наркотиков, получая их крупными партиями (27 пакетов общей массой 29 534 г и 619,7 г опия; 4 пакета с 14 свертками, 2 пакета с 18 свертками и 3 пакета с 26 свертками опия общей массой 80 851 г; 27 свертков опия общей массой 34 866 г; 11 и 51 пакет с героином общей массой 68 677,55 г), распределяя, а затем сбывая наркозависимым лицам.

Каждое отдельное преступление, связанное с незаконным оборотом наркотиков, может быть изучено как определенный механизм, представленный в статичной или динамичной форме.

Примером статичной системы служит состав любого из преступлений рассматриваемой категории, которые различаются по сочетанию основных и квалифицирующих признаков.

Характерные признаки незаконности совершаемых активных деяний, альтернативное закрепление отдельных способов совершения преступлений, видов наркотиков и их размеров, использование квалифицирующих обстоятельств наступления общественно опасных последствий или места совершения преступления и т. д. являются специфичными для составов рассматриваемой категории. Данное положение соответствует представлению о составе преступления как структурированной совокупности, концентрирующей в своем содержании «наиболее значимые в уголовно-правовом отношении признаки общественно опасного деяния, позволяющие судить о нем как о преступлении» [2, с. 108].

Законодатель, указывая признаки того или иного преступления, связанного с незаконным оборотом наркотиков, формирует в законе некий шаблон преступного деяния, проектирует наиболее значимые характеристики посягательства, сводимые в четыре блока объективно-субъективных элементов.

Состав преступления представляет собой систему признаков, относящихся к объекту, объективной стороне, субъекту и субъективной стороне. Установление одного из признаков состава преступления или нескольких из них уже позволяет говорить о возможности квалификации деяния. Уже на этапе возбуждения уголовного дела и расследования преступления в отношении лица, со-

вершившего преступление, связанное с незаконным оборотом наркотиков, применяются меры уголовно-процессуального принуждения, которые представляют собой одну из форм реализации уголовной ответственности.

Классификация и систематизация признаков преступления дает возможность квалификации деяния. Теоретическая модель состава преступления становится инструментом познания практической реальности совершенного посягательства, связанного с незаконным оборотом наркотиков, посредством «перевода» догмы права в плоскость социологии права.

Обнаружение незаконного оборота наркотических средств или психотропных веществ в небольшом, значительном, крупном или особо крупном размере является достаточным основанием для возбуждения уголовного дела по факту совершения деяния, содержащего признаки преступления. Можно согласиться с тем, что осуществление «лишь одного из признаков состава преступления либо нескольких, но не всех его признаков не позволяет говорить о наличии состава преступления, а следовательно, и об основании уголовной ответственности. Точнее, такие признаки являются лишь условиями уголовной ответственности, каждое из которых необходимо, но недостаточно для уголовной ответственности» [3, с. 185–186].

Являясь юридическим основанием уголовной ответственности, состав преступления формирует правовую сторону преступления, «связывает наступление уголовной ответственности с действующим уголовным законом» [4, с. 20]. Лишь наличие всей совокупности элементов состава преступления позволяет говорить об основании уголовной ответственности. В уголовном законе закреплены типовые признаки, соответствующие четырем элементам: объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона.

Система указанных элементов состава преступления в различном сочетании объективных и субъективных признаков позволяет дифференцировать ответственность за незаконный оборот наркотиков.

В динамичных криминальных системах одну из наиболее разветвленных и организованных представляет собой незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, все элементы в процессе функционирования находятся в подвижном состоянии, нацелены на расширение сферы воздействия и ее упорядочение, определение новых форм и способов проявления (каналов приоб-

ретения и сбыта все более концентрированных новых наркотиков). Основные признаки такого механизма, работающего в отношении объектов, изъятых или ограниченных в гражданском обороте, идентичны характеристикам незаконного оборота в целом. Однако функционирование данных систем осуществляется поэтапно.

Характер связей между звеньями незаконного оборота наркотиков, каждое из которых направлено на извлечение выгоды, расширение девиантной среды наркоманов, выступает фактором, определяющим динамичность системы.

Незаконный оборот наркотиков, например, контрабанда наркотиков как бы перетекает в их незаконное хранение, сбыт и т. д.

Так, апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26 сентября 2013 г. № 4-АПУ13-52 установлено, что осужденный, имея умысел на незаконный оборот наркотических средств в целях личного обогащения, незаконно приобрел у неустановленного лица наркотическое средство – героин в количестве не менее 1091,49 г, упакованный в 229 контейнеров. Реализуя свой преступный умысел, приобретенное наркотическое средство он сокрыл в четырех хлебобулочных изделиях (лепешках) и незаконно переправил его воздушным транспортом, создав тем самым условия, направленные на незаконный сбыт наркотического средства.

Между данными противоправными деяниями формируется двусторонняя связь: общественно опасное по способу деяние – контрабанда – оказывает формирующее значение на способы и характер других преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, количество и опасность которых соотносятся с размерами незаконно перемещаемых через таможенную границу наркотических средств и психотропных веществ.

Таким образом, механизм незаконного оборота наркотиков характеризуется определенной системой элементов, объединенных единым умыслом, направленным на распространение наркотических средств и психотропных веществ и их немедицинское потребление.

Механизм взаимодействия, сложность и устойчивость связей и состояние элементов во многом определяется количеством и качеством наркотиков, находящихся в незаконном обороте, необходимостью отработки и налаживания каналов их приобретения и сбыта.

Список литературы

1. Словарь иностранных слов. 15-е изд., испр. М., 1988. 608 с.
2. Протасов В. В. Правоотношение как система. М., 1991. 143 с.
3. Карпушин М. П., Курляндский В. И. Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974. 232 с.

4. Чистяков А. А. Элементы основания уголовной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1993. 24 с.

ALEXEY ALEKSEEVICH CHISTYAKOV,
 dsc in law, professor,
 professor, criminal law and criminology department
 (Ryazan branch of the Ministry of Internal affairs
 Moscow university of Russia of V. Ya. Kikoty);
TATYANA IGOREVNA EGOROVA,
 phd in law, senior lecturer criminal law department
 (Academy of the FPS of Russia),
 e-mail: madamti62@yandex.ru

BIT-BY-BIT CONTENT OF THE MECHANISM OF THE CRIMES CONNECTED WITH ILLICIT TRAFFICKING IN DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES

Abstract: illicit trafficking in drugs and psychotropic substances is researched by various branches of the right by means of the analysis of separate crimes of the considered category and all their complex, structures, criminal liability and punishment. In law the narcocrime is provided by a number of the acts studied including, from line items of network distribution and distribution.

Studying the crimes connected with illicit trafficking in drugs and psychotropic substances as elements of the mechanism connected with the complex of relations of structural functional nature allows to develop an approach that takes into consideration the whole system of factors in the study of socially important phenomena that determine health of the population.

Establishment of the communications existing between elements, designing of speculative abstract models of the researched negative phenomenon acts as the basis of the analysis and synthesis of the public relations in the sphere of drug trafficking studied as static and dynamic systems.

The ordered set of necessary elements of the crime components connected with drugs and psychotropic substances represents an example of the static system which is characterized by the main and qualifying signs. Illegality and alternativeness of the actions enshrined in the criminal code of Russian Federation are characteristic of encroachments of the considered category. Projection of the most significant and essential characteristics of the structure of the crime united in four objective, subjective elements, constitute abstract model of this or that crime connected with drug trafficking. Qualification of act at the same time assumes classification and systematization of signs of a crime.

Unlike static systems, dynamic criminal system functions in a mobile condition. Feature of distribution of narcocrime is its aiming at expansion of the sphere of the influence performed step by step.

Drug trafficking is characterized by availability of communications between distribution links, expansion of the deviant circle of addicts. The most dangerous narcocrimes influence means and character of other crimes connected with drug trafficking.

Forming of a straight line and inverse relation between the considered illegal acts assumes rendering by the most socially dangerous narcocrime building up values on methods and character of other crimes connected with illicit trafficking in drugs and psychotropic substances.

At the same time the mechanism of drug trafficking has a certain system of elements, their complexity and stability of these elements is often determined by quantitative and high-quality signs of a subject of encroachment.

Key words: mechanism, elements, system, actus reus, illicit trafficking in drugs and psychotropic substances.

References

1. Slovar' inostrannyh slov [Dictionary of foreign words]. The 15th edition corrected. Moscow, 1988. 608 p.
2. Protasov V. V. Pravootnoshenie kak sistema [Legal relationship as system]. Moscow, 1991. 143 p.
3. Karpushin M. P., Kurljandskij V. I. Ugolovnaja otvetstvennost' i sostav prestuplenija [Criminal liability and crime structure]. Moscow, 1974. 232 p.
4. Chistjakov A. A. Jelementy osnovanija ugolovnoj otvetstvennosti. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Elements of the basis of criminal liability. Cand. legal sci. diss. abstract]. Ryazan, 1993. 24 p.

ОЛЬГА АНАТОЛЬЕВНА МАЛЫШЕВА,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
(Академия ФСИН России),
e-mail: moa_0510@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЫДАЧИ ИНОСТРАННОГО ГРАЖДАНИНА ДЛЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ИЛИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА

Реферат: международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства является многоаспектным, и каждая область такого сотрудничества отличается особенностями правового регулирования.

Наиболее сложным с точки зрения правоприменения выступает правовое регулирование института выдачи Российской Федерацией иностранного гражданина для привлечения его к уголовной ответственности или для приведения приговора в исполнение в силу действия ряда факторов объективного характера.

Формированию целостного представления Генеральным прокурором РФ, его заместителем, прокурором, органами ФСИН России, судом о содержании нормативных правовых актов, устанавливающих условия, основания, порядок указанной выдачи, закрепляющих полномочия субъектов, участвующих в осуществлении данного направления международного сотрудничества, а также о содержании правоотношений, складывающихся между субъектами по поводу исполнения запроса о передаче, будет способствовать представленная автором систематизация соответствующих нормативных правовых актов. Отмеченное позволит указанным субъектам более качественно решать свои профессиональные задачи в части, касающейся выдачи, в более полном объеме соблюдать права и законные интересы иностранных граждан, подлежащих выдаче для уголовного преследования или исполнения приговора.

Ключевые слова: правовое регулирование, выдача, иностранный гражданин, уголовное преследование, исполнение приговора.

Укрепление позиций Российского государства в мировом правовом пространстве обоснованно влечет за собой расширение практики международного сотрудничества, в том числе в сфере уголовного судопроизводства. Последнее обусловлено также активизацией миграционных процессов, наблюдающейся на протяжении последних десяти лет.

Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства является многоаспектным, и каждая область такого сотрудничества (направление Российской Федерацией материалов уголовного дела для осуществления уголовного преследования на территории иностранного государства, исполнение запроса иностранного государства об осуществлении уголовного преследования на территории Российской Федерации, передача иностранного гражданина, осужденного к лишению свободы, в государство его гражданства для отбывания наказания и др.) отличается особенностями правового регулирования.

Наиболее сложным с точки зрения правоприменения выступает, по нашему мнению, правовое регулирование института выдачи Российской Федерацией иностранного гражданина (понятие «иностранный гражданин» включает в себя понятие «лицо без гра-

жданства», возможность чего допускается п. 2 ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации») для привлечения его к уголовной ответственности или для приведения приговора в исполнение. Подтверждением заключения автора выступает наличие таких фактов, как многочисленность нормативных правовых актов, регламентирующих указанную область международного сотрудничества, безусловность их соблюдения, жесткая структурированность, необходимость учета специфики правового статуса лица, вовлеченного в сферу уголовного преследования, наличие правовой неопределенности по отдельным вопросам выдачи. Вывод о существовании проблем в области правового регулирования выдачи иностранного гражданина для уголовного преследования или исполнения приговора можно сделать исходя из анализа содержания постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 г. № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» (пп. 1–31). Данное обстоятельство обуславливает необходимость более внима-

тельного подхода властных субъектов указанной передачи к осуществлению своих полномочий, требует от них глубокого знания емкой нормативно-правовой основы, имеющей своим назначением защиту личности, подлежащей выдаче, от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Речь идет о таких субъектах, как Генеральный прокурор РФ (ч. 4–5, 7 ст. 462, ч. 3 ст. 464, ч. 2 ст. 465, ч. 3 ст. 466 УПК РФ), прокурор (ч. 2, 3 ст. 463, ч. 1, 2 ст. 466 УПК РФ), органы ФСИН России (§ 5 подп. 1 п. 7 Положения о Федеральной службе исполнения наказаний; Указом Президента РФ от 12 октября 2004 г. № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» на ФСИН России возлагается обязанность по организации исполнения международно-правовых обязательств Российской Федерации в части экстрадиции, – передачи лиц по запросу иностранного государства для уголовного преследования или исполнения приговора), суд (ч. 1, 4–9 ст. 463 УПК РФ).

Формирование целостного представления указанными субъектами о содержании нормативных правовых актов, регламентирующих процедуру отмеченной передачи, позволит им более качественно решать свои профессиональные задачи в части, касающейся выдачи, в более полном объеме соблюдать права и законные интересы иностранных граждан, подлежащих выдаче для уголовного преследования или исполнения приговора. В этих целях полезна систематизация указанных актов с учетом их юридической силы, которую можно представить следующим образом:

1. Международные правовые акты общего действия:

- Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г.;
- Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.;
- Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и протоколы к ней;
- Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г.;
- Минимальные стандартные правила обращения с заключенными от 30 августа 1955 г. (ст. 45);
- Венская конвенция о консульских сношениях от 24 апреля 1963 г. (ст. 36);
- Конвенция о статусе беженцев от 28 июля 1951 г.

2. Многосторонние договоры Российской Федерации, регулирующие межгосударственное сотрудничество в сфере борьбы с отдельными видами преступлений:

- Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20 декабря 1988 г. (ст. 6);
- Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. (ст. 44);

- Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма от 13 апреля 2005 г. (ст. 11);

- Конвенция против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. (ст. 16);

- Конвенция по борьбе с подкупом должностных лиц иностранных государств при проведении международных деловых операций от 21 ноября 1997 г. (ст. 10);

- Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма от 16 мая 2005 г. (ст. 18–20);

- Европейская конвенция о пресечении терроризма от 27 января 1977 г.

3. Многосторонние международные договоры о выдаче:

- Европейская конвенция о выдаче от 13 декабря 1957 г. с изменениями, внесенными Дополнительным протоколом от 15 октября 1975 г., Вторым дополнительным протоколом от 17 марта 1978 г.;

- Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. с изменениями, внесенными протоколом от 28 марта 1997 г. (разд. IV);

- Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма от 16 июня 2009 г. (ст. 11).

4. Иные многосторонние международные акты, касающиеся выдачи:

- соглашение о порядке передачи и транзитной перевозки лиц, взятых под стражу, от 17 февраля 1994 г. (г. Ашгабат);

- Инструкция о едином порядке осуществления межгосударственного розыска лиц, утвержденная Советом МВД государств – участников СНГ 7 сентября 2007 г. (г. Баку).

5. Двусторонние международные договоры Российской Федерации о выдаче:

- договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о выдаче 1995 г.;

- договор между Российской Федерацией и Республикой Индией о выдаче 1998 г.;

- договор между Российской Федерацией и Федеративной Республикой Бразилией о выдаче 2002 г.;

- договор между Российской Федерацией и Республикой Анголой о выдаче 2006 г.;

- договор между СССР и Федеративной Народной Республикой Югославией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1962 г.;

- договор между Российской Федерацией и Эстонской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г.;

- другие одноименные двусторонние договоры Российской Федерации с иностранными государствами;

- консульские (двусторонние) конвенции по консульским вопросам.

6. Федеральные законы:
- Конституция Российской Федерации (ст. 15, 17, 18, 46);
  - Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (ст. 7, 9, 15, ч. 2 ст. 97, ст. 108, 109, 125, ч. 1 ст. 462, ч. 3 ст. 463, 464, 466);
  - Уголовный кодекс Российской Федерации (ст. 11, 12);
  - Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (ч. 9 ст. 12);
  - Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-1-ФЗ «О беженцах» (п. 1 ст. 10, п. 4 ст. 12);
  - Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (п. 8, 9 ст. 24);
  - Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (ст. 1, 2, п. 1. 2 ст. 7, п. 2 ст. 9, п. 1, 2 ст. 10, п. 2, 11 ст. 31);
  - Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (ст. 50).
7. Судебные акты:
- регламент Европейского Суда по правам человека по состоянию на 1 июля 2013 г. (правило 39);
  - постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и протоколов к ней»;
  - постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»;
  - постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г. № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания»;
  - постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога».
8. Подзаконные нормативные акты:
- Указ Президента Российской Федерации от 12 октября 2004 г. № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» (с Положением о Федеральной службе исполнения наказаний) (§ 5 подп. 1 п. 7);
  - Указ Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 248 «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации» (с Положением

- о Министерстве внутренних дел Российской Федерации) (подп. 11, 26, 27, 43 п. 12);
  - постановление Правительства Российской Федерации от 19 июля 2012 г. № 728 «О порядке взаимодействия Федеральной миграционной службы и Федеральной службы исполнения наказаний при реализации международных договоров Российской Федерации»;
  - постановление Правительства Российской Федерации от 15 января 2007 г. № 9 «О порядке осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»;
  - постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 2003 г. № 382 «О проставлении отметки о запрещении въезда в Российскую Федерацию некоторых категорий иностранных граждан и лиц без гражданства» (подп. «в» п. 1, пп. 2, 3);
  - приказ МВД России, Минюста России, ФСБ России, ФСО России, ФСКН России, ФТС России от 6 октября 2006 г. № 786/310/470/454/333/971 «Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола»;
  - приказ Минюста России от 14 декабря 2005 г. № 242 «Об организации работы по исполнению международных обязательств Российской Федерации»;
  - приказ Минюста России от 20 августа 2007 г. № 171 «О порядке представления и рассмотрения документов для подготовки распоряжений Министерства юстиции Российской Федерации о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих освобождению из мест лишения свободы»;
  - приказ Минюста России и ФМС России от 7 октября 2008 г. № 225/240 «Об утверждении Регламента взаимодействия Федеральной службы исполнения наказаний и Федеральной миграционной службы, их территориальных органов по контролю за исполнением вынесенных Министерством юстиции Российской Федерации решений о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих освобождению из мест лишения свободы».
- Представленная систематизация нормативно-правовой базы передачи иностранного гражданина, находящегося на территории Российской Федерации, для уголовного преследования или исполнения приговора позволяет заключить, что совокупность нормативных правовых актов, устанавливающих условия, основания, порядок указанной выдачи, закрепляющих полномочия субъектов, участвующих в осуществлении данного направления международного сотрудничества, а также содержание правоотношений, складывающихся между субъектами по поводу исполнения запроса о передаче, разнообразна по юридической силе, многочисленна по содержанию.

Эффективное осуществление передачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора, предусматривающее принятие процессуальных решений и осуществление процессуальных действий, отвечающих требованиям законности, обоснованности, справедливости, мотивированности (ч. 4 ст. 7, ст. 297 УПК РФ), требует от правоприменителя, включая органы ФСИН России, не только знания

самого факта действия указанных международных правовых актов, федеральных законов, соответствующих судебных актов и подзаконных нормативных актов, но и глубокого владения их содержанием, а также умения грамотно их применять при реализации своих полномочий в сфере уголовного судопроизводства в рамках международного сотрудничества.

OLGA ANATOLEVNA MALYSHEVA,
dsc in law, associate professor,
professor criminal process and criminalistics department
(Academy of FPS of Russia),
e-mail: moa_0510@mail.ru

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF FOREIGN CITIZEN'S EXTRADITION FOR CRIMINAL PROSECUTION OR EXECUTION OF A SENTENCE

Abstract: international cooperation in the field of criminal justice is a multi-faceted, and each area of such cooperation is the peculiarities of legal regulation.

The most difficult from the point of view of law enforcement is legal regulation of a foreign citizen's extradition Institute in order to process him to criminal responsibility or to execute a sentence by authority of a number of objective nature factors.

The formation of the integral idea of the General Prosecutor of the Russian Federation, his Deputy, Prosecutor, bodies of the Federal penal service of Russia, by the court about the contents of normative legal acts establishing the terms and conditions, grounds and procedure specified for the extradition, fixing the powers of the subjects involved in implementing the directions of the international cooperation and the maintenance of relationships developing between the subjects on the execution of the request for transfer will contribute to the author's systematization of relevant normative legal acts. All before-mentioned will allow those entities to solve more efficiently their professional problems in respect of the issuance, to more fully observe the rights and legitimate interests of foreign citizens subject to extradition for criminal prosecution or execution of sentence.

Key words: legal adjusting, delivery, foreign citizen, criminal proceeding, execution of sentence.

СТАНИСЛАВ ВИКТОРОВИЧ ГОРНОСТАЕВ,
кандидат психологических наук, доцент, докторант
(Академия ФСИН России),
e-mail: stanislavrz@yandex.ru;

ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ ПОЗДНЯКОВ,
доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
(Российский университет дружбы народов),
e-mail: pozdnyakov53@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ СЛУЖЕБНОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ И ЛИЧНОСТНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

Реферат: в статье лояльность рассматривается как реализация социальной самоидентичности, психоповеденческая конгруэнтность личности значимой группе идентификации. В качестве объекта лояльности обозначаются реальные и условные группы, а ее предмета – нормопорядок группы, то есть система разделяемых членами группы регуляторов активности, содержащихся в групповой культуре. Выделяются административно-правовой и системный подходы к пониманию служебной лояльности. Служебная лояльность – системная реализация социальных идентичностей личности, связанных со служебным положением и деятельностью, или система лояльностей, формирующихся в профессионально-служебной сфере. В рамках служебной лояльности рассматриваются как идентичности, предполагаемые служебным статусом, так и иные, псевдослужебные и околослужебные идентичности, которые прямо не предполагаются должностью, но могут возникать в конкретных условиях службы. Феномен личностного благополучия – устойчивая тенденция общей удовлетворенности личности ее объективным состоянием и взаимодействием со средой, возникающая как следствие субъективного оценивания объективно существующих физиологических, психологических, поведенческих и социально-средовых предпосылок. Подчеркивается связь личностного благополучия государственных служащих со структурой служебной лояльности и выраженностью отдельных входящих в нее лояльностей. Отмечается двусторонность этой связи и ее укрепление по мере усиления доминирования в системе лояльностей одной из них. Раскрываются механизмы формирования и развития этой связи, к числу которых отнесены: реагирование служащими на вызывающие их субъективную удовлетворенность стимулы, доступные в группах, существующих в служебной сфере; усвоение имеющихся в групповом опыте ориентиров и путей достижения благополучия; стремление сохранить чувство удовлетворенности, возникшее в ходе приобщения к той или иной группе.

Указывается на возможность формирования у служащих идентификаций с асоциально ориентированными группами. Приведены исследования, демонстрирующие наличие объективных предпосылок для формирования у государственных служащих лояльности просоциальным группам. Отмечена значимость данного направления психологического сопровождения служебной деятельности государственных служащих.

Ключевые слова: лояльность, служебная лояльность, самоидентификация, самокатегоризация, личностное благополучие, удовлетворенность, государственные служащие, причастность к группе, групповая культура, нормативный порядок.

В настоящее время реформирование государственной службы в России идет в условиях социально-экономической нестабильности, поэтому требуется поиск новых ресурсов, направленных на повышение эффективности служебной деятельности. Среди ресурсов недостаточно задействуется психологический ресурс прежде всего в аспекте использования потенциа-

лов служебной лояльности и личностного благополучия госслужащих, имеющих не только индивидуальное, но и общественное значение в силу их влияния на служебную деятельность [4; 8].

Анализ публикаций свидетельствует о том, что до настоящего времени не проводилось комплексное изучение взаимосвязи феноменов служебной лояльности и личностного благополучия. С учетом

их роли в механизме регулирования поведения, на наш взгляд, могут быть выявлены новые возможности в решении вопросов психологического обеспечения мотивации и мобилизации государственных служащих, в том числе в системе органов и учреждений исполнения уголовных наказаний.

Юридическими психологами лояльность сотрудников ФСИН России изучалась как ресурс совершенствования служебной деятельности (С. В. Горностаев, 2011, 2012, 2014, 2015; Ю. В. Крымова, 2012, 2013, 2015; Д. В. Сочивко, 2012, 2015), а также в аспекте укрепления дисциплины и повышения профессионально-психологической культуры личного состава (В. М. Поздняков, 2003, 2013, 2015).

В социально-психологическом ракурсе лояльность государственных служащих можно рассматривать как конгруэнтность личности культуре (нормопорядку) групп принадлежности, так как она является следствием предварительной социальной самокатегоризации (самоидентификации) личности в отношении социальных групп. При этом объектом лояльности могут выступать как реальные, так и условные группы. Предмет лояльности – нормопорядок группы, то есть система разделяемых членами группы регуляторов активности, содержащихся в групповой культуре. Людей, осознающих свою причастность к субъективно значимой для них группе, можно называть ее лояльными членами, если в своем поведении они руководствуются ключевыми элементами группового нормопорядка (ценностями, целями, убеждениями, нормами и т. п.), которые присутствуют в их личности в качестве значимых индивидуальных регуляторов активности.

Служебная лояльность – это специфический феномен, который присущ субъектам, замещающим должность на государственной службе. Именно из-за многомерности статуса государственного служащего их служебную лояльность следует рассматривать не как лояльность какой-то конкретной группе, а как систему лояльностей. Если лояльность личности – это реализация самоидентификации прежде всего в аспекте референтной группы, то служебная лояльность – это системная реализация ряда социальных идентичностей личности, связанных со служебным положением и деятельностью. Эти идентичности, влияющие на представления человека о себе как субъекте профдеятельности и на формирование самооценки, могут быть связаны с занимаемой должностью в разной степени. В связи с этим возможны различные подходы к изучению служебной лояльности.

С точки зрения административно-правового подхода, то есть с позиции служебного должностования, служебная лояльность может пониматься как исполнение обязанностей, задаваемых служебным статусом и требованиями безопасности. С по-

зиции системного подхода, который все более находит применение в исследованиях психологов, служебную лояльность следует понимать как отношения служащего к нормопорядкам формальных групп, в которые он включается из-за служебно-должностного статуса, а также реальных или условных неформальных групп, возможность принадлежности к которым им субъектно приобретается. В связи с этим служебную лояльность можно изучать: 1) через идентичности, обязательно возникающие у служащих в связи с их служебным статусом и реализуемым профессиональным функционалом; 2) псевдослужебные и околослужебные идентичности, которые прямо не предполагаются должностью, но могут возникнуть в конкретных условиях прохождения службы.

Изучение практики органов и учреждений исполнения уголовных наказаний свидетельствует о том, что у личного состава отдельные лояльности могут быть подчинены друг другу, конкурировать друг с другом или функционировать автономно, специфично актуализируясь и выполняя свои регулирующие функции в различных ситуациях. В итоге служебная лояльность различных категорий сотрудников выражает специфичное соотношение идентификаций с нормопорядком официальных и неофициальных групп, влияя на проявление субъектности и эффективность решения личным составом профзадач.

Связь лояльности с личностным благополучием (personal happiness) была впервые выявлена А. К. Роджерсом. В настоящее время многие исследователи под личностным благополучием подразумевают устойчивую тенденцию общей удовлетворенности личности ее объективным состоянием и взаимодействием со средой [1; 2]. При этом в структуре личностного благополучия обычно выделяют два укрупненных элемента: 1) объективные основания для позитивного восприятия человеком себя и собственной жизни, в том числе «позитивное» (нормальное) психофизиологическое функционирование и эффективное проявление человеком себя в различных сферах жизнедеятельности; объективное наличие внешних факторов благополучия, которые могут позитивно восприниматься и оцениваться человеком; 2) совокупное позитивное восприятие и оценка этих внешних и внутренних факторов, формирующие у человека чувство удовлетворенности.

Исходя из раскрытой выше структуры, личное благополучие можно понимать как интегральную объективно обусловленную удовлетворенность. При этом для формирования переживания удовлетворенности, по мнению Р. М. Шамионова, важны усвоенные человеком нормативные представления о благополучной внешней и внутренней среде [10].

Отсутствие жестко predetermined взаимосвязи конкретных объективных оснований благополучия и собственно удовлетворенности можно проследить на примере традиционно выделяемых четырех факторов благополучия.

1. К уровню внешних (внеличностных) детерминант могут быть отнесены: биологические блага (витальность, возраст, пол); социальные блага (семейные и межличностные отношения); материальные блага (жилищно-бытовые условия, доходы). Указанные особенности, на наш взгляд, не могут быть восприняты и оценены личностью вне социально-групповых контекстов. При этом нормопорядок разных групп задает значимость отношений, определяя, какие из них являются для членов группы обязательными, какие желательными, а какие запретными.

При изучении служебной лояльности сотрудников ФСИН России важно учесть данные исследования С. А. Башкатова и соавторов, изучавших представления о социальных благах в разных культурах и выявивших влияние стереотипов жизни в конкретных сообществах на удовлетворенность их своим полом, возрастом. [1] Установлено, что перечни материальных благ, являющихся мерилом социального успеха, обладание которыми представляет ценность и должно приносить человеку удовлетворение, а отсутствие которых соответственно должно негативно им оцениваться, может отличаться в разных группах. Достаточность либо недостаточность имеющихся материальных благ лояльный член группы субъективно оценивает, опираясь на нормы группы, через принадлежность к которой он определяет свою личность. При этом отдельные материальные блага выполняют символическую функцию не только групповой интеграции, но и внутригрупповой дифференциации, сигнализируя членам группы о групповых статусах, успешности или неуспешности в группе и предопределяя эмоции удовлетворенности или неудовлетворенности.

2. Уровень психологических факторов личностного благополучия также воздействует на удовлетворенность. Самооценка темперамента, базовых свойств личности и черт характера, относимых С. А. Башкатовым к психологическому фактору личностного благополучия, осуществляется человеком с точки зрения представлений о своей принадлежности, о своих наиболее значимых социальных статусах и ролях [2]. Самоидентификация формирует представления о том, какие психологические характеристики должны быть присущи типичному представителю данной социальной группы, а какие считаются в этой группе нежелательными, какие характеристики востребованы и могут реализоваться, а какие не могут.

3. К уровню межличностных факторов личностного благополучия обычно относят достигнутые благоприятные межличностные отношения и совокупность социально значимых достижений. Трудно представить, что указанные факторы благополучия могут быть оценены личностью без ориентации на внешние социальные стимулы и оценки референтных групп, в первую очередь групп, причастность к которым человек считает важной для себя. Как установлено в исследованиях, чем больше человек конгруэнтен группе (группам) его самоидентификации в психологическом и поведенческом аспектах, тем больше можно ожидать влияния их нормопорядков на индивидуальную оценку социальной активности и достижений, то есть «результаты позитивной межличностной активности становятся фактором, обеспечивающим личностное благополучие, будучи одобренными и оцененными со стороны значимых других людей» [1, с. 11].

4. Субъективное благополучие является уровнем благополучия, на котором в полной мере раскрываются его связи с лояльностью. Как отмечают Д. М. Зиновьева, А. В. Юнда и О. А. Долгополова, «ситуативные и долгосрочные переживания благополучия человеком связаны с результатами его социализации, которая определяет ориентиры для квалификации благополучия по многим направлениям» [6, с. 132]. С одной стороны, достаточно сформированная лояльность (прежде всего за счет глубокой интериоризации групповых стандартов) может влиять на связи базовых компонентов благополучия с субъективным благополучием. С другой стороны, субъективное благополучие как результирующий фактор личностного благополучия может выступать осознаваемой или неосознаваемой целью лояльности. Логично предположить, что быстрее будет формироваться лояльность группам, имеющим в своем распоряжении базовые факторы, тесно связанные в системе конкретной личности с ее субъективным благополучием. Иначе говоря, «субъективное благополучие выполняет регуляторную функцию по отношению к поведению, и само является результатом деятельности по саморегуляции психических состояний» [8, с. 17].

Проведенный анализ публикаций указывает на корреляцию характеристик лояльности и факторов личностного благополучия. Для лучшего понимания характера взаимосвязи названных феноменов рассмотрим результаты исследований феномена профессионального отчуждения – явления диаметрально противоположного лояльности.

В исследованиях феномена отчуждения людей в профессиональной сфере установлена его связь с

астеническими состояниями личности. Так, Е. М. Першина и Н. А. Левина в списке эмоциональных состояний, связанных с отчуждением, первым отмечают именно чувство неудовлетворенности [7]. Д. М. Зиновьева и соавторы выделяют в качестве факторов неудовлетворенности признаки, каждый из которых может быть назван антонимом лояльности: нарушение социальных взаимосвязей, самоотчуждение, неадекватность социального поведения и интеракций, потеря субъектности [8, с. 12]. Анализируя явление профессионального отчуждения сотрудников ФСИН России, Е. М. Федорова и Б. Г. Бовин, раскрывая на основе данных эмпирического исследования комплекс признаков отчуждения, в качестве наиболее существенного критерия рассматривают «стойкую неудовлетворенность» [3, с. 111].

В проведенных психологических исследованиях разнопланово изучались связи лояльности и удовлетворенности людей. Так, Р. А. Долженко, рассматривая профессиональную сферу жизнедеятельности, прямо указывает, что «лояльность и удовлетворенность всегда сопутствуют друг другу» [5, с. 159]. Исследователями из Волгоградской академии госслужбы выявлено, что «профессиональное и психологическое благополучие служащих зависит не только от структуры мотивации, но и от степени соответствия ее культуре, сложившейся в организации. При этом под организационной культурой понимался сформировавшийся в процессе совместной деятельности и общения устойчивый комплекс (паттерн) социальных представлений (убеждений), ценностей и норм поведения, разделяемых сотрудниками и реализуемых на службе» [8, с. 6].

На наш взгляд, механизм связи служебной лояльности и личностного благополучия во многом определяется рядом свойств лояльности. Лояльность упорядочивает оценки наличествующих факторов благополучия на основе сравнения их с групповыми эталонами, обеспечивая их интерпретацию с точки зрения культуры группы идентификации. Иначе говоря, лояльность всегда участвует в формировании чувства удовлетворенности (неудовлетворенности) собой. Если в системе лояльностей есть доминирующая лояльность, в какой-то мере подчиняющая себе все остальные, то она с большой вероятностью может повлиять на формирование общего чувства удовлетворенности на базе разделяемых личностью групповых критериев.

Предполагаем, что связь между лояльностью и личностным благополучием может:

а) иметь тенденцию к укреплению по мере усиления выраженности (доминирования) в структуре лояльностей какой-либо идентификации, призна-

ваемой группами причастности значимой и обеспечивающей стабильность оценки личностью ее состояния и взаимодействия со средой;

б) являться двусторонней. С одной стороны, субъективное благополучие может выступать результатом лояльности. Именно лояльность может обеспечить устойчивость индивидуальной оценки базовых компонентов благополучия на основе групповых эталонов и предоставить члену группы проверенные пути достижения желаемого. С другой стороны, субъективное благополучие может выступать стимулом для поддержания и укрепления обеспечивающей его лояльности.

Данные базовые предположения в отношении служебной деятельности госслужащих могут быть подкреплены следующими аргументами.

В профессиональной деятельности происходит «становление и реализация личности» [6, с. 133]. При этом ряд факторов личностного благополучия государственных служащих лежит в профессиональной и околопрофессиональной сферах. Формальные и неформальные группы, доступные для сотрудника в связи с его служебным статусом, могут иметь в своей культуре отдельные субъективно-привлекательные для служащего элементы нормопорядка и стимулы, которые могли бы выступать факторами его личного благополучия. Служащие избирательно реагируют на те или иные потенциальные факторы благополучия и прежде всего с учетом сложившихся у них механизмов формирования личностного благополучия, в том числе ставших привычными факторов появления чувства удовлетворенности. Служащий, обнаруживая данные факторы в культуре той или иной группы, проявляет к ним интерес. В итоге больше усилий прилагается к познанию культуры заинтересовавшей его группы, соизмеряя типичные характеристики членов группы со своими характеристиками, а также устоявшиеся групповые регуляторы со своими индивидуальными регуляторами активности. Обнаружение сходства приводит к усилению привлекательности группы и повышению идентификации служащего с ней. Служащий также берет на вооружение проверенные групповой практикой пути достижения этих факторов благополучия. Рост уровня идентификации влечет, в свою очередь, дальнейшую координацию индивидуальных регуляторов активности с групповыми. За счет стабильности, обеспечиваемой групповой культурой, у служащего формируются устойчивые ориентиры благополучия.

В результате траектория движения служащего к благополучию становится для него более понятной, а критерии удовлетворенности все более стабильными, что дает служащему шанс в конечном счете, достигнув общегрупповых ориентиров бла-

гополучия, испытать общую удовлетворенность. Стремясь сохранить однажды достигнутое чувство удовлетворенности, служащие склонны укреплять свою лояльность избранной группе идентификации. Служащие, оказываясь помещенными в профессиональную и околопрофессиональную среду как некое поле потенциально значимых факторов личностного благополучия, первоначально откликаются на наиболее близкие им стимулы. В итоге начинает проявляться тенденция к усилению и сохранению лояльности группам, которые их предлагают, создавая тем самым почву для формирования и сохранения личностного благополучия. Так, индивидуальные механизмы формирования личностного благополучия выступают фактором формирования структуры служебной лояльности, а ключевые лояльности определяют критерии благополучия.

Анализ практики свидетельствует о том, что сегодня с точки зрения многих госслужащих порой не имеет значения, какие факторы личностного благополучия сыграли роль в его обретении. Однако с позиции государства этот вопрос крайне важен. Ряд потенциальных факторов личностного благополучия, существующих во многих и особенно неформальных околослужебных группах идентификации госслужащих, если и не носят выраженного асоциального характера, то способны переориентировать просоциальную активность служащих. Как отмечает В. Химич, настоящее время в России «труд опустился на относительно второстепенное место в жизненной стратегии индивида, перестав занимать ведущее положение на всех уровнях социальной жизни, его роль заменила символика потребления как условия индивидуального удовлетворения и счастья» [9, с. 31]. Ситуацию усугубляет то, что складывающиеся порой в системе государственной службы «организационные условия деятельности деструктивно влияют на профессиональную самореализацию и соответственно на уровень субъективного благополучия госслужащих» [8, с. 135]. Благоприятные для государства факторы благополучия служащих, например реализация просоциальных убеждений и способностей в профдеятельности, не всегда доступны в реальных условиях служебной деятельности. Они часто проигрывают конкуренцию менее желательным с точки зрения государства потенциальным факторам благополучия, например, таким, как обладание символами материального достатка и престижа, доступ в «команду руководителя», возможность удовлетворять на службе коррупционные (Е. Е. Гаврина, 2010) и иные асоциальные (Б. Г. Бовин, 2008) интересы и склонности.

Для государства важно, чтобы в системе служебной лояльности преобладали лояльности груп-

пам, предлагающим своим членам потенциальные факторы субъективного благополучия, не противоречащие миссии, смыслу и содержанию государственной службы, поэтому в культуре государственных организаций и других просоциально ориентированных групп важна кристаллизация подобных факторов благополучия и их реальная доступность для служащих. Несомненно, эти факторы должны быть связаны и с жизненно важными, но часто не реализованными ценностями людей (здоровье, счастливая семейная жизнь, материально обеспеченная жизнь и любовь) [6, с. 138]. Для улучшения восприятия указанных и иных просоциальных факторов благополучия служащими, возможно, понадобится их целенаправленная популяризация в профессионально-служебной среде. Это может дать свои результаты, так как многие служащие не находят в служебно-профессиональной среде групп, с которыми они хотели бы себя идентифицировать. Причиной тому выступает то, что у государственных служащих, согласно результатам исследований Д. М. Зиновьевой и соавторов, «выявлено значительное рассогласование между доступными и значимыми ценностями, что приводит к неудовлетворенности качеством жизни, снижает субъективное благополучие личности» [6, с. 138]. Не имея возможности обретения желаемого в профессионально-служебной среде, служащие могут отказаться от формирования каких-либо лояльностей в ней.

Проведенные исследования свидетельствуют о том, что «у большинства госслужащих преобладает низкий и средний уровень самопринятия» [6, с. 136]. Это может указывать на отсутствие у служащих позитивной социальной самоидентификации, как следствие, на некий «вакуум лояльности» в профессионально-служебной сфере. Заполнение этого вакуума лояльностью просоциально ориентированным группам способно принести пользу обществу и повысить благополучие государственных служащих.

В заключение хотелось подчеркнуть, что изложенные методолого-концептуальный подход и раскрытый механизм взаимосвязи служебной лояльности и личностного благополучия носят дискуссионно-постановочный характер. Их обсуждение и проведение дальнейших комплексных исследований крайне важны в современных условиях реформирования УИС России, где востребованы научно обоснованные предложения по повышению мобилизации личного состава и эффективности деятельности разных профгрупп специалистов и учреждений.

Список литературы

1. Батурин Н. А., Башкатов С. А., Гафарова Н. В. Теоретическая модель личностного благополучия // Вестник ЮУрГУ. Сер. Психология. 2013. Т. 6. № 4. С. 4–14.
2. Башкатов С. А. Разноуровневые факторы личностного благополучия : дис. ... канд. психол. наук. Челябинск, 2013. 179 с.
3. Бовин Б. Г., Федорова Е. М. К вопросу о психологической профилактике профессионального отчуждения сотрудников уголовно-исполнительной системы // Прикладная юридическая психология. 2015. № 4. С. 110–118.
4. Горностаев С. В. Служебная лояльность сотрудников уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2014. № 4. С. 172–176.
5. Долженко Р. А. Удовлетворенность, лояльность, вовлеченность персонала: уточнение и конкретизация понятий // Вестник АГАУ. 2014. № 9. С. 157–162.
6. Зиновьева Д. М., Юнда А. В., Долгополова О. А. Профессиональные детерминанты субъективного благополучия государственных и муниципальных служащих // Социология власти. 2010. № 7. С. 132–140.
7. Першина Е. М., Левина Н. А. Социально-психологический анализ проблемы отчуждения в сфере профессионального труда // Вестник ТГУ. 2012. № 10. С. 234–240.
8. Психологическое и профессиональное благополучие государственных служащих / М. Ю. Бояркин [и др.] : монография. Волгоград, 2007. 216 с.
9. Химич В. Ю. Влияние самоидентификации работающей молодежи на социальные установки // Теория и практика общественного развития. 2014. № 16. С. 30–36.
10. Шамионов Р. М. Психология субъективного благополучия (к разработке интегративной концепции) // Мир психологии. 2002. № 2. С. 143–148.

STANISLAV VIKTOROVICH GORNOSTAEV,

phd in psychology, associate professor,

doctoral student

(Academy of the FPS of Russia),

e-mail: stanislavrz@yandex.ru;

VJACHESLAV MIHAJLOVICH POZDNYAKOV,

dsc in psychology, professor,

professor, criminal law, criminal procedure and criminalistics department

(Peoples' friendship universitY of Russia),

e-mail: pozdnyakov53@mail.ru

**PROBLEMS OF INTERRELATION OF OFFICIAL LOYALTY
AND PERSONAL WELL-BEING OF FEDERAL EMPLOYEES**

Abstract: the article deals with the loyalty as the realization of a social self-identity, psychobehavioural congruence of the personality to significant group of identification. An object of loyalty are real and conditional groups, and its subject is an observance of standards, i.e. a system of the regulators of activity divided by members of a group which are contained in group culture. Administrative, legal and system approaches to understanding of the office loyalty are allocated. The office loyalty is the system realization of the social identity of the personality connected with the official position and activity or system of the loyalty which are formed in the professional and office sphere. Within the office loyalty identity assumed by the office status, and others, pseudo-office are considered.

The phenomenon of personal well-being is considered as the stable tendency of the general satisfaction of the person by its objective condition and interaction with the environment, arising as a result of the subjective evaluation of existing physiological, psychological, behavioural and socially-environmental preconditions.

Emphasized the interrelation of personal well-being of federal employees with the structure of their official loyalty. It is marked bilateralism of this interrelation and its strengthening in the process of strengthening of some dominating loyalty. The formation and progress of this interrelation is provided with following mechanisms: reaction by employees to the spurs causing their subjective satisfaction available in groups, existing in service sphere; mastering of reference points existing in group experience and group ways of achievement of well-being; aspiration to keep the feeling of the satisfaction which have arisen during familiarizing with a group.

It is underlined a possibility of formation at serving identifications with asocial focused groups. The objective preconditions for formation of loyalty to prosocially oriented groups among federal employees are shown. The importance of the given direction of psychological support of service activity of federal employees is noted.

Key words: loyalty, official loyalty, self-identification, self-categorization, personal well-being, satisfaction, federal employees, participation in group, group culture, normative order.

References

1. Baturin N. A., Bashkatov S. A., Gafarova N. V. Teoreticheskaia model' lichnostnogo blagopoluchiiia [Theoretical model of personal well-being]. Vestnik IuUrGU. Ser. Psikhologiiia – Bulletin of the South Ural State University. Series Psychology, 2013, no. 4, pp. 4–14.
2. Bashkatov S. A. Raznourovnevye faktory lichnostnogo blagopoluchiiia. Dis. kand. psikhol. nauk [Multi-level factors of personal well-being. Cand. psychol. sci. diss.]. Cheliabinsk, 2013. 179 p.
3. Bovin B. G., Fedorova E. M. K voprosu o psikhologicheskoi profilaktike professional'nogo otchuzhdeniia sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy [On the issue of the prevention of occupational psychological alienation of employees of the penitentiary system]. Prikladnaia iuridicheskaia psikhologiiia – Applied legal psychology, 2015, no. 1, pp. 110–118.
4. Gornostaev S. V. Sluzhebnaia loial'nost' sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy [Serving loyalty of penal staff]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2014, no. 4, pp. 172–176.
5. Dolzhenko R. A. Udovletvorennost', loial'nost', vovlechnost' personala: utocnenie i konkretizatsiia poniatii [Satisfaction, loyalty, employee engagement: clarification and specification of concepts]. Vestnik AGAU – AGAU Bulletin, 2014, no. 9, pp. 157–162.
6. Zinov'eva D.M., Iunda A.V., Dolgopolova O.A. Professional'nye determinanty subektivnogo blagopoluchiiia gosudarstvennykh i munitsipal'nykh sluzhashchikh [Professional determinants of subjective well-being of the state and municipal employees]. Sotsiologiiia vlasti – Sociology of power, 2010, no. 7, pp. 132–140.
7. Pershina E. M., Levina N. A. Sotsial'no-psikhologicheskii analiz problemy otchuzhdeniia v sfere professional'nogo truda [Socio-psychological analysis of the problem of alienation in the sphere of professional work]. Vestnik TGU – TSU Bulletin, 2012, no. 10, pp. 234–240.
8. Psikhologicheskoe i professional'noe blagopoluchie gosudarstvennykh sluzhashchikh [Psychological and professional well-being of federal employees]. Volgograd, 2007. 216 p.
9. Khimich V. Iu. Vliianie samoidentifikatsii rabotaiushchei molodezhi na sotsial'nye ustanovki [Influence of self-identification of working youth on social attitudes]. Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia – The theory and practice of social development, 2014, no. 16, pp. 30–36.
10. Shamionov P. M. Psikhologiiia subektivnogo blagopoluchiiia (k razrabotke integrativnoi kontseptsii) [Subjective well-being psychology (to development of integrative concept)]. Mir psikhologii – World of psychology, 2002, no. 2, pp. 143–148.

САБЫРГАЛИ АМАНТАЕВИЧ БАЛТАБАЕВ,

кандидат юридических наук,
начальник Центра по исследованию проблем
административной деятельности и управления органов внутренних дел
научно-исследовательского института
(Карагандинская академия Министерства внутренних дел
Республики Казахстан имени Баримбека Бейсенова),
e-mail: bultabaev.sabyrgali@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИЗНАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В КАЧЕСТВЕ СУБЪЕКТА УГОЛОВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Реферат: в статье исследуются вопросы признания юридического лица в качестве субъекта уголовного правонарушения по законодательству Республики Казахстан. Освещается целесообразность привлечения к такой ответственности юридических лиц. Особое внимание уделяется вопросу переработки конкретных норм, связанных с понятием преступления, состава преступления, вины, уголовной ответственности и наказания.

В настоящий период развития преступности стали проявляться симптомы совершения преступления целостными, обособленными юридическими структурами, включенными в хозяйственно-экономическую деятельность государства при их деловой активности. Наличие определенных признаков, свойственных юридическим лицам в криминальной деятельности, тенденция ее развития требуют соответствующей научно-правовой оценки. Последнее обстоятельство вызывало определенную тревогу у руководства страны и правоохранительных органов. В силу этого назрела необходимость введения уголовной ответственности юридических лиц. Совершение преступлений юридическими лицами – это часть современной преступности, она существенно отличается от преступности в целом и ее конкретных проявлений в частности.

Ключевые слова: юридическое лицо, уголовная ответственность юридических лиц, субъекты уголовного правонарушения, вина юридического лица, уголовно-правовая политика, корпоративная преступность.

В Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года, одобренной Указом Президента Республики Казахстан, указывается, что «главные задачи органов внутренних дел – охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности, борьба с преступлениями против личности, собственности и другими общеуголовными преступлениями. От эффективности деятельности органов внутренних дел зависят безопасность и спокойствие граждан, состояние преступности и уровень криминогенной обстановки в стране, в связи с чем процесс совершенствования органов внутренних дел должен быть сосредоточен на обеспечении быстрого и адекватного их реагирования на преступные проявления и профилактике правонарушений» [1].

В настоящий период развития преступности стали проявляться симптомы совершения преступления целостными, обособленными юридическими структурами, включенными в хозяйственно-экономическую деятельность государства при их

деловой активности. Наличие определенных признаков, свойственных юридическим лицам в криминальной деятельности, тенденция ее развития и тем более увеличивающийся из года в год ее уровень требуют соответствующей научно-правовой оценки. Последнее обстоятельство вызывало определенную тревогу у руководства страны и правоохранительных органов.

Стремясь к организованности и профессионализации своей деятельности, уголовная преступность пошла по пути от совершения преступления в простом соучастии до совершения преступлений в организованных преступных группах и сообществах.

Назрела необходимость введения уголовной ответственности юридических лиц. Совершение преступлений юридическими лицами – это часть современной преступности. Отличаясь от составляющих ее элементов – совершения преступления физическими лицами, она существенно отличается от преступности в целом и конкретных ее проявлений. Тем не менее преступные действия юриди-

ческих лиц органически переплетены с традиционной преступностью многими социально-экономическими явлениями.

Проблема включения в субъект преступления юридических лиц сложна и привлекает внимание не только юристов уголовно-правового цикла, но и исследователей других отраслей теории права. Введение уголовной ответственности юридических лиц в теорию уголовного права потребует принципиальной переработки многих его институтов и конкретных норм, особенно связанных с понятием преступления, состава преступления, вины, уголовной ответственности и наказания.

В настоящее время у сторонников признания уголовной ответственности юридических лиц как субъектов преступления достаточно много веских аргументов закрепления этого института в действующем уголовном законодательстве.

По нашему мнению, прав профессор У. С. Джекебаев, утверждающий, что, если государство устанавливает уголовную ответственность юридических лиц, оно тем самым лишь совершенствует орудия защиты давно существующих, хотя и недостаточно, но охранявшихся интересов [2, с. 76]. Анализ имеющихся литературных источников и проведенные нами исследования позволяют привести аргументы, которые доказывают целесообразность введения ответственности юридических лиц.

Во-первых, юридические лица, обладая всеми обособленными правами, могут осуществлять извлечения прибыли и сверхприбыли за счет криминальной деятельности. Юридическое лицо в этих случаях выступает не как средство достижения преступной цели конкретных физических лиц, а как важный базовый компонент механизма преступления при ее криминально-деловой активности, поэтому в теории уголовного права необходимы существенные изменения имеющихся концепций. При этом, как правильно отмечает И. И. Карпец, «не следует бояться того, что многие вносимые предложения окажутся неудобными на первых порах, и непривычными, и неожиданными» [3, с. 16].

Во-вторых, организационное и структурное построение этих формирований нельзя отождествлять с деятельностью организованной преступности (преступных организаций). Это самостоятельный вид преступного деяния. Поскольку деятельность преступной организации, как правило, носит латентный характер, ее организованная и устойчивая деятельность формально и фактически строится на жесткой конспирации, а продолжительность ее деятельности осуществляется за счет противодействия государству и обществу. Деятельность преступных юридических лиц носит открытый характер. Формально она выглядит законно, то есть юридическое лицо может быть зарегистрировано,

являться участником налогообложения, действовать в рамках учредительных уставов и предписаний, законов и инструкцией, а фактически извлекать прибыль и сверхприбыль за счет совершения преступных действий. При наступлении общественно опасных последствий физические лица не привлекаются к ответственности, а юридическое лицо не может быть ликвидировано в административном порядке. Действующее гражданское законодательство по вопросам ликвидации юридического лица недееспособно и скомпрометировано (коррупция, прорехи в законодательстве, конкуренция норм и т. п.) в глазах общественности.

В-третьих, привлекая к ответственности конкретных физических лиц (руководителей, а чаще исполнителей), невозможно устранить главный фактор и детерминант – преступное юридическое лицо. Оно сохраняется со всеми его признаками и структурами, в том числе активами и пассивами. Соответственно приходит другой или другие лица, которые восстанавливают деятельность по получению криминальной прибыли за счет деятельности преступной корпорации. Существующие способы воздействия на таких юридических лиц с помощью гражданского и административного права малоэффективны и несостоятельны.

В-четвертых, правоприменительная практика по привлечению к гражданско-правовой, финансовой, административной и другой ответственности не увенчалась успехом, поскольку в административном законодательстве нет такой санкции, как ликвидация юридического лица, а при возможности привлечения к гражданско-правовой ответственности принудительная ликвидация возможна, но в настоящий момент механизм реализации таких норм с юридической и практической точки зрения невыполним. Кроме того, даже если эти лица будут привлечены к ответственности, то все равно их ответственность будет носить, как правило, имущественный или компенсационный характер.

Прав профессор И. Ш. Борчашвили, который отмечает, что применяемые к организациям штрафные санкции в рамках гражданского и административного законодательства не всегда адекватны размеру причиненного вреда, нарушениям законодательства об охране природы, экономическим и иным правонарушениям [4, с. 5].

В-пятых, в постсоветских республиках и в Республике Казахстан действует весьма разветвленная сеть транснациональных преступных корпораций (организованная преступность США, Сицилийская мафия, Японская якудза, Нигерийские картели, Китайские триады и т. д.), которые в своей основе уже давно находятся под прикрытием криминально созданных второстепенных (филиалы, дочерние предприятия, представительства в Республике Ка-

захстан и т. п.) юридических лиц, которые прикрыты в случае их разоблачения гражданско-правовыми обязательствами государства и международными арбитражами.

В-шестых, юридические лица при совершении преступления причиняют больший вред, чем совершение преступления даже несколькими физическими лицами. Степень общественной опасности при этом существенно возрастает. Уголовная ответственность юридических лиц через принудительную ликвидацию с конфискацией имущества может как служить восстановлению социальной справедливости, так и выполнять превентивные задачи.

В-седьмых, введение уголовной ответственности юридических лиц дисциплинирует участников экономических отношений, с одной стороны, и служит уменьшению количества в органах управления неэффективных и многочисленных контрольных ведомств – с другой.

Поднятый вопрос остается открытым. Приведенные аргументы требуют дальнейшего научного разрешения и совершенствования.

Существование в современный период юридических лиц криминальной направленности полностью отрицалось на всех уровнях государства и в официальных документах. Такая ситуация, сложившаяся в уголовной политике государства, преподносилась с теоретически ошибочной позиции: во-первых, речь идет о возможности привлечения к уголовной ответственности только физических лиц и решении вопроса об ответственности за незаконную деятельность юридического лица посредством гражданского, финансового, административного и других отраслей права. Такое положение научной мысли «тормозило» научные исследования в области привлечения к уголовной ответственности юридических лиц и научное прогнозирование возможных вариантов развития рассматриваемого социально-правового явления. Вместе с тем существенный вред как объективная данность от деятельности конкретных юридических лиц и их общественная опасность возрастала.

На наш взгляд, рынок и рыночные отношения неизбежно приведут к ответственности и корпораций, и юридических лиц за многие (экономические, экологические и т. п.) преступления. Наличие неизбежности и устойчивых закономерностей проявления такой деятельности юридическими лицами и тенденции ее развития и самосовершенствования требуют научного и практического анализа, поскольку в общественном сознании и в государстве в целом существует определенная шкала приоритетов и ценностей. Ранее, в советский период, в этой шкале наиболее высокую ступень занимали интересы государства, а частный интерес как объект уголовно-правовой охраны рассматривался

лишь через призму государственных интересов, он не являлся самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны в отличие от государственных и общественных интересов [5, с. 112–113].

Организованная деятельность конкретных индивидуумов внутри юридического лица образует обособленный аппарат, в котором разделенные функциональные обязанности и действия физических лиц формально выглядят законно, но при их сложении в механизме преступной деятельности получается преступный результат. Привлекать к ответственности физических лиц невозможно, а юридическое лицо не преследуется и не наказывается в соответствии с действующими уголовными доктринами.

Вопрос о субъективной стороне состава конкретных видов преступлений юридических лиц является важным краеугольным камнем, через призму которого надо по-новому понимать и наказывать за преступный результат юридических лиц.

Полагаем, что, во-первых, необходимо рассмотреть вопрос о целесообразности привлечения к такой ответственности юридических лиц. Проведенный нами анализ этого явления позволяет рассмотреть вопрос о его общественной опасности и характере. Во-вторых, отметим тот существенный вред, который она приносит государству и обществу в целом, а также конкретным юридическим и физическим лицам. Вместе с тем нельзя не согласиться с имеющейся в литературе точкой зрения о том, что ни суд, ни прокурор, ни следователь, ни орган дознания не вправе привлечь лицо к уголовной ответственности за деяние, которое не предусмотрено в статьях Особенной части УК РК, даже в случаях, когда это деяние причинило или способно причинить существенный вред.

Ответственность физических лиц по своей сути отличается от ответственности юридического лица. Юридические лица – это более сложное организационно-структурное образование, имеющее обособленность как главный признак, то есть юридическое лицо, как и физическое, обладает законченной обособленностью и самостоятельностью в поведенческом начале, значит, может нести и ответственность. По мнению многих ученых (Б. Ж. Жунусов, Е. И. Каиржанов, Н. Ф. Кузнецова, М. И. Бажанов, Л. К. Савюк и др.), личная виновная ответственность, являющаяся основополагающим принципом отечественного уголовного права, при привлечении к ответственности исследуемых лиц невозможна. Правовые нормы связывают ответственность со способностью физического лица отдавать отчет и руководить своими действиями.

Н. Ф. Кузнецова подчеркивает, что сочетать принцип вины и личной ответственности с неви-

новой и коллективной ответственностью юридических лиц нельзя. Вины у юридического лица нет. Основанием уголовной ответственности согласно принципу законности выступает совершение преступления (или наличие его состава). Такого преступления, причиняющего ущерб действием или бездействием, юридическое лицо тоже совершить не может. Значит, потребуется раздвоение Уголовного кодекса на две системы принципов и оснований уголовной ответственности и наказания [6, с. 82].

Данное понимание привлечения к ответственности только персональных физических лиц, обладающих такими обязательными критериями, как вина и причинение или возможность причинения вреда, является спорным. Признавая, что рассматриваемый принцип – одно из важных завоеваний человечества на его пути к построению правового государства, мы констатируем, что ответственность юридических лиц вполне может сосуществовать с принципом личной виновной ответственности.

Так, в современной уголовно-правовой литературе, как в отечественных, так и в зарубежных источниках (схожими с нашими уголовно-правовыми системами), существуют различные точки зрения. Например, А. В. Наумов пишет: «Но как же все-таки быть с классическими принципами уголовного права? Неужели придется поступиться ими? Переоценить и отказаться от них? Вот этого делать не стоит ни в коем случае. Как уже отмечалось, ответственность юридических лиц вполне может сосуществовать с принципом личной виновной ответственности и дополнять его» [7, с. 488].

И. Ш. Борчашвили, С. М. Куставлетов считают, что введение уголовной ответственности юридического лица за экологические преступления возможно без пересмотра системы уголовного законодательства Республики Казахстан [8, с. 180].

По нашему мнению, не перерабатывая существенно уголовные доктрины современности в отношении физических лиц, в действующее уголовное законодательство необходимо включить целый институт, регламентирующий порядок, основания, виновность и другие вопросы привлечения к ответственности юридических лиц. Мы согласны с позицией А. М. Плешакова, который считает, что для введения уголовной ответственности юридических лиц необходимо пересмотреть концепции уголовного права, в частности общее учение о преступлении, соучастии, принципах субъективного вменения и т. п., подчеркивая, что в ином случае это правовая идея не впишется в существующую юридическую материю [9, с. 47].

Остановимся на вопросах уголовно-правовых условий привлечения к ответственности юридиче-

ских лиц. Переход экономики с планового ведения хозяйствования на рыночные отношения обуславливает появление тех корпораций, которые в своей повседневной деятельности извлекают прибыль за счет злостных нарушений действующих законов в Республике Казахстан. Последнее обстоятельство свидетельствует о необходимости привлечения этих корпораций к различным формам ответственности, в том числе к уголовной. Одна из проблем отечественного уголовного права – вопрос об условиях привлечения к уголовной ответственности юридических лиц. Иными словами, представляется важным определить условия, при которых эти лица могут быть уголовно наказуемыми.

Одним из условий привлечения к уголовной ответственности в Республике Казахстан является вопрос о тех выгодах, которые получает преступная корпорация. Многочисленные публикации по этому поводу говорят о том, что данное юридическое лицо должно обязательно получить финансово-экономическую выгоду от совершенного преступления. На наш взгляд, данное обстоятельство – спорное, так как после совершенного общественно опасного деяния предприятие может и не получить имущественную выгоду, более того, претерпеть различные экономические лишения, а преступный результат налицо. В других случаях польза может выражаться и не материальными, а другими выгодами, поэтому для квалификации преступления вопрос об экономических и других выгодах должен носить факультативный характер или в некоторых случаях должен быть прямо предусмотрен в диспозиции уголовной статьи.

И. Ш. Борчашвили отмечает, что уголовная ответственность юридических лиц в законодательстве Республики Казахстан необходима, за исключением государственных органов. Мы полностью согласны с такой постановкой вопроса, поскольку на первоначальном этапе введения ответственности юридических лиц она необходима только по отношению к тем лицам, которые ведут хозяйственно-экономическую или аналогичную деятельность. Одним из условий привлечения к уголовной ответственности является вопрос о выгодах, которые получили или могли получить преступные корпорации. В этой части научной мысли мы придерживаемся точки зрения американских законодателей, которые утверждают, что корпорации не могут использовать для своей защиты доводы о том, что преступные действия не принесли ей никакой выгоды [4, с. 87].

Важным моментом является и вопрос о привлечении к ответственности тех физических лиц, которые непосредственно осуществляли конкретные действия, посягающие на охраняемые уголовным законом деяния.

В соответствии с этими возражениями мы предлагаем следующую редакцию условий привлечения к уголовной ответственности юридических лиц в Республике Казахстан.

1. Юридическое лицо виновно в неисполнении или ненадлежащем исполнении прямого предписания закона, устанавливающего обязанность либо запрет на осуществление определенной деятельности, регулируемой Уголовным кодексом.

2. Юридическое лицо виновно в осуществлении деятельности, не соответствующей его учредительным документам или объявленным целям и носящей преступный характер.

3. Деяние, причинившее вред либо создавшее угрозу причинения вреда личности, обществу или государству, было совершено в интересах данного юридического лица либо было допущено, санкционировано, одобрено, использовано органом или лицом, осуществляющим функции управления юридическим лицом.

4. Государство в целом и государственные органы в отдельности не могут быть привлечены к уголовной ответственности.

Таковы, на наш взгляд, условия привлечения к уголовной ответственности юридических лиц в законодательстве Республики Казахстан.

В нашем исследовании необходимо остановиться и на проблемах уголовных наказаний, применяемых к юридическим лицам. Так, одним из видов юридической ответственности является уголовная ответственность, устанавливаемая государством путем издания правовой нормы, определяющей основания, цели и меры, которые могут быть применены к лицам, совершившим преступление.

А. В. Наумов, освещая проблему уголовной ответственности юридических лиц в странах с рыночной системой экономики, утверждает, что «если всерьез думаем о разгосударствлении и приватизации собственности, включая и промышленные предприятия, то решение о возможности уголовной ответственности юридических лиц неизбежно будет принято и у нас» [8, с. 182].

Представляется ошибочным мнение Н. Ф. Кузнецовой, которая утверждает: «Если требуется усилить ответственность юридических лиц, а ее действительно следует ужесточить, то это вполне можно осуществить в рамках гражданского, хозяйственного, финансового права [10, с. 19–21]. С такой точкой зрения мы не можем согласиться, поскольку другие отрасли права, регулирующие отношения в области причинения вреда охраняемым законом интересам, не смогут сравниться по силе ответственности с уголовными санкциями.

В своем исследовании П. В. Иванцов утверждает, что введение в отечественное уголовное зако-

нодательство норм, направленных на уголовную ответственность юридических лиц, «потребуется иначе сформулировать основания уголовной ответственности, предусмотреть другие, чем для физических лиц, меры наказания» [11].

Так, Е. Ю. Антонова в качестве оснований уголовной ответственности юридического лица называет деяние, совершенное преступным юридическим лицом, под которым будет признаваться общественно опасное деяние, совершенное от имени или в интересах юридического лица лицом или лицами, которые контролируют осуществление последним его прав и обязанностей [12]. Если вопросы фундаментального характера, направленные на введение уголовной ответственности юридических лиц, следует признать положительно решенными, то в вопросах юридической техники или законодательных формул имеются определенные сложности и дискуссии. В связи с этим представляется целесообразным привести точку зрения Б. В. Волженкина, который предлагает различать субъект преступления и субъект уголовной ответственности. Преступление как общественно опасное противоправное и виновное деяние может совершить только физическое лицо, обладающее сознанием и волей. Именно такое деяние, содержащее все признаки соответствующего состава преступления, является основанием уголовной ответственности. А вот нести уголовную ответственность за такие деяния могут не только физические, но при определенных условиях и юридические лица [13, с. 24–27]. Интерес в этом случае вызывает то, что в отечественной теории права и законодательстве присутствует понятие лишь субъекта преступления, а субъекта уголовной ответственности нет. Последняя посылка дает возможность на переходном этапе развития исследуемого института противникам такой ответственности психологически принять и теоретически разграничить, а впоследствии увидеть преимущества введения ответственности юридических лиц.

В проводимом исследовании важным является вопрос, за какие преступления юридическое лицо может нести уголовную ответственность. Е. Ю. Антонова бесспорно резюмирует, что есть такие виды деяний, которые по своей природе не могут быть совершены корпорациями. Например, юридическое лицо не может быть субъектом таких преступлений, как изнасилование, грабеж, разбой, массовые беспорядки, хулиганство и др. [12, с. 77].

Так, Е. Ю. Антонова предлагает инкриминировать юридическим лицам уголовные наказания в следующих сферах: преступления в сфере экономической деятельности, преступления в сфере компьютерной информации, преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина, экологические преступления [12, с. 77–94].

Подводя итоги, можно сформулировать определенные выводы о том, что юридическое лицо на теоретико-правовом уровне может привлекаться к уголовной ответственности, а менять всю систему уголовно-правовых принципов нет необходимости. В этом заключаются основные предложения, направленные на совершенствование действующего Уголовного кодекса Республики Казахстан в вопросе уголовной ответственности юридических лиц.

Список литературы

1. Концепция правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года : утв. Указом Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 г. № 858. URL : http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30463139.
2. Джекебаев У. С. Об уголовной ответственности юридических лиц // Известия НАН РК. Сер. Общественные науки. 1993. № 4. С. 73–77.
3. Карпец И. И. Каким быть уголовному законодательству // Социалистическая законность. 1987. № 6. С. 16–18.
4. Борчашвили И. Ш. Перспективы развития уголовного законодательства Республики Казахстан // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Караганда, 2004. С. 3–5.
5. Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. М., 1981. Т. 1. 361 с.
6. Кузнецова Н. Ф. Цели и механизмы реформы Уголовного кодекса // Государство и право. 1992. № 6. С. 182–196.
7. Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М., 1997. 496 с.
8. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. М., 1996. 560 с.
9. Плешаков А. М. Экологические преступления (понятие и квалификация). М., 1994. 135 с.
10. Кузнецова Н. Ф. Кодификация норм о хозяйственных преступлениях // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 1993. № 4. С. 205–230.
11. Иванцов П. В. Проблема ответственности юридических лиц в российском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000. 194 с.
12. Антонова Е. Ю. Юридическое лицо как субъект преступления: опыт зарубежных стран и перспективы применения в России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 1998. 24 с.
13. Волженкин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц. СПб., 1998. 39 с.

SABYRGALI AMANTAEVICH BALTABAEV,

phd in law,
head, centre for the research of the problems
of administration and management of internal affairs of the research institute
(Karaganda academy of the ministry
of internal affairs of the Republic of Kazakhstan named after Barimbek Beisenov),
e-mail: baltabaev.sabyrgali@mail.ru

THE PROSPECTS FOR THE RECOGNITION OF THE LEGAL ENTITY AS THE SUBJECT OF CRIMINAL OFFENCES IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract: article is devoted to research of questions of recognition of the legal entity as the subject of a criminal offense according to the legislation of the Republic of Kazakhstan. The article focuses on the feasibility of attraction to such responsibility of legal entities. The special attention is paid to the question of conversion of the specific regulations connected with concept of a crime, actus reus, fault, criminal responsibility and punishment.

At present in the development of crime the perpetration's symptoms appear by the complete, isolated legal structures, which are included in economic activity of the state during their business activity. Availability of the certain signs peculiar to legal entities in criminal activities, a tendency of its development requires the respond scientific de jure treatment. The last circumstance caused a certain worry by the head of the country and law enforcement agencies.

According to this fact the entering of criminal liability of legal entities seems to be necessary. Commission of crimes by legal entities is a part of modern crime, it significantly differs from crime in general and its specific manifestations.

Key words: legal entity, criminal liability of legal entities, subjects of a criminal offense, wine of the legal entity, criminal policy of law, corporate crime.

References

1. Koncepcija pravovoj politiki Respubliki Kazahstan na period s 2010 do 2020 goda. Utverzhdena Ukazom Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 24 avgusta 2009 g. № 858 [The Concept of policy of law of the Republic of Kazakhstan for the period from 2010 to 2020. It is approved as the Presidential decree of the Republic of Kazakhstan from August 24, 2009, No. 858]. Available at : http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30463139.
2. Dzhekebaev U. S. Ob ugolovnoj otvetstvennosti juridicheskikh lic [About criminal liability of legal entities]. Izvestija NAN RK. Serija obshhestvennyh nauk – NAN RK news. Series of social sciences, 1993, no. 4, pp. 73–77.
3. Karpec A. N. Kakim byt' ugolovnomu zakonodatel'stvu [What to be to the penal legislation]. Socialisticheskaja zakonnost' – Socialist legality, 1987, no. 6, pp. 16–18.
4. Borchashvili I. Sh. Perspektivy razvitiya ugolovnogo zakonodatel'stva Respubliki Kazahstan [Prospects of development of the penal legislation of the Republic of Kazakhstan]. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Aktual'nye problemy ugolovnogo prava, kriminologii i ugolovno-ispolnitel'nogo prava» [Proc. the International scientific and practical conference «Actual Problems of the Criminal Law, Criminology and Penal Law»]. Karaganda, 2004, pp. 3–5.
5. Alekseev S. S. Obshhaja teorija prava [The general theory of law]. In 2 vol. Moscow, 1981. Vol. 1. 361 p.
6. Kuznecova N. F. Celi i mehanizmy reformy Ugolovnogo kodeksa [Purposes and mechanisms of reform of the Criminal code]. Gosudarstvo i pravo – State and law, 1992, no. 6, pp. 182–196.
7. Rossijskoe ugolovnoe pravo. Obshhaja chast' [Russian criminal law. General part]. Under the editorship of V. N. Kudrjavcev, A. V. Naumov. Moscow, 1997. 496 p.
8. Naumov A. V. Rossijskoe ugolovnoe pravo. Obshhaja chast' [Russian criminal law. General part]. Moscow, 1996. 560 p.
9. Pleshakov A. M. Jekologicheskie prestuplenija (ponjatie i kvalifikacija) [Ecological crimes (concept and qualification)]. Moscow, 1994. 135 p.
10. Kuznecova N. F. Kodifikacija norm o hozhajstvennyh prestuplenijah [Codification of regulations about economic crimes]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 11. Pravo – Bulletin of the Moscow university. Series 11 Law, 1993, no. 4, pp. 205–230.
11. Ivancov P. V. Problema otvetstvennosti juridicheskikh lic v rossijskom ugolovnom prave. Dis. kand. jurid. nauk [A problem of responsibility of legal entities in the Russian criminal law. Cand. legal sci. diss.]. St. Petersburg, 2000. 194 p.
12. Antonova E. Ju. Juridicheskoe lico kak sub'ekt prestuplenija: opyt zarubezhnyh stran i perspektivy primeneniya v Rossii. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Legal entity as subject of a crime: experience of foreign countries and prospect of application in Russia. Cand. legal sci. diss. abstract]. Vladivostok, 1998. 24 p.
13. Volzhenkin B. V. Ugolovnaja otvetstvennost' juridicheskikh lic [Criminal liability of legal entities]. St. Petersburg, 1998. 39 p.

АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ЛОТАРЕВ,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров
(Академия ФСИН России),
e-mail: g.armanj@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

Реферат: проведенная комплексная работа по изучению норм уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права Австрии, Великобритании, Германии, Испании, Франции выявила определенные закономерности, характерные для романо-германской и англо-саксонской правовых систем в части установления оснований и условий условно-досрочного освобождения осужденных к лишению свободы.

Сравнительно-правовой анализ положений уголовного законодательства обозначенных стран позволил определить наиболее перспективные направления дальнейшего развития отечественного права и формирования эффективного института условно-досрочного освобождения. Так, передача функций предоставления условно-досрочного освобождения специализированным органам, созданным в рамках уголовно-исполнительной системы, во-первых, позволила бы более качественно изучить личность осужденного для принятия обоснованного решения о возможности применения к нему такого вида освобождения, а во-вторых, способствовала бы снижению нагрузки на судебные органы.

При принятии решения о применении условно-досрочного освобождения после фактического отбытия осужденным установленной уголовным законом части наказания и возмещения полностью или частично причиненного преступлением ущерба необходимо руководствоваться не только достижением осужденным определенного уровня исправления, но и прогнозом на его социальную реабилитацию с учетом возможности наступления негативных последствий в случае его освобождения.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение, континентальная система права, лишение свободы, основания применения условно-досрочного освобождения, условия условно-досрочного освобождения.

Условно-досрочное освобождение в странах континентальной правовой системы – это мера социального воздействия, заключающаяся в освобождении от наказания осужденных к лишению свободы до окончания установленного судом срока наказания с возможностью наложения на них определенных обязательств. Общие принципы и порядок применения условно-досрочного освобождения отражены в рекомендациях № R (92)16 «О Европейских правилах исполнения наказаний и иных мер без изоляции правонарушителей от общества» и № R (2000) 22 «О совершенствовании Европейских правил применения общественных санкций и мер воздействия».

Условно-досрочное освобождение в таких странах, как Австрия, Германия, Испания и Франция, применяется на основании норм их национального уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства.

Национальное законодательство Австрии, Германии, Испании и Франции предусматривает возможность условно-досрочного освобождения только в отношении лиц, в том числе иностранных граждан, осужденных к лишению свободы. Применение рассматриваемого вида освобождения исключительно

от отбывания наказания в виде лишения свободы демонстрирует избирательное применение принципа гуманизма и игнорирование принципа равенства перед законом, так как, предусматривая возможность условно-досрочного освобождения, государство таким образом мотивирует осужденных к лишению свободы к скорейшему исправлению и, не дав такой возможности тем, кто осужден к иным видам наказания, в том числе связанным с лишением свободы, лишает стимула к их досрочному исправлению. В связи с этим следует признать, что отечественное законодательство в данном вопросе является более прогрессивным, так как ч. 1 ст. 79 УК РФ предусматривает возможность применения условно-досрочного освобождения к более широкому кругу наказаний, являющихся альтернативой лишению свободы (например, принудительные работы).

Принятие решения об условно-досрочном освобождении осужденного в Австрии, Германии, Испании и Франции входит в компетенцию суда. Данное обстоятельство служит отличительной особенностью правового института условно-досрочного освобождения романо-германской правовой системы от англо-саксонской. В послед-

нем случае разрешать вопросы предоставления условно-досрочного освобождения уполномочены специально созданные органы «Paroleboard» (Совет по условно-досрочному освобождению) [1, с. 74]. По причине того что условно-досрочное освобождение является наиболее часто реализуемым правовым институтом, большое количество представляемых в суды материалов существенно увеличивает нагрузку на суды, что отрицательно влияет на качество изучения личности осужденного, представленного к рассматриваемому виду освобождения. Следствием указанного выступает увеличение количества преступлений, совершаемых данной категорией лиц. Указанный международный опыт заслуживает внимания, поскольку создание специализированного органа, призванного решать вопросы, связанные с предоставлением условно-досрочного освобождения, во-первых, могло бы способствовать снижению нагрузки на суды, во-вторых, позволило бы более качественно изучить личность осужденного с целью принятия обоснованного решения о целесообразности применения рассматриваемого вида освобождения.

Для уголовного права исследуемых государств обязательным основанием для принятия решения о предоставлении осужденному условно-досрочного освобождения является достижение им определенной степени исправления, позволяющего суду сделать вывод о том, что данное лицо не представляет потенциальной угрозы государству либо обществу в случае его досрочного освобождения и не нуждается в дальнейшем отбытии наказания. Данное основание принято считать материальным. Каждое государство самостоятельно определяет и толкует данное основание. Так, австрийское законодательство должную степень исправления, позволяющую осужденному претендовать на условно-досрочное освобождение, определяет как развитие личности осужденного и состояние его здоровья в момент нахождения в пенитенциарном учреждении с учетом предшествующей осуждению жизни и возможной перспективы получения легального заработка, позволяющие сделать вывод о том, что данное лицо не представляет опасности для общества (ч. 2 § 47 УК Австрии). В испанском законодательстве под материальным основанием понимается примерное поведение осужденного и наличие в отношении его индивидуального благоприятного прогноза социальной реабилитации (ч. 1 ст. 90 УК Испании). Уголовный кодекс Германии в качестве основания предоставления условно-досрочного освобождения закрепляет наличие данной судом положительной оценки личности и поведения осужденного в процессе отбытия наказания, позволяющей сделать вывод о том, что лицо не совершит нового преступления в случае освобождения [2, с. 28]. Иной вывод суда о

возможности совершения нового преступления осужденным в течение испытательного срока основывается не только на оценке личности осужденного и его поведения при отбытии наказания, но и на анализе иных обстоятельств (социальное положение осужденного, условия его быта, наличие у него работы и т. д.) при учете возможности наступления негативных последствий в случае его освобождения (ч. 1, 2 § 57 ФРГ).

Законодатель Франции в Уголовном кодексе закрепил только общую формулировку относительно условно-досрочного освобождения: оно возможно в случае достижения осужденным социальной реадaptации (ст. 132-59 УК Франции). Принимая во внимание, что социальная реадaptация – это процесс повторного включения лица в социальный контекст и формирование у него компенсаторных социальных навыков, нарушенных при отбытии наказания, то уровень исправления, которого должен достичь осужденный, не является точно определенным. В ст. 729 УПК Франции дается разъяснение о том, что осужденный может быть освобожден условно-досрочно в случае наличия достаточных доказательств его хорошего поведения, а также если имеются серьезные основания рассчитывать на его возвращение к нормальной жизни в обществе [1, с. 55].

Признание судом того, что осужденный достиг определенной степени исправления, не может выступать в качестве безусловного основания предоставления условно-досрочного освобождения. Оно становится возможным только при одновременном наличии оснований и наступления обязательных формальных условий, под которыми принято понимать отбытие установленной законом части срока уголовного наказания, обязательной для фактического отбытия осужденным.

В рассматриваемых государствах обязательная для отбытия минимальная часть назначенного судом срока наказания, подлежащая отбытию осужденным, различна. Величина этого срока не зависит от тяжести совершенного преступления. В Австрии и Франции он составляет половину срока наказания, назначенного приговором. В Германии он равен двум третям назначенного наказания, в Испании – трем четвертям, в исключительных случаях – двум третям от общего срока наказания.

В отличие от отечественного уголовного права в законодательстве указанных государств отсутствует правило определения размера обязательного минимального срока в зависимости от тяжести совершенного преступления. Так, осужденный за преступление небольшой тяжести, нанеший своим противоправным деянием незначительный вред, наказание за которое установлено в виде лишения свободы, должен отбыть одинаковую часть наказания, что и лицо, осужденное за более тяжкое преступление. В этой части

российское законодательство представляется нам более прогрессивным, так как отечественные правовые нормы отличаются более дифференцированным подходом к определению обязательного минимального срока наказания, подлежащего отбытию осужденным в целях его возможного условно-досрочного освобождения. Определяющим при установлении величины данного срока является тяжесть совершенного преступления.

Различие в размере обязательного для отбытия срока наказания в законодательстве Франции прослеживается только в отношении осужденных, признанных рецидивистами. Так, согласно ст. 729 УПК Франции для осужденных-рецидивистов минимальная часть, которую требуется фактически отбыть, составляет две трети назначенного судом срока. За то же деяние, совершенное осужденным впервые, требуется отбытие только половины срока.

Необходимо отметить, что законодатель Австрии (ч. 2 § 46 УК Австрии) устанавливает правило, согласно которому в случае отбытия правонарушителем двух третей срока наказания, установленного судом, он может быть условно-досрочно освобожден от отбывания оставшейся части наказания за исключением случаев, когда имеются основания полагать, что лицо, освободившееся досрочно, продолжит совершать преступления [3, с. 399]. Из указанного следует, что в случае отбытия осужденным двух третей срока наказания при условии того, что за это время в отношении осужденного не достигнуты цели наказания, в суде надлежит доказать не необходимость условно-досрочного освобождения, а его нецелесообразность. Анализ данной правовой нормы дает основания полагать, что в Австрии условно-досрочное освобождение не только средство поощрения лиц, доказавших свое исправление, но и эффективный механизм снижения количества осужденных в местах лишения свободы, что свидетельствует о гуманистичной направленности австрийского уголовного законодательства.

Уголовное законодательство названных государств предусматривает уменьшение обязательных для исполнения сроков уголовного наказания в отношении разных категорий осужденных. Так, согласно ч. 2 § 57 УК Германии условно-досрочное освобождение допустимо при отбытии половины установленного судом срока наказания для впервые осужденных, которые своим поведением демонстрируют исправление [4, с. 410]. Уголовный кодекс Испании (ст. 91) закрепляет такую возможность при отбытии двух третей срока, если осужденный за время нахождения в пенитенциарном учреждении постоянно способствовал развитию трудовой, культурной и другой деятельности, при этом законодатель не акцентирует внимание на категории осуж-

денных, к которым условно-досрочное освобождение может быть применено, что дает основания полагать, что любой осужденный при выполнении указанных в ст. 91 УК Испании требований может рассчитывать на условно-досрочное освобождение раньше установленного в ч. 1 ст. 90 УК Испании срока. Отдельно обратим внимание на тот факт, что отличительная правовая регламентация условно-досрочного освобождения определена Уголовным кодексом Испании в отношении осужденных, которые достигли семидесятилетнего возраста (ст. 92 УК Испании).

Законодательство некоторых государств, предупреждая возможность случайного освобождения осужденных от наказания при отсутствии фактического достижения целей наказания, устанавливает минимальный срок наказания [3, с. 400]. В Австрии такой срок составляет 3 месяца (ч. 1 § 46 УК Австрии), в Германии – 2 месяца (ч. 1 § 57 УК ФРГ).

В отличие от России в Австрии, Германии, Испании и Франции уголовным законодательством не предусмотрена возможность условно-досрочного освобождения лиц, в отношении которых ранее применялся данный вид освобождения от наказания, что, по нашему мнению, лишает таких осужденных стимула к исправлению и негативным образом способно повлиять на соблюдение требований режима отбывания наказания в местах лишения свободы.

В некоторых государствах наряду с вышеобозначенными основаниями условно-досрочного освобождения необходимо соблюдать дополнительные условия. Так, согласно ч. 1 § 57 УК Германии ими являются согласие осужденного на применение в отношении его условно-досрочного освобождения. Данное условие условно-досрочного освобождения представляется нам первостепенным, поскольку в ином случае, принуждая осужденного условно-досрочно освобождаться, правоприменитель провоцирует его к нарушению режима отбывания наказания. По этой причине мы считаем, что данное условие должно быть имплементировано в отечественное законодательство с целью предупреждения совершения правонарушений указанным осужденным в местах лишения свободы.

Согласно ч. 1 ст. 90 УК Испании обязательным условием применения условно-досрочного освобождения выступает установленная в отношении осужденного третья степень пенитенциарного режима (согласно российскому уголовно-исполнительному законодательству третья степень пенитенциарного режима соответствует облегченным условиям отбывания наказания в исправительных учреждениях).

В заключение следует отметить, что заимствование положительного опыта зарубежных стран в

части установления оснований и условий условно-досрочного освобождения осужденных от наказания способно повлиять на формирование эффективного механизма условно-досрочного освобождения в Российском государстве. Указанное позволит усилить заинтересованность осужденных,

отбывающих наказание на территории Российской Федерации (как российских, так и иностранных граждан), в данном виде досрочного освобождения от наказания и в итоге укрепить законность и правопорядок в местах лишения свободы.

Список литературы

1. Плюснин А. М. Опыт условно-досрочного освобождения заключенных в зарубежных странах (США, Западная Европа, Япония). Организационно-правовые аспекты : учеб. пособие / под науч. ред. Е. Ф. Яськова. Киров, 2008. 97 с.
2. Ткачевский Ю. М. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2002. № 1. С. 16–40.
3. Додонов В. Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть / под науч. ред. С. П. Щербы. М., 2009. 447 с.
4. Уголовное право зарубежных стран. Общая часть : монография / под ред. и предисл. И. Д. Козочкина. М., 2001. 576 с.

ANDREY ANATOLYEVICH LOTAREV,
adjunct faculty of scientific and pedagogical staff training
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: g.armanj@mail.ru

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF LEGAL REGULATION PAROLE

Abstract: the carried out thorough research of the norms of criminal, criminal and executive and a criminal procedure law of Austria, Great Britain, Germany, Spain, France has revealed certain regularities characteristic of the Roman-German and Anglo-Saxon systems of law regarding establishment of the bases and conditions of parole of convicts to imprisonment.

The comparative and legal analysis of provisions of the penal legislation of the designated countries has allowed to determine the most perspective directions of the further development of the domestic right and of the formation of effective institute of parole. Thus parole provision transfer of function to the specialized bodies created within criminal and executive system, first, would allow to study with higher quality the identity of the reasoned decision condemned for acceptance about a possibility of application to it such type of release, and second, it would make it possible to decrease load on judicial authorities.

In case of taking a decision about application of parole after the actual departure of the condemned part of punishment and compensation of established by the penal statute fully or partially of the damage caused by a crime it is necessary to be guided not only by the achievement of correction of the convict of a certain level, but also by the forecast for its social resettlement when accounting a possibility of approach of negative consequences in case of its release.

Key words: parole, the continental system is right, imprisonment, parole application bases, parole conditions.

References

1. Tkachevskij Ju. M. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie ot otbyvaniya nakazaniya [Parole from serving sentence]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11. Pravo – Bulletin of the Moscow university. Series 11. Law, 2002, no. 1, pp. 16–40.
2. Pljusnin A. M. Opyt uslovno-dosrochnogo osvobozhdenija zakljuchennyh v zarubezhnyh stranah (SShA, Zapadnaja Evropa, Japonija). Organizacionno-pravovye aspekty [Experience of parole of prisoners in foreign countries (USA, Western Europe, Japan). Organization-legal aspects]. Under the editorship of E. F. Jas'kov. Kirov, 2008. 97 p.
3. Dodonov V. N. Sravnitel'noe ugolovnoe pravo. Obshhaja chast' [Comparative criminal law. General part]. Under the scientific editorship of S. P. Shherba. Moscow, 2009. 447 p.
4. Ugolovnoe pravo zarubezhnyh stran. Obshhaja chast' [Criminal law of foreign countries. General part]. Under the editorship of I. D. Kozochkina. Moscow, 2001. 576 p.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ СЫСОЕВ,

кандидат психологических наук, доцент,
начальник факультета повышения квалификации
и первоначальной подготовки,
e-mail: sam3110@rambler.ru;

ТАТЬЯНА ЕВГЕНЬЕВНА АБОЛМАСОВА,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров
(Академия ФСИН России),
e-mail: tanjukha@mail.ru

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПО РЕАЛИЗАЦИИ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРОГРАММ ДЕРАДИКАЛИЗАЦИИ ЭКСТРЕМИСТОВ С ПРИМЕНЕНИЕМ ОСНОВ ТРАДИЦИОННЫХ ВЕРОУЧЕНИЙ

Реферат: отсутствие проверенных методик, позволяющих эффективно работать с такой особой категорией лиц, как осужденные к лишению свободы за деяния, связанные с проявлениями религиозного экстремизма, убежденность этих лиц в своей правоте, крайность их взглядов порождают ситуацию, когда исправительные учреждения становятся своеобразными рассадниками идеологии экстремизма. В связи с этим очевидна необходимость разработки специализированных программ, позволяющих определять не только степень опасности лица, его «зараженности» этими идеями, психологические особенности личности, но и возможность его исправления, в том числе посредством воздействия традиционных вероучений. Попытки такого воздействия на личность преступника уже предпринимаются в практике пенитенциарных систем некоторых зарубежных стран. В статье проводится анализ базовых положений программ по дерадикализации религиозных происламских экстремистов, отбывающих наказание в виде лишения свободы в некоторых странах Евросоюза, а также Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова: пенитенциарные учреждения, осужденные к лишению свободы, дерадикализация, религиозный экстремизм.

Проявления криминального религиозного экстремизма, получившие широкое распространение в последнее десятилетие в мировом масштабе, как и идеи исламского фундаментализма, в том числе среди лиц, находящихся в условиях мест лишения свободы, а равно увеличение числа осужденных за насильственные проявления, основанные на идеологии радикального Ислама, – все это говорит об актуальности разработки программ по дерадикализации и социальной реабилитации как лиц, ранее осужденных к лишению свободы за проявления религиозного экстремизма, так и осужденных, усвоивших радикальную идеологию уже в местах социальной изоляции.

Представляет интерес зарубежный опыт в указанной сфере, оценка которого позволяет определить перспективные направления по дерадикализации осужденных в условиях пенитенциарного учреждения. При этом, говоря о пенитенциарной работе с осужденными последователями радикального Ислама, следует отметить, что большое значение в зарубежной практике уделяется именно изменению религиозного воззрения этих лиц, при-

общению их к основам традиционного вероучения, отрицающего насилие как единственный метод переустройства миропорядка.

Шведский исследователь М. Рэнсторп, обобщив опыт по дерадикализации религиозных экстремистов, определил следующие направления:

- создание единого банка инструментов реабилитационной и коррекционной работы с экстремистами, инициирование исследований по установлению факторов успеха, лежащих в основе различных социальных стратегий по дерадикализации;

- наличие системы религиозного просвещения, которая во многом определяется заинтересованностью осужденных к лишению свободы во встречах со священнослужителями традиционных конфессий;

- наличие системы поощрений в процессе преобразования личности экстремиста (оплата дорожных расходов членам семьи заключенного, прибывающим на свидания с ним, оплата образовательных и дополнительных медицинских услуг и т. д.).

Британский Королевский институт объединенных служб по исследованиям в области обороны и безопасности определяет в качестве одного из эф-

фактивных направлений предупреждения религиозного экстремизма работу по предотвращению радикализации в местах лишения свободы [10, с. 24–31]. Данная деятельность осуществляется в рамках общей стратегии борьбы с экстремизмом, получившей название «Contest» (в переводе с англ. «состязание» или «борьба»), цель которой снизить угрозу экстремизма в Соединенном Королевстве [1, с. 174; 9, с. 73–92; 7, с. 442–458]. Программа предусматривает специальное обучение имамов, работающих в пенитенциарной системе, выявление заключенных, подозреваемых в распространении радикальных взглядов, а также помощь осужденным-экстремистам в их реинтеграции в общество.

Увеличению количества мусульман среди лиц, осужденных к лишению свободы, в пенитенциарных учреждениях Британии способствует государственная политика этой страны. Осужденные-мусульмане имеют ряд существенных преимуществ перед остальным спецконтингентом – им разрешается прием халяльной пищи, пятиразовая молитва, встречи с имамом, освобождение от некоторых видов работ, иные послабления режима отбывания наказания. Кроме того, такие осужденные не только имеют существенную поддержку в стенах учреждения, но и получают материальную помощь от различных социальных фондов, взаимодействующих с пенитенциарной службой этой страны.

Исламская радикализация осужденных во Французской Республике во многом обусловлена как самим контингентом тюремного населения, так и проблемой переполненности исправительных учреждений. Точное количество мусульман, отбывающих наказание в виде лишения свободы в этой стране, неизвестно, так как государственные органы длительное время отказывались фиксировать религиозную принадлежность лица, считая вопрос вероисповедания исключительно частным делом осужденного. Вместе с тем согласно некоторым оценкам осужденные к лишению свободы мусульмане составляют около половины всего тюремного населения указанной страны, что намного выше доли мусульман в структуре населения Франции, которая составляет около 8 % [11]. Если пенитенциарная система Великобритании сотрудничает с представителями религиозных общин в вопросах предупреждения радикализации заключенных (наставничество над осужденными, помощь в создании приспособленных помещений для соблюдения религиозных обрядов, передача разрешенной Кораном пищи, создание условий для проведения религиозных обрядов и т. д.), то во Франции, которая придерживается принципа исключения религии из общественной сферы, такая связь с религи-

озной общественностью не налажена и осужденным-мусульманам предоставляются все те же услуги, что и другим лицам, отбывающим наказание совместно с ними [2, с. 215].

Важным шагом по осознанию проблемы радикализации осужденных явилось создание в 2003 г. во Франции специализированного органа, который (кроме прочего) занимается анализом ситуации в пенитенциарных учреждениях, а также наблюдением за радикальными осужденными, вышедшими на свободу, – Центрального разведывательного бюро. Как отмечает Жан-Люк Марре, это бюро является аналогом пенитенциарной разведки за деятельностью радикальных групп в тюрьмах страны [12]. В 2005 г. данное бюро в результате изучения оперативной обстановки в 188 тюрьмах страны определило, что в 68 из них заключенные активно участвуют в деятельности радикальных происламских организаций [6, с. 2]. В связи с этим Министерство юстиции Пятой республики заявило о необходимости сотрудничества с Организацией французских мусульман в вопросе религиозного просвещения осужденных, причисляющих себя к последователям ислама. Вместе с тем еще в 2008 г. министр внутренних дел М. Аллио-Мари отмечала, что лишь более сотни заключенных из почти 63 тысяч встали на путь исламистской радикализации в процессе нахождения в исправительных учреждениях [13, с. 60]. Эти данные отличаются от информации некоторых исследователей (Ч. Корневин, Дж. Леклерк), которые обнародовали, что в тюрьмах Франции в 2008 г. содержалось 442 исламиста [4, с. 18]. А. Вилнер, проанализировав эти цифры и данные, которые показали, что примерно половина из 60 тысяч заключенных страны считают себя мусульманами, отметил, что французская пенитенциарная система является благодатной средой для радикализации [8, с. 40].

В пенитенциарной системе Италии с 2012 г. реализуется комплекс мер, направленных на создание новой модели содержания под стражей, в основе которой находится принцип дифференциации спецконтингента в условиях пенитенциарных учреждений – разделение осужденных к лишению свободы на однородные группы, что позволяет уменьшить взаимодействие вне этих групп, по мнению представителей Министерства юстиции, способствует снижению риска пенитенциарной радикализации спецконтингента и позволяет создать условия для их исправления. Модель открытой тюрьмы позволяет привлекать членов семьи осужденного, иных представителей гражданского общества к преодолению проблем отрыва осужденного от привычной среды и его дальнейшей реинтеграции в общество. Однако для иностранцев, отбывающих наказание в пенитенциарных

учреждениях Итальянской Республики, данная система не работает ввиду отсутствия положительных связей, что повышает риск получения поддержки и последующей вербовки представителями радикального ислама отбывающих наказание в условиях изоляции. В связи с этим возрастает роль священнослужителей, исповедующих традиционный ислам, которые перед работой с осужденными проходят тщательный контроль со стороны представителей правоохранительной системы.

Программа дерадикализации исламских экстремистов в Сингапуре, по мнению некоторых зарубежных авторов [5, с. 129], является одним из комплексов мер государственного реагирования, показавших свою эффективность по дерадикализации личности. Такая работа с лицами, осужденными к лишению свободы, осуществляется священнослужителями в тесном взаимодействии с членами семей осужденных. «Несомненно, что первостепенное сосредоточение внимания на семье и полезных социальных связях с точки зрения эффективности способствует разрушению лояльного отношения личности к группам, настроенным радикально, на индивидуальном уровне» [3, с. 18].

Данный опыт был учтен пенитенциарной службой Малайзии, где программа дерадикализации религиозных экстремистов имеет временные рамки и рассчитана на 3 года. Она представляет собой комбинирование просветительской работы с привлечением священников и укрепление «физической дисциплины» со стороны администрации пенитенциарного учреждения, включая применение телесных наказаний. Осужденные, прилюдно отказавшиеся от радикальных воззрений, поощряются свиданиями с родными, имеют право на получение помощи от общины, могут посещать родных по религиозным праздникам, они даже могут быть досрочно освобождены от наказания. Решающее значение для получения этих льгот имеет мнение наставника – священнослужителя о характере и степени осознания своей вины осужденным, об определении возможности его жизни вне пенитенциарного учреждения.

Саудовская Аравия активно использует два фактора для воздействия на исламских экстремистов – создание системы религиозного просвещения путем организации публичных диспутов в пенитенциарных учреждениях, индивидуально-просветительской деятельности наиболее уважаемых имамов с осужденными и предоставление материальных стимулов бывшим экстремистам, вставших на путь исправления, – помощь государства при заключении браков, предоставление рабочих мест после освобождения, выделение единовременных крупных ссуд для обустройства на свободе, безвозмездное предоставление автомоби-

ля и временного жилья после освобождения из мест лишения свободы. Последним испытанием перед освобождением является написание бывшим экстремистом письменного отречения от радикальной идеологии, которое используется администрацией пенитенциарных учреждений в процессе работы с другими осужденными, придерживающимися экстремистских взглядов. Успехи в этом направлении привели к тому, что священнослужители из Саудовской Аравии были приглашены правительством США для организации просветительской работы с исламскими экстремистами в зарубежных тюрьмах – в Ираке и Гуантанамо.

Подводя итог изложенному, можно выделить следующие направления работы священнослужителей традиционных конфессий в рамках пенитенциарных программ по дерадикализации религиозных экстремистов.

1. Пенитенциарная деятельность, проводимая священнослужителем с лицом, находящимся в условиях лишения свободы, которую можно подразделить исходя из целей и направленности:

- на индивидуально-просветительскую (разъяснительную) деятельность, то есть коррекционную работу с отдельным осужденным по разъяснению основ религиозного воззрения, склонению к отказу от радикальной идеологии, обращению внимания к противоречиям в толковании религии радикальными сторонниками вероучения;

- групповую профилактическую деятельность, в основе которой – работа священнослужителя не только с группой осужденных, например, для создания структуры по реализации религиозных образцов в условиях лишения свободы, нейтрализации установок радикальной направленности посредством коллективного мнения, но и с членами их семей для оценки их криминогенного потенциала и оказания помощи в устранении у осужденного радикальных установок.

2. Постпенитенциарная деятельность, способствующая успешной социальной адаптации осужденного после выхода из стен исправительного учреждения, его социальной реабилитации путем оказания духовной и материальной поддержки после выхода его на свободу (предоставление жилья, организация посещений по месту жительства, встречи с близкими, оказание помощи в поиске работы).

Отмечая потенциал традиционного вероучения при организации пенитенциарной работы с лицами, осужденными за проявления религиозного экстремизма, стоит отметить, что сегодня это направление в представленных программах дерадикализации не носит комплексный характер, скорее, является сопровождающим компонентом. Несмотря на некоторые положительные оценки данного опыта в специализированной литературе и офици-

альных документах ряда стран, к нему все же следует относиться с изрядной долей критики – стоит помнить, что эти программы введены в практическую деятельность относительно недавно, и проходят апробацию, а следовательно, судить об их эффективности преждевременно. Однако любая дерадикализационная программа, реализуемая в условиях мест лишения свободы, малоэффективна

без применения мер профилактического воздействия на близкий круг лица, преступившего закон, на ту микросреду, которая его сформировала как личность. В связи с этим закономерным является вопрос о необходимости религиозного просвещения не только самого осужденного, но и его микросреды (близкого круга лица, преступившего закон) вне пределов социальной изоляции.

Список литературы

1. Стратегия противодействия международному терроризму Объединенного Королевства. Представлена в парламент премьер-министром и министром внутренних дел по указанию ее Величества. Лондон, 2009. 48 с.
2. Бекфорд Дж., Джоли Д., Хосроховар Ф. Мусульмане в тюрьмах: проблемы и их решения в Великобритании и Франции. Нью-Йорк, 2005. 215 с.
3. Рэнсторп М. Предупреждение насильственной радикализации и терроризма на примере Индонезии. Стокгольм, 2009. 26 с.
4. Корневин Ч., Леклерк Дж. 400 осужденных обращено в ислам в тюрьме // Фигаро. 2008. 23 сент. С. 18.
5. Гэнор Б., Фальк О. Дерадикализации в тюремной системе Израиля // Исследования о конфликтах и терроризме. 2013. № 2 (36). С. 116–131.
6. Сигел П. Радикальный ислам и мусульманское население тюрем Франции // След терроризма. 2006. Вып. 4. С. 2–7.
7. Томас П. Отчаявшиеся и одинокие: программы по предотвращению насильственного экстремизма // Британский журнал политики и международных отношений. 2010. Вып. 12. С. 442–458.
8. Вильнер А. От реабилитации к рекрутированию // Правда Севера. 2010. Октябрь. С. 40.
9. Визер Дж. Прогресс в работе: кампания в Соединенном Королевстве против радикализации // Связь. 2006. Вып. 4. С. 73–92.
10. Кларк М., Сория В. Терроризм: новая волна // РУСИ журнал. 2010. Вып. 4 (155). С. 24–31.
11. Тюремный джихад: страх терроризма во французских тюрьмах // Экономист. 2008. 18 сент.
12. Марре Ж.-Л. Тюрьма: дерадикализация и освобождение: на примере Франции. URL : <http://www.frstrategie.org/barreFRS/publications/dossiers> (дата обращения: 15.01.2011).
13. Избежать фундаментализма в тюрьмах // Преступление и наказание. 2012. № 5. С. 60–64.

ALEXANDER MIKHAYLOVICH SYSOEV,

phd in psychology, associate professor,
head faculty of advanced training and initial preparation,
e-mail: sam3110@rambler.ru;

TATYANA EVGENYEVNA ABOLMASOVA,

adjunct preparation of the research and educational personnel department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: tanjukha@mail.ru

FOREIGN EXPERIMENT ON IMPLEMENTATION OF PENITENTIARY PROGRAMS OF EXTREMISTS DERADICALIZATION USING FUNDAMENTALS OF TRADITIONAL RELIGIONS

Abstract: lack of the checked techniques allowing to work effectively with such special category of persons as the sentenced to imprisonment for the acts connected with manifestations of religious extremism, conviction in their rightness, extremity of their views generate a situation when correctional facilities become peculiar «nurseries» of extremism ideology. For that matter there is a need to develop specialized programs allowing to determine not only degree of danger a person presents, his “contamination“ with these ideas, psychological traits of a person, but also a possibility of correction being under of traditional religions as well. This is already made in penal systems of some foreign countries. The article analyses basic provisions of programs for deradicalization of the religious pro-Islamic extremists serving sentences in some European Union countries and also Middle East and South-East Asia.

Key words: penal institutions, convicts to imprisonment, deradicalization, religious extremism.

References

1. The United Kingdom's strategy for countering international terrorism. Presented to parliament by the prime minister and the secretary of state for the home department by command of her majesty. London, 2009.
2. Beckford J., Joly D., Khosrokhavar F. Muslims in prison: challenge and change in Britain and France. New York, 2005.
3. Ranstorp M. Preventing Violent Radicalization and terrorism: the case of Indonesia. Stockholm, 2009.
4. Cornevin Ch., Leclerc J.-M. 400 islamistes font du prosélytisme en prison. Le Figaro, 2008, September 23, p. 18
5. Ganor B., Falk O. De-radicalization in Israel's prison system. Studies in conflict & terrorism, 2013, no. 2, pp. 116–131.
6. Siegel P. Radical islamic and the French muslim prison population. Terrorism monitor, 2006, vol. 4, iss. 15, pp. 2–7.
7. Thomas P. Failed and friendless: the UK's 'preventing violent extremism' programme. The British journal of politics & international relations, 2010, vol. 12, iss. 3, pp. 442–458.
8. Wilner A. From rehabilitation to recruitment. True north, 2010, October, p. 40.
9. Wither J. A Work in progress: the United Kingdom's campaign against radicalization. Connections: the quarterly journal, 2006, vol. 4, pp. 73–92.
10. Clarke M., Soria V. Terrorism: the new wave. RUSI journal, 2010, vol. 4, p. 24–31.
11. Jailhouse jihad: fears that terrorism is breeding in French prisons. The economist, 2008, September, 18.
12. Marret J.-L. Prison de-radicalization and disengagement: the French case. Available at : <http://www.frstrategie.org/barreFRS/publications/dossiers/aqmi/doc/fjd.pdf> (Accessed 15 January 2011).
13. Izbezhat' fundamentalizma v tjur'mah [To avoid fundamentalism in prisons]. Prestuplenie i nakazanie – Crime and punishment, 2012, no. 5, pp. 60–64.

САМУР АБДУЛЖАБАРОВИЧ ЮНУСОВ,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
административного и финансового права
(Академия ФСИН России),
e-mail: samur_@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Реферат: в представленной статье рассмотрены вопросы справедливости, ее понимания и отражения в правах человека в дореволюционный период истории России, излагаются подходы разных мыслителей (А. Н. Радищев, П. И. Пестель, Б. Н. Чичерин, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, М. А. Бакунин и др.) к принципу справедливости в правах человека.

Справедливость, являющаяся фундаментальной ценностью общества и государства, во все времена была объектом пристального внимания. Вопрос ее воплощения в правах человека в дореволюционной России ставился многими учеными того времени. Справедливость воспринималась как общее разумное естественно-правовое начало, которое служит руководством как для установления закона, так и для его соблюдения.

Справедливость тесно связана с установлением и обеспечением прав человека. Идеи свободы, справедливости, равенства и прав людей получили широкое распространение, при этом они трактовались как взаимосвязь естественного и положительного права, как соотношение разумной сущности права и ее реального проявления в действующем праве. Политико-правовая мысль того периода активно развивалась с учетом текущей политической ситуации как внутри страны, так и за ее пределами. Процессы, происходящие в обществе в то время, несомненно, находили свое отражение в трудах мыслителей прошлого и получали поддержку населения страны.

Ключевые слова: личность, свобода, государство, право, принцип справедливости, права человека, судебная реформа, законодательство, государственная власть.

Эволюция правового положения человека в России имеет богатую историю и прослеживается через все этапы ее государственно-правового строительства. Всегда шла борьба двух сил – стремящихся к справедливости, свободе и реакционно настроенных.

Передовые европейские политико-правовые мысли, выраженные в идеях о справедливости, равенстве всех людей, о неотчуждаемых правах и свободах человека, и революционные преобразования XVIII в. в западных странах постепенно распространились и в царской России.

А. Н. Радищев (1749–1802) идеи справедливости использовал для критики российского самодержавия и крепостничества. С естественно-правовых позиций он развивал представления о свободе и равенстве всех людей в естественном состоянии, договорном происхождении государства, неотчуждаемых правах человека на свою жизнь, собственность, равный суд, свободу мысли и слова, суверенитете народа и его праве свергнуть несправедливый строй [1, с. 130, 176–177, 437].

Ценность справедливости естественной свободы и равенства всех людей, неотчуждаемых прав человека на «безопасность, жизнь и собственность» отстаивали и декабристы [2, с. 295–302].

В XIX в. наиболее значительным событием до отмены крепостного права было вооруженное выступление декабристов в 1825 г. Это была попытка изменить общественное и политическое устройство России на основе утверждения справедливости и прав человека [3, с. 167].

В России в XVIII в. крепостнические общественные отношения были основательно потрясены крестьянской войной под руководством Емельяна Пугачева 1773–1775 гг., которая показала, насколько велик социально-политический потенциал народных масс. Крестьянская война в России, как и войны в Западной Европе, стихийно отразила потребность в изменении общественных условий существования крестьянства и рабочих людей.

Отличие, специфичность, уникальность, особость не всегда означают отсталость от так называемых передовых культур, и необязательно стре-

миться к тому, чтобы догнать их. Иронизируя относительно попыток каждой эпохи быть судьей по отношению ко всему, что имело место в прошлом, Ф. Ницше писал: «В сущности, ни одна эпоха и ни одно поколение не имеют права считать себя судьями всех прежних эпох и поколений... В качестве судей вы должны стоять выше того, кого судите вы, тогда как, в сущности, вы лишь явились позже на историческую арену. Гости, которые приходят последними на званый обед, должны, по справедливости, получить последние места, а вы хотите получить первые!» [4, с. 197–198]. Соглашаясь с такой позицией, можно утверждать, что во всемирно-историческом плане не совсем корректно делить историю на хорошие и плохие, светлые и темные периоды, низшие и высшие ступени с точки зрения морально-нравственного совершенства и несовершенства народов. Не следует необоснованно критиковать историю развития права и прав человека в России.

Конституционные проекты П. И. Пестеля подробно определяли права человека и отражение справедливости в них [5, с. 190]. При отмене крепостного права решался вопрос не только о личных свободах крестьянина, но и о праве на землю.

Идеи справедливости, выраженные в Декларации прав человека и гражданина 1789 г., в борьбе против царизма и крепостничества использовали также члены революционного кружка петрашевцев, деятели русского демократического движения.

Б. Н. Чичерин (1829–1904), сочетая в своих трудах подходы Канта и Гегеля, с либерально-индивидуалистических позиций отстаивал свободу, справедливость, равенство и права людей. Этим общим разумным естественно-правовым началом, которое служит руководством как для установления закона, так и его осуществления, является «правда, или справедливость» [6, с. 95]. Право и правда проистекают из одного корня. «И все законодательства в мире, которые понимали свою высокую задачу, – пишет Б. Н. Чичерин, – стремились осуществить эту идею в человеческих обществах» [6, с. 95].

Правда (справедливость), согласно Б. Н. Чичерину, связана с началом равенства. «Справедливым, – писал он, – считается то, что одинаково прилагается ко всем. Это начало вытекает из самой природы человеческой личности: все люди суть разумно-свободные существа, все созданы по образу и подобию Божьему и, как таковые, равны между собою» [6, с. 103]. При этом Б. Н. Чичерин (со ссылкой на римских юристов) подчеркивал, что правда (справедливость) состоит в том, чтобы каждому воздавать свое [7, с. 81].

Идеи русских социалистов были созвучны борьбе с капитализмом XIX в. Вместе с тем для деятелей

России особой проблемой были права крестьян. Отмену крепостного права А. И. Герцен расценивал как торжество человеческих прав [8, с. 331]. Утверждение свободы мысли, печати, преподавания, равноправие мужчин и женщин А. И. Герцен считал неотъемлемой частью справедливости и подлинной цивилизации.

Н. Г. Чернышевский связывал свои надежды на изменение положения человека в России с падением крепостного права и самодержавия и внедрением суда присяжных в стране как гаранта отстаивания справедливости.

М. А. Бакунин решал вопрос о правах человека на основании собственного понимания общества будущего, именуемого анархией. Его идеи были популярны в рабочем и крестьянском движении 60–70-х гг. XIX в. Революционное переустройство России, по его убеждению, заключалось в отмене классов, государства и всего, что называется юридическим правом, которое перманентно отрицает все человеческое право [9, с. 330].

Защита естественно-правовых идей свободы и прав личности занимает центральное место в творчестве П. И. Новгородцева (1866–1924). Его правовые взгляды находились под заметным влиянием кантианства и естественного права, необходимость возрождения которого является стержневой идеей всей его юридико-теоретической позиции.

Идеи свободы, справедливости, равенства и прав людей получили глубокую разработку и защиту в творчестве В. С. Соловьева (1853–1900). Он трактовал взаимосвязь естественного и положительного права как соотношение разумной сущности права и ее реального проявления в действующем праве [9, с. 330]. Однако свобода лица, пояснял В. С. Соловьев, превращается в право и справедливость только тогда, когда за всеми (по общему правилу) одинаково признается их свобода.

Свобода личности была основной и главной проблемой всего творчества Н. А. Бердяева (1874–1948). Себя он называл сыном свободы, справедливости и подчеркивал: «Я основал свое дело на свободе» [10, с. 254].

Проблема реализации принципа справедливости и прав человека в истории России в течение ряда столетий начиная, по меньшей мере, с XVIII и до начала XX века, была весьма злободневной. Бесконтрольность правительственной власти самодержавной России на всех уровнях, всепроникающая регламентация и полицейская опека, отсутствие гласности, безнаказанность всякого рода чиновничьих злоупотреблений – все это стесняло права человека и подчеркивало отсутствие справедливости. Процесс освобождения личности был долгим и болезненным.

Впервые в русской истории на уровне менталитета в обществе (прежде всего, в дворянском сословном сознании) начинают укореняться идеи о коллегиальном участии в выборах на царство, о праве и законности (или незаконности) участия в политической жизни страны [11, с. 13].

Главными препонами на пути такого освобождения являлось крепостное право и сословный строй. Между тем даже в наиболее либеральных конституционных проектах, вышедших из недр правительственных учреждений, этот вопрос совершенно обходился. В качестве примера можно сослаться на конституционный проект, сочиненный по приказу Александра I в 1820 г. и получивший название Государственной уставной грамоты Российской империи. В этом документе некоторые либеральные авторы видели «высокое стремление к праву и свободе». В нем действительно отразились такие принципы буржуазного конституционализма, как народное представительство, выборность ряда должностных лиц, отделение судебной власти от административной, свобода печати, равенство подданных перед законом, недопустимость произвольных трестов и т. п. В то же время сохранялась prerogativa самодержца, сильная централизованная власть в лице бюрократических учреждений. Главное, оставалось неприкосновенным крепостное право. Сохранялся и сословный строй.

Кризис феодально-крепостнического строя, резко обозначившийся в середине XIX в., вынудил самодержавное правительство пойти на проведение крестьянской реформы, суть которой – упразднение крепостного права. Последовавшие за отменой крепостного права реформы 60–70-х годов XIX в. внесли существенные коррективы в правовое положение сословий. При этом необходимо подчеркнуть важное значение судебной реформы 1864 г. Ранее суд не был отделен от администрации. Судебные же уставы провозгласили отделение судебной власти от исполнительной, административной, законодательной. Учреждались суд присяжных, адвокатура, выборный мировой суд. Вводились несменяемость суда, гласность и публичность судебных заседаний, состязательный процесс. Средневековую теорию формальных доказательств заменила свободная оценка доказательств по внутреннему убеждению судей. Была перестроена судебная система [12, с. 38].

В ходе военно-судебной реформы 1867 г. военные суды и военная прокуратура подверглись серьезным преобразованиям в соответствии с принятым в 1867 г. Военно-судебным уставом, который вообрал в себя основные демократические принципы общегражданской судебной реформы 1861–1864 гг., а именно: отделение и независимость суда от административных органов, а органов обвинения – от административных и судеб-

ных; несменяемость судей; максимальное сокращение судебных инстанций.

Даже в период проведения реформ в 1860–1870 гг. существовало множество утеснений прав и свобод. Так, оставалась весьма жесткой цензура. Примерные правила о печати в 1865 г. предоставляли цензурным комитетам право объявлять, предостерегать, а после двух предостережений – приостанавливать или конфисковывать номера, налагать штрафы, преследовать судебным порядком издателей и редакторов. Руководило цензурой и надзидало за книжной торговлей Главное управление по делам печати при Министерстве внутренних дел. Изданный в 1873 г. закон в дополнение Временных правил предоставил министру внутренних дел право приостанавливать любое издание, затрагивающее вопросы государственной важности, оглашение или обсуждение которых «по соображениям высшего правительства найдено будет неудобным».

К началу XX века, несмотря на отмену крепостного права и проведение императором Александром II судебной, земельной, военной и ряда других либерально-буржуазных реформ 1860–1870 гг., в России сохранялся режим полицейского государства, который характеризовался отсутствием свободы слова, собраний, образования союзов, а также строгой цензурой над печатью, учреждением надзора за «неблагонадежными» лицами, жестким подавлением инакомыслия, выделением судебных органов для рассмотрения политических дел, укorenившимся чиновничьим бюрократизмом и т. д. Сохранялось сословное деление общества, предопределявшее резкое отсутствие справедливости, неравенство правового положения отдельных категорий подданных империи. Дворяне наделялись многими привилегиями. В отношении низших сословий допускались принудительный труд, телесные наказания и др.

В социальных сферах происходили радикальные перемены, которые отразились в политико-правовой практике. Высочайшим Указом от 6 августа 1905 г. было утверждено Положение о выборах в Государственную Думу [13, с. 271], вскоре появился известный царский Манифест от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» [13, с. 274], в котором обещалось даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов, предоставить «дальнейшее развитие начала общего избирательного права».

При всем разнообразии социалистических движений XIX в. они сходились в стремлении к расширению справедливого подхода к человеческой

свободе. Для России, в отличие от других стран, вопрос о правах человека не был разрешен на уровне политических и ряда личных прав ни в революции 1905–1907 гг., ни в период Февральской революции. В указанный период деятелями первой Государственной Думы, крупными юристами Л. И. Петражицким и П. И. Новгородцевым был внесен серьезный вклад в теоретическую разработку национального законодательства.

Л. И. Петражицкий был одним из инициаторов и членов комиссии по разработке законопроекта об обеспечении действительной неприкосновенности личности. Он считал, что «нельзя задерживать столь важный, сколь и необходимый акт, как закон о неприкосновенности личности, связывая с ним весьма обширную законодательную работу, как пересмотр судебных уставов. Это дело особого законодательного проекта, которое мы тоже надеемся взять в свои руки».

Революционные события 1905–1907 гг., обострение обстановки в связи с Первой мировой войной, мощное наступление реакционных сил привели к роспуску I и II государственных дум или малоэффективности III и IV государственных дум. Поводом к разгону II Думы послужило сфабрикованное Министерством внутренних дел и органами юстиции обвинение социал-демократической фракции в подготовке вооруженного восстания. В Манифесте от 3 июня 1907 г. «О роспуске Государственной Думы, о времени созыва новой Думы и об изменении порядка выборов в Государственную Думу» [13, с. 286] Николай II указывал, что она не оправдала его ожиданий.

Расширились избирательные права помещиков. Урезалось или не допускалось политическое представительство национальных окраин и некоторых других регионов (Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии и др.). Усиливался режим цензуры, полицейский контроль за подданными. Существовавший режим агонизировал и всячески тормозил наметившиеся демократические преобразования, что касалось и сферы правового положения человека.

Февральская революция 1917 г. положила конец самодержавию и дала новый импульс буржуазно-демократическому развитию России. Временное правительство в Декларации о его составе и задачах от 3 марта 1917 г. провозгласило полную и немедленную амнистию по всем делам политическим и религиозным; свободу слова, печати, союзов, собраний и стачек с распространением политических свобод на военнослужащих; отмену всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений; подготовку к созыву Учредительного собрания на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования. Перечисленные поло-

жения конкретизировались соответствующими законами и постановлениями.

Так, законодательство о выборах закрепляло их свободный характер [13, с. 292]. Подвергался либерализации уголовный процесс, другие отрасли права. Вносились элементы гуманизации в деятельность пенитенциарных учреждений (признавалось личное достоинство заключенных, ограничивалось заключение в карцер и пр.), что стало отражением справедливости в этих сферах.

В ходе первой русской революции были изданы два законодательных акта, содержавшие обещание предоставить подданным ряд прав и свобод. Указ Правительствующему сенату 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» обещал пересмотреть Положение об усиленной и чрезвычайной охране, о правах раскольников и иноверцев, о правах иностранцев, об устранении из Закона о печати излишних стеснений.

Развитие капиталистических отношений, острота проявления справедливости у коренных народов и рост революционного движения определили появление так называемого фабричного законодательства.

В 1882 г. был издан закон, частично регламентировавший труд малолетних (он определил продолжительность рабочего дня, запретил работу в ночную смену малолетних, не достигших 12-летнего возраста).

В 1886 г. под влиянием Морозовской стачки был принят закон о штрафах, который в некоторой мере регламентировал взимание штрафов, определил их размер. В 1897 г. был несколько ограничен рабочий день для фабричных рабочих (вместо 14–16 часов он стал равен 11–12 часам) [14, с. 213].

Свобода собраний регулировалась Временными правилами от 4 марта 1906 г. «О собраниях, обществах и союзах». Эти правила различали собрания публичные и непубличные. Непубличные нуждались в разрешении или в заявлении. Собрания под открытым небом требовали разрешения губернатора или начальника местной полиции. Собрание не допускалось, если оно было «противно законам или общественной нравственности» либо угрожало «общественному спокойствию или безопасности». Губернатор или начальник местной полиции был вправе назначить для присутствия на публичном собрании должностное лицо, которое могло в некоторых случаях закрыть его. На публичные собрания не допускались вооруженные люди, а также учащиеся. Воспрещались собрания вблизи места пребывания царя и места заседаний Государственного совета и Государственной Думы (во время их сессии).

Нормативными правовыми актами отменялись предварительная правительственная цензура, внесение залогов при разрешении на издание газеты и право наложения взысканий в административном порядке. Повременная (периодическая) печать стала отвечать только перед судом. Отменялась и предварительная цензура неповременной печати, то есть книг и брошюр.

Исполнительные органы ограничивали права и свободы, возмещенные Манифестом 17 октября 1905 г. и Основными законами в редакции от 23 апреля 1906 г. К серьезным нарушениям прав личности следует отнести, в частности, произвольные аресты, незаконные обыски и выемки, перлюстрацию писем.

Правительственная власть с ее неуловимыми критериями «видов правительства», «дозволенного и недозволенного», «преступного и непроступного» оставалась высшей судейей в сфере свобод. Ограничения личных (индивидуальных) прав и свобод власти мотивировались государственной необходимостью, интересами целого, целями самосохранения общества и государства, требованиями общего порядка безопасности. Поводом для всякого рода стеснений свободы личности и даже применения к ней уголовной кары часто было не совершение того или иного преступления, а так называемая политическая неблагонадежность [12, с. 47].

Положение человека в обществе и государстве, обеспечение справедливости и свободы человеческой личности – коренные вопросы конституционного развития всякого общества и государства. В историческом плане в характеристике прав и свобод как нормативно-правовой формы взаимоотношений государства и личности прослеживаются различные виды взаимодействия государственной власти с человеком и соответственно различные

основы правового положения личности. Одна из них основана на определении прав и свобод как категории, исходящей от государства и установленной государством, вторая – принципиально иная, основана на справедливости, на естественно-правовом подходе к правам и свободам человека.

Таким образом, можно заключить, что положение человека в обществе и государстве, обеспечение свободы человеческой личности – коренные вопросы конституционного развития всякого общества и государства. В историческом плане в характеристике принципа справедливости, прав и свобод человека как нормативно-правовой формы взаимоотношений государства и личности прослеживаются различные виды взаимодействия государственной власти с человеком, следовательно, различные основы правового положения личности.

Западные ораторы критикуют историю нашего государства в части обеспечения прав человека и общечеловеческих ценностей (на основе экономических, социальных, духовных и политических факторов), однако Россия не отставала от других стран, а динамично развивалась, в центре внимания всегда находился человек, его благосостояние.

Политико-правовая мысль того периода активно развивалась с учетом текущей политической ситуации как внутри страны, так и за ее пределами. Процессы, происходящие в обществе в то время, несомненно, находили свое отражение в трудах мыслителей прошлого и получали поддержку населения страны. Воззрения ученых дореволюционной России носили естественный характер и имели под собой твердую основу в виде необходимости закрепления и развития института прав человека для обеспечения справедливости в обществе и государстве.

Список литературы

1. Радищев А. Н. Избранные философские сочинения. М., 1949. 558 с.
2. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1. 731 с.
3. История государства и права России : учебник / под ред. Ю. П. Титова. М., 2001. 544 с.
4. Ницше Ф. Сочинения. М., 1990. Т. 1. 830 с.
5. История России / под ред. М. Н. Зуева, А. А. Чернобаева. М., 2001. 479 с.
6. Чичерин Б. Н. Философия права. М., 1998. 654 с.
7. Права человека : учеб. для вузов / отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 1999. 573 с.
8. Герцен А. И. Письма издалека. М., 1984. 464 с.
9. Бакунин М. А. В Первом интернационале. М., 1928. Т. 3. 602 с.
10. Бердяев Н. А. О назначении человека. М., 1993. С. 20–54.
11. Памятники смутного времени. Тушинский вор: личность, окружение, время. Документы и материалы. М., 2001. 464 с.
12. Каламкарян Р. А. Права человека в России: декларации, нормы и жизнь // Государство и право. 2000. № 3. С. 38–47.
13. Титов Ю. П. Хрестоматия по истории государства и права : учеб. пособие. М., 1998.
14. История государства и права России / под ред. Ю. П. Титова. М., 2000. 544 с.

SAMUR ABDULZHABAROVICH JUNUSOV,

phd in law,
senior lecturer, administrative and financial law department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: samur_@mail.ru

REFLECTION OF THE PRINCIPLE OF JUSTICE IN HUMAN RIGHTS IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

Abstract: in the article issues of justice, its understanding and its reflection in human rights during the pre-revolutionary period of history of Russia are considered. Approaches of different thinkers of that time such as A. N. Radishchev, P. I. Pestel, B. N. Chicherin, A. I. Herzen, N. G. Chernyshevsky, M. A. Bakunin and others to the concept of justice in human rights are stated. The embodiment of concept of justice in human rights in pre-revolutionary Russia in dynamics is noted.

The justice which is the fundamental value of society and state was object of close attention at all times. The question of its embodiment in human rights during the pre-revolutionary period of Russia was put by many scientists of that time. Justice was perceived as the general reasonable natural and legal basis which serves as a guide line for establishing the law as well as for observing the law.

The embodiment of justice has been closely connected with establishment and ensuring human rights. Ideas of freedom, justice, equality and the rights of people were widely adopted at the same time they were treated as interrelation of natural and positive law as a ratio of reasonable essence of the right and its real manifestation in the law in force. The political and legal thought of that period actively developed reflecting a fluid political situation within the country and beyond its boundaries. The processes happening in society at that time undoubtedly found the reflection in the works of thinkers of the past and were supported by the population.

Key words: personality, freedom, state, right, concept of justice, human rights, judicial reform, legislation, government.

References

1. Radischev A. N. Izbrannye filosofskie sochineniya [Selected philosophical writings]. Moscow, 1949. 588 p.
2. Izbrannye social'no-politicheskie i filosofskie proizvedeniya dekabristov [Selected socio-political and philosophical works of the Decembrists]. Moscow, 1951. 731 p.
3. Istoriya gosudarstva i prava Rossii [History of state and law of Russia]. Under the editorship of Y. P. Titov. Moscow, 2001. 544 p.
4. Nische F. Sochineniya [The Essays]. Moscow, 1990. Vol. 1. 479 p.
5. Istoriya Rossii [History of Russia]. Under the editorship of M. N. Zuev, A. A. Chernobaev. Moscow, 2001. 479 p.
6. Chicherin B. N. Filosofiya prava [The philosophy of law]. Moscow, 1995. 654 p.
7. Prava cheloveka [Human rights]. Under the editorship of E. A. Lukasheva. Moscow, 1999. 573 p.
8. Gertsen A. I. Pis'ma izdaleka [Letters from afar]. Moscow, 1984. 464 p.
9. Bakunin M. A. V Pervom internatsional'e [In the First International]. Moscow, 1928. Vol. 3. 602 p.
10. Berdyaev N. A. O naznachanii cheloveka [The destiny of man]. Moscow, 1993, pp. 20–54.
11. Pamyatniki smutnogo vremeni. Tuschinskii vor: lichnost', okruzhenie, vremya. Dokumenty i materialy [The monuments of the time of troubles. Tushino thief: personality, environment, time. Documents and materials]. Moscow, 2001. 464 p.
12. Kalamkaryan R. A. Prava cheloveka v Rossii: deklaratsii, normy i zhizn' [Human Rights in Russia: declarations, norms and life]. Gosudarstvo i pravo – State and law, 2000, no. 3, pp. 38–47.
13. Titov Y. P. Hrestomatiya po istorii gosudarstva i prava [Readings on the history of state and law]. Moscow, 1998.
14. Istoriya gosudarstva i prava [History of state and law of Russia]. Under the editorship of Y. P. Titov. Moscow, 2000. 544 p.

ДАНИЛ НАЗИПОВИЧ СЕРГЕЕВ,
преподаватель кафедры уголовного права
(Уральский государственный юридический университет),
e-mail: dnse@mail.ru

ИСТОРИЯ ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНОГО КОНТРОЛЯ: ОТ КЛЕЙМЕНЯ ДО ИНФОРМАЦИОННОЙ СТИГМАТИЗАЦИИ

Реферат: в статье рассматривается история развития постпенитенциарного контроля в России начиная с периода раннего Средневековья; доказывается, что генезис постпенитенциарного контроля восходит к древней практике нанесения преступникам специальных увечий, клейм, свидетельствующих об особом статусе их носителей. Обосновывается, что отмена клеймения дала новый толчок развитию правовых мер постпенитенциарного контроля: полицейского надзора, системы патронатов; отмечается, что изменение пенологической концепции в Советской России привело к фактическому упразднению всякого контроля на постпенитенциарной стадии вплоть до 1960-х годов. Последнее десятилетие XX в. стало очередным периодом забвения постпенитенциарного контроля, рост преступности в течение которого привел к осознанию необходимости его возвращения.

Ключевые слова: постпенитенциарный контроль, клеймение преступников, нанесение увечий преступнику, надзор за осужденными.

История постпенитенциарного контроля возводится ко времени первой европейской пенитенциарной реформы, когда тюрьма из места заточения трансформировалась в место исправления. Юридическая история постпенитенциарного контроля связана многими нитями с прошлым тюрьмы, поскольку этот институт призван восполнить недостатки работы пенитенциарной системы. Однако то, что контроль за освобожденными от наказания фактически продолжает лишение свободы, не свидетельствует о вторичности или производности природы постпенитенциарного контроля. Корни генезиса этой меры кроются в присутствии человеческого обществу стремлении выделить, обозначить или изолировать нарушителя социальной нормы.

Древнейшей формой реакции на совершение человеком противоречащих общественным устоям действий было изгнание из родоплеменного образования. Род и племя выступали той средой, в которой мщение и кровная вражда были невозможны, поэтому пошедший против своего рода объявлялся изгоем. В определенной мере это была не только социальная смерть, но и физическая: изгой обрекался на неминуемую гибель. Еще в начале XX в. среди народов Кавказа практиковался обычай, по которому «убийца родственника принуждался покинуть оскорбленный его поступком аул, сделаться абреком или по меньшей мере носить внешний знак своей отверженности, разрыва с ним всякого общения» [6, с. 179].

С развитием государства и права изгнание постепенно утратило свое значение. Однако естественное стремление общества зримо выделить нарушителя для установления в его отношении социального контроля сохранилось, трансформировавшись в нанесение человеку особых увечий. Такие неизгладимые отметки на теле человека (клейма, отрезанные уши, нос или вырванные ноздри и т. п.) были знаками, свидетельствующими о необходимости особого внимания к их носителю.

В Уставной грамоте великого князя Василия Дмитриевича Двинской земле 1397 г. впервые в российском праве вводится обязательное клеймение совершившего кражу: «а татя всякого пятнати» [5, с. 158]. Клеймение было принесено в русские княжества с проникновением византийского и татарского права, но оно не получило в Московском государстве широкого распространения [13, с. 346–348]. Во всяком случае следующее упоминание «пятнания» в правовом акте происходит более чем через два столетия после издания Двинской грамоты.

Окружная царская грамота в Пермь Великую от 10 февраля 1637 г. «Об учиненном наказании делателям ложной монеты с строгим подтверждением, что впредь таковые преступники будут по-прежнему казнены смертью» [2, с. 406–407] вводила клеймение для изготовителей поддельных монет: «а для улики впредь указали есмь у тех всех воров напятнати на щеках, разжегши, а в пятне написати ворь, чтобы такие воры впредь были знатны». Нанесенное клеймо выступало, с одной стороны, предупредитель-

ной мерой (последующее совершение аналогичного деяния наказывалось уже смертной казнью), с другой – оно имело функцию опознавательного знака, обуславливающего контроль в отношении такого человека.

Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. не знает клеймения, несмотря на факты нанесения клейм на бунтовщиков в 1662 г.: «...кляли на лице на правой стороне признаки, розжегши железо на красном, а поставлено на том железе «буки», то есть бунтовщик, чтоб был до веку признатен» [7, с. 116]. Однако оно ввело иную меру, определенно имеющую выраженное контрольное назначение, – отрезание ушей. В соответствии со ст. 9 гл. XXI «О разбойных и татинных делах» за первую кражу виновного били кнутом и отрезали левое ухо. «И того татя за первую татьбу бить кнутом и отрезать ему левое ухо, и посадить его в тюрьму на два года, а животы его отдать исцом в выть, и ис тюрьмы выимая его, посылать в кайдалах работать на всякия изделия, где государь укажет». После освобождения из тюрьмы заклеянный получал справку «за дьячьёю приписью» о том, что установленный срок в тюрьме был отбыт. За вторую кражу (ст. 10 гл. XXI) также было предусмотрено битье кнутом, но уже с отрезанием правого уха и последующим направлением в тюрьму на четыре года. После отбытия данного срока предписывалось «дать ему письмо, что он и за другую татьбу урочные годы в тюрьме отсидел и ис тюрьмы выпущен». Разбойное нападение (ст. 16 гл. XXI) наказывалось тремя годами лишения свободы, также у осужденного отрезалось правое ухо. Таким образом, Соборное уложение ввело первую меру собственно постпенитенциарного контроля. Отражением этого явилось правило, закрепленное в ст. 19 гл. XXI: в случае появления в населенных пунктах людей с отрезанными ушами, у которых отсутствовали письма об освобождении из тюрьмы, их следовало задерживать и «до государева указу тех людей держать в тюрьме». Контроль наличия документа об освобождении являлся обязательным в отношении всех лиц, на теле которых были обнаружены соответствующие увечья.

Уложение не называет данную меру постпенитенциарным контролем. Более того, закон в то время еще не отделял ее от наказания. То же отрезание ушей в одном случае выступало наказанием за незаконную ловлю рыбы «татинным обычаем» в третий раз (ст. 90 гл. XXI). Нельзя не отметить, что в приведенной норме отрезание ушей являлось особой реакцией на повторное преступление, то есть соединяло в себе кару и контроль. Другая членовредительская мера – отрезание носа и вырывание ноздрей – также вводилась за повторное преступление (употребление табака во второй или третий раз, ст. 16 гл. XXV).

При этом Уложение обосновывало тяжесть наказания общей превенцией: «чтоб на то смотря, иным так неповадно было делать».

В Новоуказных статьях о татевных, разбойных и убийственных делах от 22 января 1669 г. вместо отрезания ушей предусмотрено отсечение двух пальцев левой руки за первую кражу (ст. 8 «О татях») и отсечение левой руки по запястье за две кражи (ст. 9). При этом после первой кражи осужденный должен был быть взят на поруки с обязательством «впредь не воровать». Указом от 28 ноября 1682 г. восстановлено отрезание ушей за татьбу, а за разбой введено отрезание левого уха и отсечение двух пальцев левой руки. Указ от 3 мая 1691 г. возвратил клеймение для обозначения лиц, освобожденных от смертной казни со ссылкой в Сибирь.

При Петре Великом клеймение заняло первое место среди всех увечьях осужденного мер. Царской грамотой в Иркутск от 9 июля 1698 г. «О ссыльных людях» [1, с. 509] вводятся общие правила «пятна» унифицированными клеймами, разработанными для 18 уральских и сибирских городов. Кроме того, грамотой продублировано положение ст. 19 гл. XXI Соборного уложения 1649 г. о необходимости задержания всех замеченных заклеянных людей для выяснения вопроса, не являются ли они беглыми. Установлено также правило выдачи «очистительных писем» для ссыльных, желающих работать в другой местности.

В конце XVII в. был принят первый в российской истории акт, полностью посвященный вопросам постпенитенциарного контроля, – Царская грамота от 7 июля 1697 г. Верхотурскому воеводе «О ссыльных и праздношатающихся людях» [1, с. 493–495]. Грамота предписывала вести письменный учет и проверку состояния здоровья проходящих через Верхотурье ссыльных, следующих к месту отбывания наказания. Кроме того, актом была предусмотрена сверка списков проходящих через Верхотурье со списками направленных к месту отбывания ссылки в Сибирь из тюрем Москвы и Вологды, поскольку «иные являются на Москве без отпусков и пойманы в воровствах». Царская грамота Верхотурскому воеводе от 6 ноября 1697 г. [1, с. 493–495] также обязывала осуществлять контроль ссыльных, следующих из Сибири через Верхотурье. При выявлении беглых «таких после пытки, обрезав уши, ссылать в те ж места, отколь кто ушел, и сказать, буде опять уйдет, а его изымают, и ему быть, хотя где и не сворует, за один побег казнену смертию, и чтоб однолично всякой ссыльной у того дела был и в том месте жил, где кому и у какого дела быть велено, и бежать бы на старину не мыслил» [1, с. 494].

Нанесение клейм, отрезание ушей, носа, отсечение пальцев, вырывание ноздрей, а также другие членовредительские меры, по мнению Н. Д. Сергеевского, преследовали в тот исторический период

три цели: 1) возмездие в форме материального та- лиона; 2) лишение преступника физической воз- можности совершать новые преступления (отрубание рук, ног, языка); 3) запятнание лихого челове- ка, чтобы он был «повеку признатен», чтобы каждый гражданин и каждый орган власти знал, с кем встречается и с кем имеет дело [10, с. 131–132]. Наложение таких знаков стало первой в россий- ском праве мерой, одновременно служащей огра- ждению общества от совершивших преступления и предупреждению возможности совершения такими лицами новых преступлений.

На протяжении XVIII в. клеймение наряду с другими аналогичными мерами применялось чрез- вычайно активно, хотя во время правления Екате- рины Великой появились призывы к их отмене. Английским тюрьмоведом того времени Дж. Го- вардом была разработана рациональная система мер борьбы с преступностью, которая предпола- гала: 1) отказ от ссылки и введение труда в тюрьмах; 2) придание тюрьмам статуса основного элемента карательной политики государства; 3) отказ от на- казаний, лишаящих арестантов надежды на буду- щее, а вместе с тем подрывающих всякую возмож- ность достигать их исправления [3, с. 490]. В Рос- сию идеи Говарда проникли в первой четверти XIX в. Во многом благодаря трудам английского ученого в 1817 г. императором был создан Коми- тет по отмене наказания кнутом и вырывания ноз- дрей. Этот орган вскоре постановил, что цель на- казания должна заключаться не только в исправле- нии преступников, но и «в извержении оных из среды общества как признанных за нравственно неисправимых» [11, с. 36]. По рекомендации Ко- митета вырывание ноздрей было отменено импе- раторским указом от 25 декабря 1817 г. «О порва- нии ноздрей у преступников» с формулировкой: «Мы отменяем оное, яко бесчеловечным истязани- ем сопровождаемое». В акте также отмечалось, что «рвание ноздрей... было учреждено для того, что- бы при исторжении преступника из среды общест- ва наложить на него неизгладимый знак его пре- ступления и чтобы сия печать отвержения, воз- бранная ему паки возвратиться в общество, лишала его навсегда способов избежать присуж- денного ему законом местопребывания». При ис- ключении данной меры клеймение было сохранено в законодательстве «по европейскому примеру».

Уложение о наказаниях уголовных и исправи- тельных 1845 г. сохраняло клеймение для катор- жан буквами «К», «А» и «Т», а также для беглых ссыльных (буквами «С» и «Б») вплоть до полной отмены этой меры указом от 17 апреля 1863 г. Уложение вместе с тем вводило принципиально новую для России меру постпенитенциарного кон- троля – особый полицейский надзор, устанавли-

ваемый судебными приговорами. В соответствии со ст. 51 и 52 Уложения особый надзор полиции мог быть назначен в отношении освобожденных от отбывания работ в исправительных арестантских ротах (на 4 года) и от заключения в рабочем доме (на 2 года). Содержанием этой меры был запрет пе- ремены места жительства и удаления из места жи- тельства без особого дозволения полиции. Дополни- тельно для освободившихся из арестантских рот предусматривался запрет пребывания иногородним поднадзорным в Москве, Санкт-Петербурге и гу- бернских городах. «Сие, кажется, необходимо, ибо люди, учинившие однажды преступление довольно важное, всегда более или менее подозрительны и легко покушаются на совершение новых» [9, с. 17]. Полицейский надзор мог быть заменен надзором со- ответствующего сельского общества или помещика (при их согласии). «Но дабы, с одной стороны, не об- ременить полиции надзором за людьми, коих число может со временем сделаться значительно, а с дру- гой – сделать сей надзор более действенным, мы по- лагаем в случаях, когда помещик или общество, коим сии лица до осуждения принадлежали, согласятся принять их, возложить на общества или помещиков в обязанность иметь за ними надзор» [9, с. 18].

Советская пенологическая концепция 1920-х годов не предусмотрела места для постпенитенци- арного контроля. Наказание стало рассматриваться как мера социальной защиты, а тюрьмы как инсти- туты наполнились другим идеологическим содер- жанием. Это была в некотором роде идеализация новой тюрьмы, отразившаяся в ожидании ее высо- кой эффективности, особенно в сравнении с цар- ской тюрьмой. Ровно по этой же причине Совет- ское государство отменило и применявшийся в Российской империи полицейский надзор. С. В. Познышев писал о несостоятельности данно- го вида надзора, объясняя ее в том числе тем, что «из пенитенциарных учреждений должны выпус- каться лица, для которых не требуется никакого надзора, чтобы удерживать их от преступлений» [8, с. 259]. В период с 1918 по 1960 год ни одна из существовавших до революции мер постпенитен- циарного контроля (контроль за условно-досрочно освобожденными, полицейский надзор и патронат) в Советской России не применялась.

Периодом возвращения в советское право тради- ционных форм и мер постпенитенциарного контроля стали 1960-е годы. О. В. Филимонов и В. И. Гороб- цов видят в этом свидетельство завершения ста- линской эпохи [4, с. 12; 12, с. 74]. Конец 1950-х годов также отмечен резким ростом рецидивных преступлений в связи с освобождением огромного количества осужденных. Данное обстоятельство обусловило всплеск научного интереса к разрабо- тке мер противодействия рецидивной преступности

и стало социальной причиной необходимости возвращения традиционного постпенитенциарного контроля в советское право.

УК РСФСР 1960 г. возвратил в законодательство постпенитенциарный контроль за условно-досрочно освобожденными. В 1964 г. была введена новая мера – условное освобождение из мест лишения свободы для работы на строительстве предприятий народного хозяйства. Эта мера была отголоском испытательной системы ссылки, использовавшейся для строительства новых поселений в XVIII–XIX вв. Однако освобождение для работы на стройках предприятий народного хозяйства имело иное содержание. В английском праве ссылка с привлечением к труду носила выраженный характер кары; применявшаяся в СССР мера хотя и была связана с наказанием, все же являлась по своей сути поощрительной и решала, как минимум, две социально-экономические проблемы: трудоустройство бывших осужденных и строительство объектов народного хозяйства. В то же десятилетие был, наконец, возвращен и полицейский надзор, но уже в виде административного надзора. В советском праве появился и аналог патронатов – наблюдательные комиссии. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 сентября 1965 г. было утверждено Положение о наблюдательных комиссиях при исполнительных комитетах районных, городских советов депутатов трудящихся РСФСР. Документ ввел широкие полномочия местных органов власти по контролю за деятельностью исправительно-трудовых учреждений, а также учредил общественное наблюдение за освободившимися из мест лишения свободы. Последнее десятилетие XX в. стало очередным периодом забвения мер постпенитенциарного контроля в российском праве, однако осознание необходимости контроля за освобожденными от отбывания наказания вскоре привело к восстановлению в течение 2009–2011 гг. практически всех ранее существовавших мер контроля.

Система постпенитенциарного контроля в своем развитии не теряет связи с лишением свободы, однако генезис данного вида контроля непосредственно сказывается на тенденциях его развития. Главный вектор развития контроля за освобожденными от отбывания наказания – усиление общественной составляющей (общественного интереса). Например, в государствах англо-саксонской правовой системы был учрежден в последние двадцать лет особый вид общественно-государственного постпенитенциарного контроля – специальная регистрация лиц, совершивших половые преступления. Парадокс этой системы заключается в полном стирании границ общественного интереса с частной жизни осужденного. Например,

любой желающий может зайти на сайт информационной системы памяти Дрю Седин (<https://www.nsopw.gov/ru/Search/Verification>) и провести поиск осужденных за половые преступления, проживающих по определенному адресу либо в заданном радиусе от выбранной точки на карте. Возможно, в ближайшем будущем общественное мнение в России будет давить на законодателя и приведет к учреждению похожей системы.

В ряде штатов США открытые информационные регистры о судимых лицах не ограничиваются осужденными за половые преступления, а включают в себя сведения обо всех категориях осужденных и не ограничиваются половыми. В американском штате Мичиган на основе опыта опубликования сведений о лицах, совершивших половые преступления, была введена обязательная регистрация осужденных к лишению свободы всех категорий с предоставлением любому желающему права получать информацию о таком лице (Информационная система отслеживания правонарушителей – OTIS). В размещенные в открытом доступе в Интернете регистры включаются имя и фамилия осужденного, его возраст, рост, данные о предыдущих судимостях и месте жительства. Такие же системы созданы в штатах Огайо, Индиана, Канзас. Обязательная регистрация всех осужденных к лишению свободы имеет как сторонников, так и противников. С одной стороны, лицо осуждается за общественно опасные деяния, следовательно, общество имеет право знать, кого и за что осудили. Кроме того, человек, зная о криминальном прошлом включенного в реестры лица, сможет самостоятельно оценить степень риска общения с ним. Практика знает множество примеров, когда информация о предыдущем противоправном поведении могла бы способствовать предотвращению новых общественно опасных деяний. С другой стороны, полный доступ к сведениям подобного рода имеет и негативный аспект. Информирование, безусловно, затруднит социальную адаптацию бывших осужденных, в особенности нежелающих продолжать противоправную деятельность. Отрицательные последствия обязательной регистрации могут проявиться не только в излишней стигматизации, но и в возможной мести со стороны потерпевших и других лиц. Сообщая обществу о криминальном прошлом лица, государство должно принимать социальные, организационные и правовые меры по обеспечению безопасности включенных в реестр. Фактически начавшееся в США шествие по миру нового вида постпенитенциарного контроля демонстрирует нам возвращение в правовую практику клеймения, но уже в новом виде – клеймение информацией.

Список литературы

1. Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. СПб., 1842. Т. 5 (1676–1700). 539 с.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедициею Императорской академии наук. СПб., 1836. Т. 3 (1615–1645). 496 с.
3. Гогель С. К. Вопросы уголовного права, процесса и тюремоведения : собр. исслед. СПб., 1906. 646 с.
4. Горобцов В. И. Теоретические проблемы реализации мер постпенитенциарного воздействия : монография. Орел, 1995. 160 с.
5. Карамзин Н. М. Примечания к истории государства Российского. СПб., 1852. Т. IV–VI. 756 с.
6. Ковалевский М. М. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. Опыт в области сравнительной этнографии и истории права. СПб., 1911. 312 с.
7. О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Котошихина. СПб., 1884. 196 с.
8. Познышев С. В. Основы пенитенциарной науки. М., 1923. 343 с.
9. Проект Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, внесенный в 1844 году в Государственный совет, с подробным означением оснований каждого из внесенных в сей проект постановлений. СПб., 1871. 835 с.
10. Сергеевский Н. Д. Наказания в русском праве XVII века. СПб., 1887. 300 с.
11. Солодкин И. И. Очерки по истории русского уголовного права (первая четверть XIX века). Л., 1961. 170 с.
12. Филимонов О. В. Постпенитенциарный контроль: теоретические основы правового регулирования. Томск, 1991. 201 с.
13. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1895. Т. XV. 478 с.

DANIL NAZIPOVICH SERGEEV,

lecturer, criminal law department

(The Ural state law university),

e-mail: dnse@mail.ru

HISTORY OF POST-PENITENTIARY CONTROL: FROM HUMAN BRANDING TO INFORMATIONAL STIGMATIZATION

Abstract: the article discusses the history of post-penitentiary control in Russia since the early medieval period. It is proved that the genesis of post-penitentiary control goes back to the ancient practice of applying special maims and marks indicating a special criminal status of their holders. It is proved that the abolition of branding has given new impetus to the development of post-penitentiary control: police supervision, patronages system. It is noted that the changing of penological concepts in the Soviet Russia led to a de facto abolition of all controls at the post-penitentiary stage by the 1960s. The last decade of the XX century became another period of neglect of post-penitentiary control. Increase in crimes during that period resulted in the recognition of the need for re-establishing post-penitentiary control.

Key words: post-penitentiary supervision, human branding, maiming criminals, supervision over convicted persons.

References

1. Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye arkhеоgraficheskoyu komissieyu [Historic Acts, collected and published by the Archeological Commission]. St. Petersburg, 1842. Vol. 5 (1676–1700). 539 p.
2. Akty sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiyskoy Imperii arkhеоgraficheskoyu ekspeditsieyu Imperatorskoy akademii nauk [Acts collected at libraries and archives of the Russian Empire by the Archeological expedition of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg, 1836. Vol. 3 (1615–1645). 496 p.
3. Gogel' S. K. Voprosy ugolovnogo prava, protsessa i tyur'movedeniya: sobranie issledovaniy [The questions of criminal law, process and penitentiary: collected research]. St. Petersburg, 1906. 646 p.
4. Gorobtsov V. I. Teoreticheskie problemy realizatsii mer postpenitentsiarnogo vozdeystviya [Theoretical problems of implementing measures of post-penitentiary impact]. OreI, 1995. 160 p.

5. Karamzin N. M. Primechaniya k istorii Gosudarstva Rossiyskogo [Notes to the history of Russia]. St. Petersburg, 1852. Vol. IV–VI. 756 p.
6. Kovalevskiy M. M. Rodovoy byt v nastoyashchem, nedavnem i otdalennom proshlom. Opyt v oblasti sravnitel'noy etnografii i istorii prava [Tribal life in the present, recent and distant past. Experience in the field of comparative ethnography and history of law]. St. Petersburg, 1911. 312 p.
7. O Rossii v tsarstvovanie Alekseya Mikhaylovicha. Sovremennoe sochinenie Grigoriya Kotoshikhina [Russia during the reign of Alexei Mikhailovich. Modern composition by Gregory Kotoshikhin]. St. Petersburg, 1884. 196 p.
8. Poznyshev S. V. Osnovy penitentsiarnoy nauki [Fundamentals of penitentiary science]. Moscow, 1923. 343 p.
9. Proekt Ulozheniya o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh, vnesenny v 1844 godu v Gosudarstvennyy Sovet, s podrobnym oznacheniem osnovaniy kazhdogo iz vnesennykh v sey proekt postanovleniy [The project of the Penal and Correctional Code, introduced in 1844 by the State Council, with detailed explanation of all amended laws]. St. Petersburg, 1871. 835 p.
10. Sergeevskiy N. D. Nakazaniya v russkom prave XVII veka [Punishments in Russian Law of the XVII century]. St. Petersburg, 1887. 300 p.
11. Solodkin I. I. Ocherki po istorii russkogo ugovolnogo prava (pervaya chetvert' XIX veka) [Essays on the history of Russian criminal law (the first quarter of the XIX century)]. Leningrad, 1961. 170 p.
12. Filimonov O. V. Postpenitentsiarnyy kontrol': teoreticheskie osnovy pravovogo regulirovaniya [Post-penitentiary control: the theoretical foundations of legal regulation]. Tomsk, 1991. 201 p.
13. Entsiklopedicheskiy slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona [Brockhaus and Efron Collegiate Dictionary]. St. Petersburg, 1895. Vol. XV. 478 p.

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ БАРАБАНОВ,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
профессор кафедры организации оперативно-розыскной деятельности
(Академия ФСИН России),
e-mail: kafedraord@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИИ КООРДИНАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО НЕДОПУЩЕНИЮ ОСЛОЖНЕНИЙ ОПЕРАТИВНОЙ ОБСТАНОВКИ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ И СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРАХ

Реферат: в статье изложен теоретический аспект реализации функции координации деятельности оперативных подразделений по недопущению осложнений оперативной обстановки в исправительных учреждениях и следственных изоляторах, раскрыт организационный и психологический механизм данного процесса; дана развернутая характеристика оперативной обстановки в исправительных учреждениях и следственных изоляторах, субъектов управления, координирующих деятельность оперативных подразделений. Отмечается, что на состояние оперативной обстановки негативно влияет противодействие уголовной среды, а также противоправные действия криминальных «авторитетов». В оценке оперативной обстановки важное значение имеет учет обстоятельств совершенных преступлений, характера межличностных конфликтов, эффективности деятельности по предупреждению поступления в исправительные учреждения и следственные изоляторы запрещенных предметов (деньги, спиртные напитки, наркотические средства и психотропные вещества). Предложена система информационного и ресурсного обеспечения предупредительной деятельности персонала исправительных учреждений и следственных изоляторов.

Ключевые слова: оперативная обстановка, координация, субъекты координации, исправительное учреждение, следственный изолятор, преступление, запрещенные предметы, информационное обеспечение.

Субъекты координации деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы (УИС) являются организаторами обеспечения оперативного слежения за складывающейся оперативной обстановкой в исправительных учреждениях (ИУ). Оперативные подразделения исправительных учреждений и следственных изоляторов (СИЗО), реализуя оперативно-розыскные меры, имеют профессиональные возможности выявления криминогенных процессов в среде осужденных, которые могут привести к осложнению оперативной обстановки. Анализ и оценка оперативной обстановки оперативными подразделениями ИУ и СИЗО, субъектами управления, координирующими их деятельность, осуществляются в целях принятия мер по недопущению противоправного поведения содержащихся в них лиц, чрезвычайных обстоятельств (побеги, захваты заложников, массовые беспорядки, нападения на сотрудников).

Оперативная обстановка в указанных учреждениях – это система взаимосвязанных элементов, которые должны подвергаться исследованию в процессе проведения оперативно-розыскных ме-

роприятий, реализации функций деятельности сотрудниками других структурных подразделений, анализироваться с целью получения объективных выводов, предоставления их субъектам управления для принятия управленческих решений по недопущению осложнения оперативной обстановки. Оперативная обстановка, на наш взгляд, представляет собой совокупность внутренних и внешних условий, оказывающих положительное или отрицательное влияние на исполнение наказания. Анализ и оценка оперативной обстановки невозможны без системного подхода, предполагающего изучение всех компонентов УИС, которыми являются ИУ и СИЗО, содержащиеся в них осужденные, подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений. Кроме того, с психологической точки зрения перечисленные категории лиц, содержащихся в указанных учреждениях, должны быть классифицированы по возрасту, количеству судимостей, преступлениям, за совершение которых они осуждены. В масштабе отдельного объекта (ИУ, СИЗО) оперативные работники во взаимодействии с сотрудниками других структурных подразделений для анализа и оценки оперативной обстановки

должны исследовать неформальную структуру среды осужденных, подозреваемых и обвиняемых внутри. Анализ и оценку оперативной обстановки необходимо осуществлять по показателям, которые выступают в качестве основополагающих для характеристики степени криминогенности ИУ, СИЗО, определения уровня нестабильности оперативной обстановки и ее возможных осложнений.

Различные состояния оперативной обстановки, интенсивность ее изменений зависят от вида ИУ (воспитательная колония, исправительная колония общего, строгого, особого режимов, лечебное исправительное учреждение), конкретного СИЗО. Криминологическая характеристика осужденных в перечисленных исправительных учреждениях различная, и соответственно различна в них криминогенная и психологическая напряженность. На оперативную обстановку в ИУ, СИЗО влияет и среда его функционирования. Уровень влияния среды их функционирования зависит от места их дислокации (в границах города, поселка, области, в отдаленных от населенных пунктов районах). Это обуславливает различные (максимальные и минимальные) возможности осужденных, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений устанавливать не контролируемые администрацией каналы связи за пределами этих учреждений, а также оказывать негативное влияние на процесс уголовно-исполнительной деятельности и состояние оперативной обстановки криминалитетом, находящимся вне мест лишения свободы. Эффективность деятельности ИУ невозможна без исследования закономерностей процессов, факторов, обуславливающих состояние оперативной обстановки в них. Исследования динамики оперативной обстановки, ее анализ и прогноз развития призваны обеспечить устойчивое функционирование ИУ.

В процессе анализа и оценки оперативной обстановки важное значение имеет сравнение реальной возможности ИУ, СИЗО содержать определенное количество осужденных, подозреваемых, обвиняемых, их наполнение сверх установленного лимита. Помещение указанных лиц сверх имеющегося лимита наполнения создает для них дискомфорт в коммунально-бытовом обеспечении, чрезмерную скученность в помещениях отрядов, камерах и необеспеченность трудом. Психологическая установка осужденных, подозреваемых, обвиняемых на выживание приводит к нарушениям установленного порядка содержания, стремлению приобрести запрещенные предметы, особенно деньги, наркотики и спиртные напитки. В таких дискомфортных условиях возникают межличностные конфликты, совершаются преступления. Нестабильность оперативной обстановки зависит от необеспеченности осужденных профессиональным трудом.

Отсутствие для них производственной базы является криминогенным фактором, обуславливающим негативные процессы в среде осужденных: азартные игры, долговые зависимости, конфликты, совершение преступлений.

Сотрудники оперативных подразделений ИУ и СИЗО должны непрерывно контролировать ситуацию относительно изменения криминогенной характеристики осужденных, подозреваемых, обвиняемых, которая негативно влияет на состояние оперативной обстановки. В связи с этим Н. И. Брезгин делает вывод о том, что изучение деятельности структурных подразделений по нормализации оперативной обстановки позволяет выявить широкий круг управленческих проблем теоретического и практического плана, требующих своевременного решения. В сложной оперативной обстановке сотрудники нередко сталкиваются с необходимостью оперативно устранять нетипичные конфликтные ситуации, влекущие за собой психологические срывы и тяжелые последствия [1, с. 3–4]. Именно поэтому субъекты координации деятельности оперативных подразделений в целях объективной оценки оперативной обстановки обязаны анализировать уголовно-правовую характеристику осужденных, подозреваемых, обвиняемых, которые могут совершить противоправные деяния: неоднократно судимых; осужденных при особо опасном рецидиве; совершивших убийство, а также умышленное причинение тяжкого вреда здоровью; истязания; похищение человека; изнасилование; насильственные действия сексуального характера; грабежи; разбои; вымогательство; террористический акт; захват заложников; участвующих в организации преступного сообщества (преступной организации); массовых беспорядков; незаконном изготовлении оружия; совершивших преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ; посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов; дезорганизацию нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества; преступления в составе преступных групп; состоящих на профилактическом учете как склонные к нарушению установленного порядка отбывания наказания, совершению преступлений, относящихся к группам криминальной ориентации, имеющих отклонения в психике.

Субъекты управления оперативными подразделениями УИС должны координировать их деятельность по нейтрализации исторически сложившегося криминогенного и криминального уклада жизни в условиях мест изоляции от общества осужденных, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. Высокий уровень криминогенной напряженности в ИУ и СИЗО обусловлен

сохранением в них традиций и обычаев, существующих в наиболее криминализованных группировках осужденных, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, их окружении, негативно влияющих на нравственную деформацию личности, нейтрализующих воспитательные основы уголовно-исполнительного процесса.

Не снижается криминогенная и криминальная активность криминальных «авторитетов», которые направляют свои усилия на консолидацию противоправной деятельности, психологическое воздействие на осужденных, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений с целью совершения ими противоправных деяний, создания конфликтных ситуаций с себе подобными, сотрудниками, провокационных действий, приводящих к межличностным конфликтам, совершению преступлений. Криминальные «авторитеты», «воры в законе» распространяют «воровские» традиции, осложняют оперативную обстановку в ИУ и СИЗО. Необходимо отметить, что количество содержащихся в учреждениях УИС лиц особой криминальной направленности, создающих риск их небезопасного функционирования, неуклонно растет.

Проведенными нами исследованиями состояния криминогенной обстановки в ИУ и СИЗО установлена тенденция противодействия содержащихся в них лиц во взаимодействии с «ворами в законе», лидерами уголовно-преступной среды, находящимися на свободе, законным требованиям сотрудников. Они принимают меры, направленные на консолидацию криминогенной и криминальной деятельности осужденных, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, инициируют вмешательство общественных организаций и средств массовой информации в деятельность учреждений и органов УИС.

В контексте данной проблемы важно обратить внимание на то, что лидеры криминальных структур предпринимают попытки установления контроля над основной массой осужденных, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, оказания на них психологического воздействия. За ИУ и СИЗО закреплены криминальные «авторитеты», выступающие в роли «смотрящих», проживающих в регионах, где дислоцируются указанные учреждения. Они организуют доставку запрещенных предметов, перечисление на лицевые счета денежных средств, их возврат определенным криминальным лицам, которые по не контролируемым администрацией каналам связи переправляют их в «общаки». Криминальные «авторитеты» оказывают психологическое воздействие на осужденных, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, в том числе применяя меры физического и криминального характера.

Координация деятельности оперативных подразделений УИС должна быть направлена на противодействие криминальным структурам в ИУ и СИЗО. Это требует принятия комплекса оперативно-розыскных мер по нейтрализации внутренних и внешних криминогенных и криминальных процессов, которые создают угрозу безопасности функционирования учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Оперативное слежение за криминогенными и криминальными процессами, фигурантами которых являются криминальные «авторитеты» и лидеры криминальных группировок, «воры в законе», должны быть подвергнуты оперативно-розыскному, психологическому, педагогическому и режимному воздействию. Наши исследования подтверждают, что еще не достигнут требуемый уровень координации субъектами управления оперативными подразделениями УИС по оптимизации межведомственного взаимодействия, разрешения проблем обмена оперативно-розыскной информацией о лидерах уголовно-преступной среды, «ворах в законе», организаторах и участниках криминальных структур. А. П. Слепов обоснованно утверждает, что субкультура является чуть ли не главным источником напряженности во взаимоотношениях лиц, лишенных свободы. Ее стержневым компонентом выступают неформальные нормы, в основном субъектом «теневое» нормотворчества являются группы отрицательной направленности, занимающиеся также толкованием действующих правил и контролирующие их соблюдение. Неформальная система норм вступает в противоречие с официальной, что порождает многочисленные эксцессы насилия [3, с. 67].

При анализе и оценке оперативной обстановки большое значение имеет учет обстоятельств совершения преступлений, нарушений установленного порядка содержания (тенденции «воровских» традиций, криминальной субкультуры, азартных игр, поборов, отказов от выхода на работу, массовое членовредительство, приобретение денег, спиртных напитков, наркотических средств, невыполнение требований сотрудников). Важным также является анализ примененных к осужденным мер дисциплинарного воздействия, причин и условий, способствовавших противоправному поведению осужденных, а также применения специальных средств.

Аналізу необходимо также подвергать межличностные конфликты в среде осужденных, подозреваемых и обвиняемых. Для оценки оперативной обстановки анализ межличностных конфликтов должен проходить непрерывно, охватывать исследование их причинного комплекса. Оценка состояния оперативной обстановки невозможна без исследования причин криминогенных процес-

сов в среде указанных лиц, выявления проблем в организации уголовно-исполнительной деятельности. Проблемы могут относиться к деятельности сотрудников структурных подразделений, а также криминогенному воздействию на деятельность ИУ, СИЗО, среду их функционирования. Предупреждение конфликтов в среде осужденных – основа недопущения осложнений оперативной обстановки, совершения осужденными криминальных деяний.

Мы согласны с научно обоснованными выводами В. Н. Савардуновой и В. И. Старкова о том, что для предупреждения конфликтов в среде подозреваемых, обвиняемых, осужденных важно установить его границы в определенной системе. Внутрисистемные связи осужденных сложны и многообразны. Конфликт между сторонами, входящими в одну систему, может быть более глубоким, обширным или частым, ограниченным [2, с. 43].

Для объективной оценки оперативной обстановки в ИУ, СИЗО имеет значение анализ проблем в организации выявления и перекрытия источников и каналов поступления запрещенных предметов, особенно денег, спиртных напитков, наркотических средств и психотропных веществ. Анализу следует подвергать динамику и структуру совершения осужденными, подозреваемыми, обвиняемыми нарушений установленного порядка содержания, совершения преступлений в состоянии алкогольного и наркотического опьянения. Связывая поступление осужденным запрещенных предметов с осложнением оперативной обстановки, мы пришли к следующим выводам: находящиеся у осужденных в обороте деньги позволяют им реализовать свои криминальные замыслы; их используют в целях приобретения наркотических средств, спиртных напитков, создания «общаков», подкупа сотрудников для получения незаконных льгот, склонения их к совершению незаконных действий, выражающихся в доставке на территорию ИУ, СИЗО запрещенных предметов, установления связей с представителями преступников вне мест лишения свободы.

Эффективность принимаемых мер по профилактике поступления в ИУ запрещенных предметов зависит от умения сотрудников профессионально грамотно оценить условия, в которых происходит их служебная деятельность. Без всестороннего изучения, анализа и оценки всех внутренних и внешних факторов, относящихся к сфере функционирования ИУ, невозможно профессионально точно определить и предвидеть тенденции процессов связей осужденных с преступниками, находящимися на свободе, которые могут доставлять запрещенные предметы, а также способствовать их доставке. Наличие денег у осуж-

денных, подозреваемых и обвиняемых ведет к их участию в азартных играх, долговым зависимостям, криминальным конфликтам с «последствиями». Осужденные, не вернувшие долги, могут быть подвержены сексуальному насилию, совершить побег. Поступающие осужденным спиртные напитки оказывают дезорганизующее, разрушительное воздействие: совершение хулиганских деяний, преступлений против личности, посягательство на честь и достоинство сотрудников, провоцирование массовых беспорядков. Распространение наркомании в ИУ и СИЗО приводит к негативным социально-психологическим последствиям в их среде: конфликтам, преступлениям, обусловленным приобретением, сбытом и употреблением наркотических средств. Потребление осужденными, подозреваемыми и обвиняемыми наркотических средств осложняет оперативную обстановку, негативно влияет на деятельность сотрудников.

Задачами анализа и оценки оперативной обстановки в ИУ и СИЗО являются: изучение среды содержащихся в них лиц, тенденций нарушения установленного порядка содержания, совершения преступлений, а также состояния деятельности структурных подразделений; оценка, моделирование и прогнозирование оперативной обстановки, выработка управленческих решений (информационные, аналитические материалы, приказы, инструкции, планы, расстановка сил и средств, предложения, обращения в вышестоящие субъекты управления).

Основными функциями субъектов координации деятельности оперативных подразделений в сфере анализа и оценки оперативной обстановки являются: накопление, обобщение, изучение, оценка поступающей информации, комплексный анализ и оценка состояния оперативной обстановки, криминологическое исследование процессов в среде осужденных, составление прогнозов изменения оперативной обстановки, создание информационной базы изменения криминогенной ситуации, разработка оптимальных оперативных управленческих решений по недопущению осложнения оперативной обстановки. Методами сбора и анализа информации о состоянии оперативной обстановки являются: статистический, включающий в себя анализ статистики и математический анализ; наблюдение (непосредственное, опосредованное); проведение социологических исследований; изучение документов (нормативные акты, указания, обзоры, материалы проверок, жалобы, заявления, письма, материалы расследований, учеты).

Субъекты координации деятельности оперативных подразделений должны использовать системный подход к исследованию оперативной обстановки в ИУ и СИЗО, который должен предусмат-

ривать соблюдение следующих требований: исследование указанных учреждений по детализированной схеме субъектов уголовно-исполнительной деятельности, объекта исправительного воздействия (среды осужденных, подозреваемых, обвиняемых); изучение роли каждого структурного подразделения; оценка использования профессиональных возможностей в обеспечении правопорядка; исследование процессов, происходящих в среде осужденных, подозреваемых и обвиняемых; составление прогноза развития ситуации, определение факторов, влияющих на нее; выбор методов, определение сил и средств; оптимальность их расстановки по реализации принятых решений относительно сложившейся ситуации и прогноза изменения оперативной обстановки.

Исследуя оперативную обстановку, необходимо иметь в виду, что исправительное учреждение, следственный изолятор – это сложные динамические системы и, несмотря на один и тот же вид режима, каждое учреждение имеет свои особенности, определяемые различными факторами (место дислокации, состав осужденных, исправительная колония, воспитательная колония, тюрьма, лечебное исправительное учреждение, колония-поселение и др.).

Оперативную обстановку необходимо рассматривать как систему, а ее состояние и динамику криминогенной и криминальной ситуации – как подсистему, которая обладает относительной самостоятельностью. Рассматривая понятие оперативной обстановки, следует учитывать ее виды. По критерию полноты условий функционирования ИУ, СИЗО может быть общая и специализированная (частная) оперативная обстановка. Общая оперативная обстановка основывается на совокупности условий, определяющих их деятельность по всем направлениям. Специализированная оперативная обстановка связана с исследованием отдельных блоков оперативной обстановки, функций деятельности структурных подразделений (состояние деятельности по предупреждению поступления запрещенных предметов, побегов, преступлений против личности и др.). По множественному компоненту – исследование оперативной обстановки в масштабе региона, в целом УИС, в исправительных колониях, воспитательных колониях, тюрьмах, исправительных колониях-поселениях, лечебных исправительных учреждениях, следственных изоляторах. По временному признаку – состояние оперативной обстановки за сутки, неделю, декаду, месяц, квартал, полугодие, девять месяцев, год, пять лет. Необходимо обратить внимание на системный подход к исследованию оперативной обстановки в ИУ, что позволяет раскрыть ее структурную характеристику, функциональный механизм, связи между ними и исходя из этого

осуществить объективный анализ и оценку ее состояния, обеспечить целенаправленную координацию функционирования структурных подразделений.

Учитывая сложность решаемых ИУ и СИЗО задач, необходимо констатировать, что целью исследования оперативной обстановки является оценка действительного состояния криминогенной ситуации, преступности, обеспечения структурными подразделениями правопорядка, выявление объективных и субъективных факторов, способствовавших такому состоянию, определение исправительных учреждений со сложной оперативной обстановкой, установление причин ее осложнения, формирование выводов для принятия управленческих решений. При оценке оперативной обстановки все факторы должны быть классифицированы, оценено их влияние на криминогенную ситуацию, приняты такие решения, которые обеспечили бы достижение желаемого результата. Системный подход к исследованию оперативной обстановки позволяет раскрыть ее структурную характеристику, функциональный механизм, связи между ними и исходя из этого осуществить объективный анализ и оценку оперативной обстановки, обеспечить целенаправленную координацию деятельности структурных подразделений.

При оценке оперативной обстановки важное значение имеет выявление тенденций криминальной субкультуры в ИУ и СИЗО, ее криминогенном, криминальном механизме, влиянии на организацию исполнения наказания, содержания под стражей. Криминальная субкультура как социально-психологическое явление негативно влияет на правовые и морально-нравственные основы общества, дезорганизует деятельность правоохранительных органов, особенно учреждений и органов УИС, создает у определенной части населения дискомфорт, правовой нигилизм. Учет тенденций криминальной субкультуры определяет стратегию и тактику организации деятельности администрации по предупреждению осложнений криминогенной обстановки, нарушений установленного порядка отбывания наказания, преступлений, обусловленных межличностными конфликтами в среде осужденных.

Содержание оперативной обстановки обусловлено влиянием внешней и внутренней среды, ее факторов и условий, в которых функционирует учреждение. Нельзя не остановиться на внутренних условиях оперативной обстановки, компонентами которых являются состояние и результаты деятельности структурных подразделений в обеспечении правопорядка, эффективности управления ими, уровень ресурсного обеспечения. Особое значение среди элементов оперативной обстановки, характеризующих ее состояние за определенный период, имеет факти-

ческий объем выполняемой работы исправительным учреждением по укреплению режима, предупреждению криминогенных процессов, совершения преступлений, силы и средства, уровень функционально-организационной структуры, достижение цели исправления осужденных.

В широком смысле под оперативной обстановкой подразумевается совокупность внешних и внутренних условий и обстоятельств (факторов), влияющих на состояние правопорядка (соблюдение установленного порядка отбывания наказания) в учреждениях УИС, определяющих возможности имеющихся сил и средств для обеспечения их эффективного функционирования. Она представляет собой динамическую систему, составляющими которой выступают все внутренние элементы ИУ и СИЗО, среда их функционирования.

Укрепление правопорядка в ИУ, СИЗО не должно рассматриваться как проблема только их деятельности, так как состояние оперативной обстановки определяется факторами, существующими вне ее сферы: проблемы ресурсного обеспечения учреждений субъектами управления УИС, кадрового обеспечения; негативное воздействие на поведение осужденных сложившейся социально-экономической, политической и криминологической ситуации в обществе, регионе.

Оценивая оперативную обстановку, необходимо изучать как состояние деятельности структурных подразделений, так и ее результаты, которые определяются комплексом функций: организационной, исполнительской, аналитической, координации, взаимодействия, принятия управленческих решений, стимулирования. Чем эффективнее деятельность структурных подразделений, тем действеннее их влияние на основной элемент оперативной обстановки – состояние правопорядка. Эффективность управленческой деятельности необходимо рассматривать с точки зрения ее влияния на деятельность структурных подразделений по недопущению осложнений оперативной обстановки. Высокий уровень управления является источником повышения результативности деятельности структурных подразделений по предупреждению нарушений осужденными, подозреваемыми, обвиняемыми установленного порядка содержания, совершения преступлений.

При оценке оперативной обстановки важно учитывать, что факторы внешней среды имеют большую динамику к изменению, чем внутренние, характеризующие ИУ, СИЗО. Однако взаимодействие между внешними и внутренними факторами приводит к нарушению устойчивости их функционирования, а в случае позитивных процессов в среде его функционирования – ее стабильности, поэтому процесс упреждающего координирующе-

го управленческого воздействия должен быть непрерывным. Следовательно, для нормального функционирования ИУ, СИЗО необходима организация такой деятельности, которая обеспечила бы оптимальный уровень противодействия негативному влиянию внешней среды. В противном случае ИУ, СИЗО будут поражены криминогенными процессами, происходящими в среде его функционирования, что приведет к криминальным осложнениям, затруднениям в осуществлении уголовно-исполнительной деятельности.

Для оценки оперативной обстановки важно проводить работу по накоплению, обобщению, изучению и оценке поступающей информации о происходящих процессах, статистических данных и оперативных материалов о результатах деятельности; формировать информационно-аналитические и справочные материалы, рассматриваемые на оперативных совещаниях. Должен быть организован информационный фонд нормативных, информационно-аналитических, методических и справочных материалов Федеральной службы исполнения наказаний, главных управлений, управлений территориальных органов, руководителей учреждений, которые организуют планирование деятельности, принимают участие в осуществлении контроля за сроками представления и качества документов, подготавливаемых к заседаниям и совещаниям, контролируют качество выполнения структурными подразделениями законодательных актов Российской Федерации, решений органов государственной власти, приказов начальника учреждения. Необходима также информация об оценке деятельности за определенный период, сбор и обработка оперативной информации, подготовка информационных материалов, выявление, внедрение положительного опыта.

Ресурсное обеспечение имеет особое значение, является отдельным блоком оперативной обстановки, и в функционально-управленческом отношении оно представляет собой функцию организационного плана. Анализ материальных, финансовых, людских ресурсов (укомплектованность сотрудниками, наличие у них профессиональных качеств), сил, средств, их состояние позволяют руководителю своевременно принимать оптимальные решения по недопущению осложнений оперативной обстановки. При анализе ресурсного обеспечения ИУ, СИЗО определяются: соответствие имеющихся ресурсов штатной и табельной положенности, установленной нормативными актами Министерства юстиции Российской Федерации и Федеральной службы исполнения наказаний; исправность инженерных и технических средств надзора и охраны, степень их изношенности; обеспечение оперативно-техническими средствами, автотранспортом, степень их изношенности; эффек-

тивность использования ресурсов в управленческой, служебно-боевой, производственно-хозяйственной, профилактической деятельности; существующие резервы для повышения эффективности использования ресурсов структурными подразделениями.

Список литературы

1. Брезгин Н. И. Управление исправительными учреждениями со сложной оперативной обстановкой : монография. Псков, 2007. 146 с.
2. Савардунова В. Н., Старков В. И. Межличностные конфликты в среде подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, осужденных, содержащихся в следственных изоляторах (психолого-педагогический, правовой и организационный аспекты) : монография. Рязань, 2011. 136 с.
3. Слепов А. П. Криминологическая характеристика и предупреждение насильственных преступлений в исправительных колониях : монография. Рязань, 2010. 148 с.

NIKOLAJ PETROVICH BARABANOV,
 dsc in law, professor, honored scientist of the higher school
 of the Russian Federation,
 professor of the investigation and search operations department
 (Academy of the FPS of Russia),
 e-mail: kafedraord@mail.ru

ORGANIZATIONAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF IMPLEMENTATION OF FUNCTION OF EXECUTIVE UNIT'S ACTIVITIES FOR PREVENTION OF COMPLICATIONS OF THE OPERATIONAL SITUATION IN CORRECTIONAL FACILITIES AND PRE-TRIAL DETENTION CENTERS

Abstract: in article the theoretical aspect of implementation of function of executive unit's for prevention of complications of the operational situation in correctional facilities and pre-trial detention centers is stated, the organizational and psychological mechanism of this process is explained. The author gives the detailed characteristic of the operational situation in correctional facilities and pre-trial detention centers, of the subjects of management which coordinate activities of executive units. It is noted that the condition of an operational situation is negatively influenced by counteraction of the criminal environment, illegal actions of criminal «authorities». In an assessment of an operational situation accounting of circumstances of the committed crimes, nature of the interpersonal conflicts, efficiency of activities for the prevention to receipt in correctional facilities and pre-trial detention centers of the forbidden objects is important (money, alcoholic drinks, drugs and psychotropic substances). It is offered the system of information and resource ensuring precautionary activities of personnel of correctional facilities and pre-trial detention centers.

Key words: operational situation, coordination, subjects of coordination, correctional facility, pre-trial detention center, crime, the forbidden objects, information support.

References

1. Brezgin N. I. Upravlenie ispravitel'nymi uchrezhdenijami so slozhnoj operativnoj obstanovkoj [Management of correctional facilities with a difficult operational situation]. Pskov, 2007. 146 p.
2. Savardunova V. N., Starkov V. I. Mezhlichnostnye konflikty v srede podozrevaemyh i obvinjaemyh v sovershenii prestuplenij, osuzhdennyh, soderzhashhihsja v sledstvennyh izoljatorah (psihologo-pedagogicheskij, pravovoj i organizacionnyj aspekty) [The interpersonal conflicts in the circle of suspects and the crimes accused of making, the convicts containing in pre-trial detention centers (psychology and pedagogical, legal and organizational aspects)]. Ryazan, 2011. 136 p.
3. Slepov A. P. Kriminologicheskaja harakteristika i preduprezhdenie nasil'stvennyh prestuplenij v ispravitel'nyh kolonijah [The criminological characteristic and the prevention of violent crimes in corrective labor colonies]. Ryazan, 2010. 148 p.

АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ ДОЛИНИН,

кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры управления и организации деятельности УИС
(Академия ФСИН России),
e-mail: aleksander.dolinin@yandex.ru

СУЩНОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОНЯТИЯ «КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ»

Реферат: в статье обосновывается авторская концепция понятия и содержания кадрового потенциала уголовно-исполнительной системы (УИС), основных условий его реализации и развития. Разграничиваются понятия трудового потенциала сотрудника и кадрового потенциала УИС. Трудовой (служебный) потенциал сотрудника УИС – комплексная совокупность деловых, профессиональных и личных качеств сотрудника, определяющих его способность эффективно решать служебные задачи.

Кадровый потенциал рассматривается в качестве основного ресурса и ключевого фактора, определяющего эффективность деятельности УИС, и является обобщающим показателем эффективности реализации человеческого фактора в учреждениях и органах ФСИН России. Его следует рассматривать как способность кадрового состава эффективно достигать целей УИС за счет полной реализации служебного потенциала сотрудников в рамках существующей организационно-функциональной структуры, выделенной численности персонала и применяемых кадровых технологий.

Структура кадрового потенциала УИС включает в себя совокупность качеств сотрудников, необходимых для служебной деятельности, а также характеристики кадрового состава, результатов и условий его функционирования. В структуре кадрового потенциала УИС также правомерно выделить две составляющие: 1) определяющую существующий уровень развития служебного потенциала сотрудников, 2) характеризующую степень практической реализации качеств и возможностей сотрудников. Для того чтобы в полной мере раскрыть характеристики кадрового потенциала УИС, его следует рассматривать в комплексе с такими составляющими, существенно влияющими на уровень кадрового обеспечения УИС, как адекватная оценка, условия реализации и технологии эффективного использования и развития кадрового потенциала.

Оценка кадрового потенциала УИС должна включать в себя два направления: диагностическое, предполагающее выявление потенциальных возможностей сотрудников, необходимых для выполнения возложенных функций, и аттестационное, позволяющее определить степень реализации персоналом своих профессиональных и личных качеств при выполнении служебных обязанностей.

Важнейшая задача кадровой политики УИС – создать условия для полной реализации сотрудниками своих потенциальных трудовых возможностей за счет применения соответствующих кадровых технологий.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, работа с кадрами, персонал уголовно-исполнительной системы, мотивация, кадровый потенциал, технологии оценки, деловая оценка персонала.

Проблема формирования, развития и рационального использования кадровых ресурсов является одной из наиболее важных для любой организации, государства и общества в целом и составляет основное содержание кадровой политики. С учетом специфики государственного управления кадровые ресурсы государственной службы выступают ключевым фактором эффективной деятельности государственных органов.

Повышение эффективности использования кадровых ресурсов УИС является одним из важнейших факторов ее успешного развития. Данное положение нашло отражение в Государственной программе Российской Федерации «Юстиция», в рамках которой реализуется подпрограмма «Регулирование го-

сударственной политики в сфере исполнения уголовных наказаний». В результате выполнения предусмотренных указанной подпрограммой основных мероприятий «Повышение эффективности управления уголовно-исполнительной системой, использование инновационных разработок и научного потенциала» и «Повышение социального статуса сотрудников уголовно-исполнительной системы, престижа службы в исправительных учреждениях» ожидаются конкретные результаты, связанные с повышением эффективности кадровой составляющей деятельности УИС.

Успешная реализация этих концептуальных положений составляет содержание современной кадровой политики УИС, основной целью которой яв-

ляется формирование и развитие кадрового потенциала. В связи с этим рассмотрим актуальные сущностно-смысловые характеристики понятия «кадровый потенциал УИС», которое до настоящего времени применительно к пенитенциарной практике раскрыто недостаточно полно.

Объектом управления персоналом выступает человеческий фактор организационного развития, который в зависимости от уровня кадровой политики реализуется на социологическом или социально-экономическом уровне (государство, общество и его подструктуры), социально-психологическом (организация, трудовой коллектив) и индивидуально-психологическом (отдельная личность). Соответственно для определения объекта кадровой политики применяются различные понятия: человеческие ресурсы, трудовые ресурсы, рабочая сила, персонал, кадры и др., первое из которых является наиболее широким, последнее – наиболее узким.

Развитие теории стратегического менеджмента привело к формированию концепции управления человеческими ресурсами, согласно которой начиная с 1980-х годов наряду с традиционными терминами стало активно использоваться более объемное понятие – «трудовой потенциал», раскрывающее не только наличные, но и потенциальные возможности человеческого фактора. Трудовой потенциал рассматривается применительно к обществу, организации, трудовому коллективу, отдельному работнику. В настоящее время теоретически проработаны различные аспекты понятия «трудовой потенциал» отдельного работника.

В наиболее общем виде трудовой потенциал человека определяется как совокупность его способностей к трудовой деятельности [1, с. 26]. В структуре трудового потенциала определяют как реализуемые в процессе трудовой деятельности качества, так и потенциальные возможности человека. К основным компонентам трудового потенциала человека относят умственные и физические способности, нравственные, интеллектуальные качества и другие характеристики, применимые к отдельному работнику, трудовому коллективу, организации, региону, стране.

Рассматривая трудовой потенциал организации, уместно использовать понятие кадрового потенциала, поскольку на организационном уровне именно кадры являются основным объектом кадровой политики. При этом необходимо учитывать, что кадровый потенциал организации не является простой суммой трудовых потенциалов ее работников. Особенности каждой личности, социальные связи и отношения, возникающие в процессе коллективной трудовой деятельности в соответствии с законом синергии, способны вызвать эффект, который увеличивает или уменьшает кадровый потенциал орга-

низации. Положительный синергетический эффект обеспечивается наличием в организации эффективной системы управления персоналом [2, с. 68].

Эффективность функционирования системы управления персоналом достигается согласованностью экономических целей организации и социальных целей работников. При этом современная теория и практика управления персоналом исходит из необходимости индивидуального подхода к каждому работнику, поэтому сохранение и развитие кадрового потенциала должно базироваться на совершенствовании природных способностей человека.

Компоненты кадрового потенциала организации включают в себя не только совокупность качеств, присущих трудовому потенциалу работников, но и ряд характеристик всего кадрового состава, поэтому для оценки кадрового потенциала организации необходима комплексная характеристика ее кадровых ресурсов.

Кадровые ресурсы в первую очередь характеризуются численностью персонала, необходимой для достижения организационных целей, и его структурой. Существует нормативная (плановая, а применительно к УИС – штатная) и списочная (фактическая) численность персонала. Нередко используют показатели численности работников по категориям персонала, функциям, видам деятельности и т. п.

Структура персонала предполагает рассмотрение различных категорий персонала, объединенных по каким-либо признакам. Различают статистическую и аналитическую структуру персонала. Статистическая структура персонала характеризует его распределение, движение и занятость по видам деятельности, категориям и группам должностей. Аналитическая структура персонала включает в себя общую и частную. В общей структуре персонал рассматривается по таким признакам, как уровень образования, профессия, квалификация, половозрастные характеристики, стаж работы. Частная структура характеризует отдельные группы работников (например, работники, занятые на вредном производстве) [3, с. 58–63].

Кадровый потенциал необходимо оценивать с количественной и качественной сторон. Количественные характеристики кадрового потенциала – это показатели численности кадров, выработки, использования рабочего времени, производительности труда и др. Качественные характеристики кадрового потенциала предполагают оценку деловых (знания, квалификация, навыки, опыт) и личных качеств (физические и психологические характеристики, интересы, поведение) персонала.

Обоснованно считается, что трудовой потенциал работника не постоянен. В процессе трудовой деятельности он может как увеличиваться, так и уменьшаться. Трудовой потенциал в виде созида-

тельных способностей работника может накапливаться и повышаться в результате получения новых знаний, умений и навыков, улучшения условий труда, укрепления здоровья. Однако эти способности могут снижаться под воздействием как объективных факторов (в случае ужесточения режима работы, ухудшения условий труда и здоровья работника и т. п.), так и под влиянием субъективных факторов, связанных с ухудшением социально-психологического климата в коллективе, принятием неадекватных управленческих решений и т. п. Часто именно субъективные факторы могут существенно повысить или снизить уровень кадрового потенциала. Например, ухудшение социально-психологического климата, отношения к работникам со стороны руководства при неизменной служебной нагрузке приводят к снижению мотивации, уровня дисциплины, текучести кадров и другим негативным последствиям.

На практике потенциальные трудовые возможности конкретного работника и соответственно кадровый потенциал организации не всегда используются в полной мере. В первую очередь это связано с тем, что у многих работников показатели отдельных компонентов трудового потенциала являются высокими, а другие – развиты слабо или проявляются на низком уровне. Например, работник, обладающий высоким квалификационным, психофизиологическим и образовательным потенциалом, имеет низкий уровень творческого, коммуникативного, нравственного потенциала или не проявляет соответствующие качества в трудовой деятельности (например, вследствие низкой мотивации). Противоположная ситуация возникает, когда работник с высоким уровнем мотивации и заинтересованности в труде имеет недостаточную квалификацию и уровень образования.

Таким образом, в структуре кадрового потенциала правомерно выделить две составляющие, первая из которых определяет существующий уровень развития трудового потенциала работников исходя из сложившихся представлений о его компонентах (потенциальные возможности персонала), а вторая характеризует степень практической реализации качеств и возможностей персонала (деятельностная составляющая). В этой структуре первая составляющая является объективной, вторая – субъективной. Важнейшая задача кадровой политики – обеспечить согласование и соответствие этих составляющих кадрового потенциала, то есть создать условия для полной реализации работниками своих потенциальных трудовых возможностей за счет применения соответствующих кадровых технологий.

Специалистами отмечается другая проблема, связанная с неэффективным использованием

кадрового потенциала вследствие его несоответствия потребностям и условиям функционирования организации. Кадровый потенциал может оказаться слишком завышенным (излишним) для конкретных условий деятельности организации, что означает превышение средств, затраченных на подготовку кадров, над полученным за счет их труда экономическим эффектом. Еще одним проявлением экономического ущерба может явиться текучесть кадров, возникающая по причине возрастающей неудовлетворенности высококвалифицированного персонала содержанием работы, отсутствия социально-психологических предпосылок для эффективного высвобождения его трудового потенциала [4, с. 102–103].

Таким образом, управление кадровым потенциалом организации является важнейшим элементом ее кадровой политики и в зависимости от конкретных условий функционирования предполагает реализацию мероприятий, направленных на наращивание и развитие кадрового потенциала, его рациональное использование, высвобождение или замену излишней рабочей силы.

Рассматривая проблематику кадрового обеспечения УИС, следует отметить, что сформированные наукой и практикой управления персоналом представления о структуре, компонентах, проблемах оценки и развития кадрового потенциала в полной мере применимы к практике управления кадрами учреждений и органов ФСИН России.

Изложенное находит отражение и в результатах проведенных исследований кадрового обеспечения УИС. Например, Н. У. Шогенова выделяет в структуре модели профессиональных компетенций сотрудников УИС квалификационные требования, личностные свойства, мотивацию, а также установленные для сотрудников запреты и ограничения, предполагающие учет возрастных показателей [5, с. 28].

Трудовой (служебный) потенциал сотрудника УИС – это комплексная совокупность деловых, профессиональных и личных качеств сотрудника, определяющих его способность эффективно решать служебные задачи.

Кадровый потенциал УИС следует рассматривать как способность кадрового состава эффективно достигать целей УИС за счет полной реализации служебного потенциала сотрудников в рамках существующей организационно-функциональной структуры, выделенной численности персонала и применяемых кадровых технологий.

Кадровый потенциал УИС является обобщающим показателем эффективности реализации человеческого фактора в учреждениях и органах ФСИН России. Правомерно различать кадровый потенциал конкретного учреждения или органа УИС, его структурного подразделения, УИС ре-

гиона, а также кадровый потенциал УИС как федерального государственного органа.

В соответствии с предложенным определением структура кадрового потенциала УИС включает в себя следующие компоненты:

1) совокупность качеств, необходимых для служебной деятельности, присущих служебному потенциалу каждого сотрудника (деловой, профессиональный и личностный потенциал);

2) характеристики кадрового состава, результатов и условий его деятельности (численность и структура персонала, его оперативно-служебные показатели, организационно-штатная и функциональная структура).

Кадровый потенциал УИС нельзя рассматривать без его составляющих, существенно влияющих на уровень кадрового обеспечения. В противном случае характеристики кадрового потенциала не будут раскрыты в полной мере. Этими составляющими являются:

1) адекватная оценка кадрового потенциала, включающая в себя диагностическое и аттестационное направления, способствующая повышению эффективности работы с кадрами, объективности кадровых решений и повышению качества реализации кадровой политики УИС;

2) условия реализации кадрового потенциала, предполагающие разработку оптимальных организационно-штатных структур учреждений и органов УИС и нормативов штатной численности персонала [6, с. 30–34], использование в практике управления персоналом научно обоснованных принципов работы с кадрами, позволяющих создать необходимые условия для реализации каждым сотрудником своих потенциальных возможностей;

3) технологии эффективного использования и развития кадрового потенциала, предусматривающие применение соответствующих кадровых процедур, направленных на оптимизацию структуры, количественных и качественных характеристик кадрового состава и его служебной деятельности (кадровое планирование, подбор, отбор, адаптация, оценка, обучение, продвижение кадров и т. п.).

В параметрах кадрового потенциала УИС можно выделить две составляющие: объективную, включающую в себя основные характеристики персонала (параметры, отражающие способности и степень подготовленности сотрудников к выполнению служебных обязанностей), и субъективную, определяющую качество деятельности персонала (отношение к службе, мотивация, желание трудиться с полной отдачей сил и способностей и т. п.).

Исходя из этого оценка кадрового потенциала УИС должна включать в себя два направления: диагностическое и аттестационное. Аттестационная оценка кадрового потенциала УИС позволяет определить

эффективность реализации персоналом своих профессиональных и личных качеств при выполнении возложенных служебных обязанностей. Диагностическая оценка кадрового потенциала УИС предполагает выявление потенциальных возможностей сотрудников, необходимых для выполнения возложенных функций.

Технологии аттестационной оценки кадрового потенциала УИС (аттестация и иные формы деловой оценки персонала) применяются в практике управления персоналом учреждений и органов ФСИН России и имеют соответствующее нормативное и организационное обеспечение. Вместе с тем в настоящее время в УИС используется достаточно узкий спектр методик и критериев диагностической оценки кадрового потенциала, которая реализуется в основном в ходе проведения комплексных инспекторских проверок учреждений и органов ФСИН России и не имеет должного организационно-правового регулирования. Изложенное обуславливает необходимость теоретической проработки проблем диагностической оценки кадрового потенциала УИС.

На наш взгляд, комплексная (диагностическая и аттестационная) оценка кадрового потенциала УИС позволит определить текущую кадровую ситуацию, выявить кадровые резервы учреждений и органов ФСИН России и разработать мероприятия по их эффективному использованию.

В настоящее время правомерно поставить вопрос об оценке уровня развития кадрового потенциала УИС. Оптимальный уровень развития кадрового потенциала предполагает, что численность и структура кадров соответствует современным потребностям уголовно-исполнительной практики и сложности решаемых УИС задач; уровень квалификации персонала обеспечивает высокое качество и скорейшую реализацию принятых управленческих решений; физические и индивидуально-психологические характеристики персонала соответствуют специфике оперативно-служебной деятельности.

Таким образом, в основе управления персоналом на современном этапе развития УИС должен лежать принцип эффективного использования кадрового потенциала учреждений и органов ФСИН России. При этом модель управления персоналом УИС должна представлять собой совокупность кадровых технологий, применяемых для наиболее эффективного использования личностного потенциала отдельного сотрудника.

Успешная реализация базового принципа современной кадровой политики УИС возможна при соблюдении следующих условий, способствующих развитию кадрового потенциала:

– организационно-штатная и кадровая структура учреждения (органа) УИС должна соответствовать решаемым оперативно-служебным задачам;

– необходимо обеспечить условия для наиболее полной мобилизации кадрового потенциала учреждения (органа) УИС с целью достижения поставленных перед ним задач;

– личностный потенциал отдельного сотрудника и кадровый потенциал учреждения (органа) УИС должен соответствовать объему, характеру, сложности выполняемых функций;

– целесообразно создать условия для всестороннего развития и последующего эффективного использования личностного потенциала отдельного сотрудника;

– следует обеспечить постоянное профессионально-квалификационное развитие сотрудников, их служебное продвижение, расширение знаний, умений и навыков.

Список литературы

1. Бухалков М. И. Управление персоналом : учеб. для вузов. 2-е изд. М., 2012. 400 с.
2. Управление персоналом : учебник. 2-е изд., доп. и перераб. / под ред. А. И. Турчинова. М., 2008. 608 с.
3. Управление персоналом организации : учебник / под ред. А. Я. Кибанова. 4-е изд., доп. и перераб. М., 2013. 695 с.
4. Маслов Е. В. Управление персоналом предприятия : учеб. пособие. М., 2003. 312 с.
5. Шогенова Н. У. Организационно-правовой механизм создания и внедрения моделей профессиональных компетенций сотрудников уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2013. № 1. С. 27–30.
6. Долинин А. Ю. Теоретико-прикладные аспекты определения штатной численности сотрудников уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 2. С. 30–34.

ALEXANDER YURYEVICH DOLININ,

phd in law, associate professor,
head, management and organization of penal system department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: aleksander.dolinin@yandex.ru

THE ESSENTIAL SEMANTIC CHARACTERISTICS OF THE CONCEPT THE PERSONNEL CAPACITY OF THE PENAL SYSTEM

Abstract: the article explains the author's point of view concerning the conception and matters of human resource capacity within the penal system, the basic conditions for its implementation and development.

The author delineates the concept of labor potential of the employee and human capacity of the correctional system. There is a consideration regarding potential labor (service) employee of the penal system resolves into a comprehensive set of business, professional and personal qualities of the employee, determining its ability to deal effectively with official tasks.

Basic human resources are the key factor determining the effectiveness of the penal system, and general efficiency indication as the main implementation agent of the human factor in the institutions and detachments using in the Russian FPS system. It should be regard as a basis in reaching the penal system goals more efficiently in the high light of the full implementation of the service staff capacity within the existing organizational and functional structure, dedicated personnel functioning and technologies of personnel employment.

The human resources structure within the penal system includes a set of qualities required of employees for the performance, as well as the staff of the characteristics, performance and conditions of its functioning. The structure of the penal system human resource includes the following two components: 1) determination of the existing developmental level of the employees 2) designation of practical implementation skills and opportunities of the employees and their professional degree.

Personnel potential assessment of the penal system must include two areas: diagnostic, aimed at identifying the potential of employees necessary for implementation of assigned functions, and evaluation to determine the degree of personnel implementation and professional and personal qualities in the performance of official duties.

The most important task of the personnel policy of the penal system is creation of the conditions for full implementation of the staff of their potential labor opportunities through the application of appropriate technology personnel.

Key words: penitentiary system, work with the staff, penitentiary system staff, motivation, staff potential, assessment technology, business estimation staff.

References

1. Buhalkov M. I. Upravlenie personalom [Personnel management]. Moscow, 2012. 400 p.
2. Turchinov A. I. Upravlenie personalom [Personnel management]. Moscow, 2008. 608 p.
3. Kibanov A. Ja. Upravlenie personalom organizacii [Personnel management of the organization]. Moscow, 2013. 695 p.
4. Maslov E. V. Upravlenie personalom predpriyatija [Personnel management of the enterprise]. Moscow, 2003. 312 p.
5. Shogenova N. U., Organizacionno-pravovoj mehanizm sozdaniya i vnedreniya modelej professional'nyh kompetencij sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy [Organizational and legal mechanisms of creation and implementation of models of professional competences of penal staff]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2013, no. 1, pp. 27–30.
6. Dolinin A. Ju. Teoretiko-prikladnye aspekty opredelenija shtatnoj chislennosti sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy [Theoretical and applied aspects of determining the staff number of the penal system]. Ugolovnoispolnitel'noe pravo – Penal law, 2015, no. 2, pp. 30–34.

НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА ЦЫМБАЛЮК,
старший преподаватель-методист группы контроля
и управления качеством подготовки специалистов
(Академия ФСИН России),
e-mail: nataltsymb@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ В СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Реферат: статья посвящена сравнительному анализу зарубежного законодательства на предмет определения близости или, наоборот, различия законодательно установленных в разных странах места и роли прокуратуры в деятельности национальных пенитенциарных систем.

В качестве основополагающих объектов для изучения выделяется ряд ключевых правовых актов, регламентирующих деятельность прокуратуры в отдельных странах постсоветского пространства и России.

По каждому из рассмотренных в статье законов приводится анализ количества содержащихся в них структурно-компоновочных элементов из общепринятой нормативно-правовой структуры законодательных актов [раздел – глава – статья – часть – пункт (параграф)], которые в том или ином отношении регламентируют взаимодействие прокуратуры с пенитенциарной системой.

Особое внимание уделяется анализу зарубежного законодательства о компетенции и полномочиях прокуратуры в сфере надзора за деятельностью органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания, относительно стран – участниц СНГ, так как большинство бывших республик СССР не имели объективных оснований, чтобы радикальным образом отойти от организационно-правовых основ действовавшего на протяжении многих десятилетий Закона СССР «О прокуратуре СССР». Кроме того, отмечается, что для определенных в рамках исследования стран – участниц СНГ имеет место общность принципов законодательного установления положений о компетенции и полномочиях прокуратуры в сфере исполнения уголовных наказаний, так же как и для стран второй группы (включающей в себя страны Балтии и Восточной Европы). При межгрупповом сравнении очевидной становится существенная разница в формально отображенной степени сопричастности прокуратур упомянутых в статье государств к национальным пенитенциарным практикам.

На основании проведенного исследования делается вывод о том, что вмененные прокуратуре объектно-содержательные функции в странах первой выделенной автором группы шире и разнообразней по сравнению со странами второй группы. В первой группе государств прокуратура на законодательном уровне представлена как один из главных субъектов правового регулирования уголовно-исполнительных правоотношений, обладающий существенно большими компетенцией и полномочиями в сфере надзора за соблюдением законности в деятельности национальных пенитенциарных систем.

Ключевые слова: прокурорский надзор, исполнение уголовных наказаний, зарубежное законодательство, надзор за деятельностью органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания.

Одним из важных показателей общественного развития являются социально-демографическая широта и содержательно-правовая глубина демократических преобразований в обществе. В этом отношении не стал исключением и такой аспект жизнедеятельности общества, как процесс исполнения назначенных судом уголовных наказаний.

Если следовать парадигме о том, что «демократизация отражает степень народного участия в процессах формирования и функционирования властных структур государства и местного самоуправления...» [3, с. 54], то нельзя не говорить о правоотноше-

ниях между гражданином и государством вообще и о системе уголовно-исполнительных правоотношений в частности. При этом особый интерес вызывают отдельные элементы структуры уголовно-исполнительных отношений, играющие в настоящее время далеко не одинаковую роль в различных государствах.

Российское уголовно-исполнительное право в качестве отдельной группы элементов структуры уголовно-исполнительных отношений выделяет субъектов и иных участников правоотношений [6, с. 33], где прокуратуре отводится роль одного из государственных институтов, обладающих наиболее силь-

ными властными полномочиями по осуществлению надзора за законностью исполнения уголовных наказаний. Место и роль прокуратуры в формировании организационно-правового обеспечения функционирования уголовно-исполнительной системы России нами ранее подробно рассматривались [7, с. 116]. В связи с этим правомерным представляется вопрос: насколько близки друг другу или далеки друг от друга законодательно установленные в разных странах место и роль прокуратуры в деятельности национальных пенитенциарных систем?

Наиболее простым способом исследования указанной проблемы и, скорее всего, ответом на поставленный вопрос в самой общей форме является традиционный фактографический анализ соответствующего зарубежного законодательства с констатацией в любой форме фактов регламентации этим законодательством функций, целей и задач, а также видов деятельности прокуратуры, имеющих непосредственное отношение к процессу исполнения уголовных наказаний в том или ином государстве. При этом, по нашему мнению, для обеспечения адекватности сравнения рассматриваемые страны должны иметь современное государственно-политическое устройство и не должны относиться к категории отсталых в социально-экономическом отношении государств.

В качестве примера отметим особенности структурирования Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», который отличается логикой построения и информативностью своих составных частей, характеризующих уголовно-исполнительную систему как объект надзорной деятельности. В первую очередь Закон указывает, что исполнение законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и применяющих назначаемые судом меры принудительного характера, а также администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу, является отдельным предметом надзорной деятельности (абз. 6 п. 2 ст. 1 разд. I «Общие положения»); затем в рамках отдельной гл. 4 раскрываются основополагающие элементы механизма осуществления надзора: ст. 32 «Предмет надзора» (состоит из одного пункта), ст. 33 «Полномочия прокурора» (состоит из двух пунктов) и ст. 34 «Обязательность исполнения постановлений и требований прокурора» (состоит из одного пункта). Данный пример отражает рассматриваемый ниже чаще всего используемый в мире принцип структурирования законодательных актов.

Представляет интерес также анализ зарубежного законодательства о компетенции и полномочиях прокуратуры в сфере надзора за деятельностью органов и учреждений, исполняющих уголовные

наказания, относительно государств – участников СНГ, поскольку большинство бывших республик СССР не имели объективных оснований, чтобы радикальным образом отойти от организационно-правовых основ действовавшего на протяжении многих десятилетий Закона СССР «О прокуратуре СССР».

Рассмотрим Закон Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-3 «О прокуратуре Республики Беларусь» В п. 1 ст. 4 гл. I «Общие положения» приводится одно из направлений деятельности прокуратуры: «...надзор за соблюдением законодательства при исполнении наказания и иных мер уголовной ответственности, а также мер принудительного характера».

В виде отдельного структурного элемента приведена гл. 8 «Надзор за соблюдением законодательства при исполнении наказания и иных мер уголовной ответственности, а также мер принудительного характера», содержащая ст. 34 «Предмет надзора за соблюдением законодательства при исполнении наказания и иных мер уголовной ответственности, а также мер принудительного характера» (состоит из одного пункта) и ст. 35 «Полномочия прокурора при осуществлении надзора за соблюдением законодательства при исполнении наказания и иных мер уголовной ответственности, а также мер принудительного характера» (состоит из трех пунктов).

Нетрудно сделать вывод о том, что с точки зрения вмененных функций и предоставленных полномочий российская и белорусская прокуратуры в сфере надзора за деятельностью органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания, законодательно позиционированы аналогичным образом.

В Законе Республики Армения от 29 марта 2007 г. № ЗР-126 «О прокуратуре» в ст. 4 «Полномочия прокуратуры» обнаруживаем: «...прокуратура в предусмотренных законом случаях и порядке... осуществляет надзор за законностью применения наказаний и иных мер принуждения». В ст. 29 «Надзор за законностью применения наказаний и иных мер принуждения» подробно излагается механизм осуществления надзорной деятельности в указанном направлении.

Обратимся к Закону Украины от 14 октября 2014 г. № 1697-VII «О прокуратуре». В ст. 2 Закона отдельным пунктом приведена одна из функций прокуратуры: надзор за соблюдением законов при исполнении судебных решений по уголовным делам, а также при применении других мер принудительного характера, связанных с ограничением личной свободы граждан.

Отдельным организационно-правовым блоком приводится ст. 26 «Надзор за соблюдением законов при исполнении судебных решений по уголовным делам, а также при применении других мер принудительного характера, связанных с ограничением личной свободы граждан», состоящая из

4 статей, раскрывающих полномочия и обязанности прокурора и закрепляющих обязательность исполнения письменных указаний прокурора.

В Законе Республики Казахстан от 21 декабря 1995 г. № 2709 «О прокуратуре» в ст. 4 «Основные направления и содержание деятельности прокуратуры» указано, что прокуратура в том числе «осуществляет надзор за законностью исполнительного производства» Изложению конкретных составляющих исполнительного производства (лишение свободы и иные меры принудительного характера, назначаемые судом) посвящена гл. 9 «Надзор за законностью исполнительного производства», состоящая из ст. 43 «Содержание и предмет надзора» и ст. 44 «Полномочия прокурора по обеспечению законности исполнительного производства».

Аналогичным образом структурирован Закон Республики Узбекистан «О прокуратуре»: ст. 4 Закона определяет одним из основных такое направление деятельности органов прокуратуры, как надзор за соблюдением законов в местах содержания задержанных, заключенных под стражу, при исполнении уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия. В развернутом виде особенностям осуществления таких надзорных функций посвящена гл. 4, состоящая из ст. 30 «Предмет надзора», ст. 31 «Полномочия прокуратуры» и ст. 32 «Обязанности прокурора по обеспечению права на обращение с жалобами и заявлениями».

По каждому из рассмотренных законов приводится количество содержащихся в них структурно-компоновочных элементов из общепринятой нормативно-правовой структурологии законодательных актов [раздел – глава – статья – часть – пункт (параграф)], которые в том или ином отношении регламентируют взаимодействие прокуратуры с пенитенциарной системой.

Проведенное даже с формальных позиций сопоставление структурно-нормативного наполнения ряда законодательных актов убедительно демонстрирует положение о том, что для государств – участников СНГ имеет место общность принципов законодательного установления положений о компетенции и полномочиях прокуратуры в сфере исполнения уголовных наказаний. Этот факт подтверждают и результаты ряда аналогичных исследований. Например, В. А. Жабский утверждает, что «образование новых межгосударственных объединений (Содружество Независимых Государств и др.)... актуализирует проблему сближения национального законодательства разных стран, в том числе в сфере уголовных наказаний...» [2, с. 2]. А. В. Сидоренко отмечает, что «концепция... большинства основных законов в отношении прокуратуры стран СНГ в существенной мере совпа-

дает с концепцией развития прокуратуры Российской Федерации...» [4, с. 6].

Следует отметить, что кроме наличия общих принципов законодательного закрепления компетенции и полномочий прокуратуры в указанной сфере имеет место подробная регламентация действий прокурора при осуществлении надзора.

Рассмотрим несколько примеров регламентации организации и осуществления прокурорского надзора в отдельных бывших союзных республиках, не входящих в состав СНГ (стран Балтии), и странах Восточной Европы, также являющихся в настоящее время новыми членами или кандидатами в члены Европейского Союза.

Вторую группу стран условно формируют два блока: первый – страны, входившие в состав СССР; второй – европейские страны, некогда именовавшиеся странами соцлагеря, но к Союзу ССР никогда не принадлежавшие.

Рассмотрим страны первого блока.

Ст. 2 Закона Латвийской Республики от 19 мая 1994 г. «О прокуратуре» указывает на то, что наряду с другими задачами прокуратура «осуществляет надзор за исполнением наказаний». Статья 15 «Надзор за исполнением наказания в виде лишения свободы» тремя пунктами характеризует полномочия прокуроров и особенности осуществляемого ими надзора за исполнением законов в местах лишения или ограничения свободы граждан.

Таким же лаконичным в содержательном отношении является Закон Эстонской Республики от 29 декабря 2008 г. «О прокуратуре». Здесь в ст. 2 в качестве одной из задач прокуратуры указано «наблюдение за исполнением приговоров, связанных с лишением свободы, и наблюдение за соблюдением законности во время выполнения принудительных действий медицинского и исправительного характера».

Аналогично сжатое структурно-содержательное наполнение, отражающее взаимодействие прокуратуры и национальной пенитенциарной системы, находим в Законе Республики Молдова от 25 декабря 2008 г. № 294 «О прокуратуре» – 3 пункта, содержащиеся в ст. 5 и 15 гл. 2 разд. I.

Проведем анализ соответствующей нормативной базы стран второго блока.

Из-за отсутствия у некоторых стран отдельного законодательства о прокуратуре в качестве нормативно-правовых источников рассматриваются конституции соответствующих государств. При этом структурологический подход к выделению места и роли прокуратуры в процессе деятельности пенитенциарной системы, а также принцип установления и подсчета содержательно-правовых элементов сохраняется.

В Конституции Республики Болгария от 13 июля 1991 г. – 1 пункт, содержащийся в ст. 127 гл. 6.

В Конституции Венгрии от 29 апреля 2011 г. – 1 пункт, содержащийся в ч. 2 ст. 29.

В Законе Польши «О прокуратуре» от 20 июня 1985 г. – 1 пункт, отраженный в ст. 4 гл. 1.

Следует отметить, что сравнительно недавно депутаты польского парламента приняли законопроект, который объединяет должности генерального прокурора и министра юстиции и фактически лишает прокуратуру независимости (следовательно, и ее особого статуса).

На основании приведенных данных можно сделать вывод о том, что для второй рассмотренной группы государств, с точки зрения степени наполненности отнесенных к ним законодательных актов содержательными нормативно-правовыми элементами, имеющими непосредственное отношение к процессу исполнения уголовных наказаний, в сравнительном отношении между собой так же, как и в первой группе государств, имеет место принцип общности, то есть различия в количестве конкретных пунктов (параграфов), устанавливающих вмененную государством прокуратуре функцию надзора в том или ином отношении за пенитенциарной деятельностью, не являются значительными. Если рассмотреть отдельно содержание полномочий прокурора в процессе осуществления надзора, можно отметить общий подход, который выражен в отсутствии их подробного описания (в отличие от первой группы стран).

Итак, при межгрупповом сравнении очевидной становится существенная разница в степени сопричастности прокуратур упомянутых государств к национальным пенитенциарным практикам.

Объяснение этому следует искать в особенностях уголовно-исполнительной политики перечисленных в группе 2 и аналогичных им государств (страны Балтии и Восточной Европы), которая в течение последних 25 лет претерпела изменения вследствие государственно-политического устройства и социально-экономического развития этих стран. Речь идет прежде всего о стремлении бывших стран социалистического содружества и части бывших советских республик к наиболее тесному геополитическому сотрудничеству со странами Западной Европы, о связанной с этим тенденции «американизации» образа жизни и, как следствие, о сближении национальной уголовно-исполнительной политики с западной пенитенциарной идеологией и практикой.

Изучение тюремных систем ряда наиболее развитых стран мира, проведенное российскими учеными-правоведами, показывает, что наказание в виде тюремного заключения не отличается в этих странах высокой степенью государственного регу-

лирования. Например, М. Л. Греков в своем диссертационном исследовании пишет: «...законодательные акты, регулирующие порядок исполнения наказания, сконструированы так, что судьба заключенного в основном зависит от усмотрения администрации тюрем» [1, с. 6], то есть для наиболее распространенного вида уголовных наказаний роль собственно государства и правозащитных институтов гражданского общества сведена к минимуму.

Таким образом, сопоставление государств – участников СНГ со странами так называемого постсоветского пространства, не входящими в состав СНГ, показало различия в их подходах к формированию системы уголовно-исполнительных правоотношений в части степени представительства соответствующих органов государственной власти (прокуратуры) в качестве субъектов этих правоотношений.

В первой группе государств прокуратура на законодательном уровне представлена как один из главных субъектов правового регулирования уголовно-исполнительных правоотношений, обладающих существенно большими компетенцией и полномочиями в области надзора за соблюдением законности в деятельности национальных пенитенциарных систем, что свидетельствует о достаточном уровне проработанности данной сферы как отечественного законодательства, так и законодательства указанных государств – участников СНГ, и в структурном, и в содержательном плане.

Это не только факт формального увеличения количества норм, регламентирующих участие прокуратуры в деятельности пенитенциарной системы, но и способ упорядочения организационно-правовых отношений между двумя правоохранительными системами, что, безусловно, отражает текущую актуальность проблемы правозащитной деятельности со стороны государства в интересах его граждан и является основой для дальнейшей координации и согласования действий в направлении повышения эффективности функционирования уголовно-исполнительной системы (повышение эффективности любой управленческой деятельности в принципе невозможно без осуществления контрольной функции [5, с. 40]), в частности, в Российской Федерации, учитывая, что по количеству заключенных Россия, по данным Международного центра тюремных исследований, занимает в мире 3-е место (более 600 тыс. чел.).

При таком значительном числе лиц, отбывающих наказание на огромной территории государства, вполне очевидна необходимость максимально четкой и подробной регламентации всех процедур контрольного и надзорного характера, проводимых со стороны прокуратуры, с минимализацией пространства для субъективной трактовки норм.

Есть все основания полагать, что взаимодействие указанных систем будет тем эффективнее, чем выше будет уровень нормативного закрепления и детализации (с учетом специфики отечественной пенитенциарной системы) всех возможных процедур.

Список литературы

1. Греков М. Л. Тюремные системы (состояние и перспективы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. 25 с.
2. Жабский В. А. Наказания по уголовному законодательству зарубежных стран: теоретико-прикладное исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2011. 38 с.
3. Ромашов Р. А. Демократизация, гуманизация, либерализация в сфере пенитенциарного правотворчества // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 54–57.
4. Сидоренко А. В. Конституционный статус органов прокуратуры стран СНГ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 25 с.
5. Организация управления в сфере исполнения наказания (организационно-правовые аспекты) : учеб. пособие / под ред. В. Б. Шабанова, В. И. Огородникова. Минск, 2013.
6. Уголовно-исполнительное право : учеб. пособие / под ред. С. Я. Лебедева, С. М. Иншакова. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2013. 279 с.
7. Цымбалюк Н. И. Эволюционно-правовые особенности взаимодействия прокуратуры с пенитенциарной системой // Человек: преступление и наказание. 2013. № 4. С 116–119.

NATAL'JA IGOREVNA CYMBALYUK,
senior educator, group of quality management of personnel training
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: nataltsymb@yandex.ru

PUBLIC PROSECUTOR'S SUPERVISION OVER THE EXECUTION OF CRIMINAL PUNISHMENT IN POST-SOVIET AREA

Abstract: the article is devoted to the comparative analysis of foreign law to determine proximity or, on the contrary, the differences in the place and role of the Prosecutor's office in national penal systems in various countries.

Fundamental objects for study are identified by the author as a number of key legal acts, regulating the activities of the Prosecutor's office in some post-Soviet countries and Russia.

For each of the laws discussed in the article the author gives a detailed analysis of the number of the structural layout elements of common regulatory framework legislation (Section – Chapter – Article – Part – Point / Paragraph) which in some way regulate the interaction between the Prosecutor's office and the penitentiary legislation system.

Prior interest is attached to foreign legislation concerning the competence and powers of the prosecution in the sphere of supervision over the activities of bodies and institutions executing criminal penalties of the countries-participants of the CIS, as most of the former Soviet republics did not have any grounds to waive provisions of the existing Law «On Public Prosecution Office in the USSR».

In addition, referring to the Law on Prosecutor's office in the countries under analysis (CIS members as the first group, the Baltic and Eastern European countries as the second group), the author points that there are common principles for legislative establishment of provisions concerning the competence and powers of the prosecution in the sphere of execution of criminal punishments. Simultaneously, the author points to the fact that the intergroup comparison reveals an obvious difference in the extent of the prosecutors' engagement in the national penitentiary practices of the above mentioned states. As a result of the present research the author makes a conclusion that imputed to the prosecution object-meaningful functions in the first group of countries are broader and more diverse in comparison with the countries of the second group. In the first group of countries the Prosecutor's office at the legislative level is represented as one of the main subjects of legal regulation of criminal-executive relations, with significantly larger competence and authority in the field of supervision over law observance in the activities of national penal systems.

Key words: prosecutor's supervision, the execution of criminal punishment, foreign legislation, supervision over the activities of bodies and institutions executing criminal penalties.

References

1. Grekov M. L. Tjurennye sistemy (sostojanie i perspektivy). Avtoref. dis. kand. jurid. nauk. [Prison systems (condition and prospects). Cand. legal sci. diss. abstract]. Krasnodar, 2000. 25 p.
2. Zhabskij V. A. Nakazaniya po ugovnomu zakonodatel'stvu zarubezhnyh stran: teoretiko-prikladnoe issledovanie. Avtoref. dis. d-ra jurid. nauk [Punishments according to the penal legislation of foreign countries: teoretiko-applied research. Dr. legal sci. diss. abstract]. Ryazan, 2011. 38 p.
3. Romashov R. A. Demokratizacija, gumanizacija, liberalizacija v sfere penitenciarного pravotvorchestva [Democratization, a humanization, liberalization in the sphere of penitentiary law-making]. Juridicheskaja tehnika – Legal equipment, 2014, no. 8, pp. 54–57.
4. Sidorenko A. V. Konstitucionnyj status organov prokuratury stran SNG. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Constitutional status of bodies of prosecutor's office of the CIS countries. Cand. legal sci. diss. abstract]. Moscow, 2003. 25 p.
5. Organizacija upravljenija v sfere ispolnenija nakazaniya (organizacionno-pravovye aspekty) [The organization of management in the sphere of an execution of the punishment (organization-legal aspects)]. Under the editorship of V. B. Shabanov, V. I. Ogorodnikov. Minsk, 2013.
6. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo [Penal law]. Under the editorship of S. Ja. Lebedev, S. M. Inshakov. 7 edition processed and added. Moscow, 2013. 279 p.
7. Cymbaljuk N. I. Jevoljucionno-pravovye osobennosti vzaimodejstvija prokuratury s penitenciarной sistemoj [Evolutionary and legal features of interaction of prosecutor's office with a penal system]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2013, no. 4, pp. 116–119.

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ ГРИШКО,

доктор юридических наук, профессор,
Уполномоченный по правам человека в Рязанской области
(Правительство Рязанской области),
e-mail: ombudsman62@mail.ru

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦА,
ЗАНИМАЮЩЕГО ВЫСШЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ
(ЧАСТЬ 4 СТАТЬИ 210 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)**

Реферат: борьба с преступными сообществами (преступными организациями) занимает особое место, обусловленное их повышенной опасностью. Законодатель уделяет постоянное внимание совершенствованию норм, содержащихся в ст. 210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)». Одной из последних ее новелл являлось дополнение статьи частью четвертой – «Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии».

В условиях консолидации преступной среды, в том числе в местах лишения свободы, продолжения сращивания группировок, действующих в сфере теневой экономики, с преступными структурами традиционной уголовной направленности, зачинщиками в которых являются несколько тысяч «авторитетов» преступного мира и более 300 «воров в законе», значение данной нормы трудно переоценить. Вместе с тем на практике она пока трудно реализуется. Основная причина – отсутствие законодательного определения понятия лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, признаков, его характеризующих. Используя опыт зарубежных стран, а также результаты социологического исследования предлагается решение данного вопроса.

Ключевые слова: предупреждение, «вор в законе», лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, преступность, показатели, криминологическая характеристика.

Показатели, характеризующие организованную преступность, свидетельствуют об актуальности проблемы борьбы с ней. В 2006, 2011 и 2015 годах количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ, составило соответственно: 255, 172, 284. Еще большая отрицательная динамика отмечается в количестве выявленных лиц, совершивших это преступление. За указанные периоды число таких лиц составило соответственно: 513, 534, 901 [1, с. 521].

Одной из особенностей современной организованной преступности является ее консолидация, в том числе в местах лишения свободы. Продолжается сращивание группировок, действующих в сфере теневой экономики, с преступными структурами традиционной уголовной направленности, зачинщиками которого являются «авторитеты» преступного мира, «воры в законе». Именно в этой части в ноябре 2009 г. ст. 210 УК РФ была усилена (дополнена) частью четвертой, предусматривающей ответственность за создание преступного сообщества (преступной организации) в целях совместного совершения одного или не-

скольких тяжких или особо тяжких преступлений либо руководство таким сообществом (организацией) или входящими в него (нее) структурными подразделениями, а также координацию преступных действий, создание устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами, разработку планов и создание условий для совершения преступлений такими группами или раздел сфер преступного влияния и преступных доходов между ними, участие в преступном сообществе (преступной организации), совершенные лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии.

Однако, определив субъект преступления в качестве особо квалифицирующего признака деяний по ч. 4 ст. 210 УК РФ, законодатель не установил признаков, его характеризующих. Это не может не сказаться на судебной практике – нам неизвестен ни один случай вынесения судом приговора по ч. 4 ст. 210 УК РФ.

В научной литературе приводятся важные аргументы, обосновывающие необходимость знаний криминологической характеристики того или иного вида преступного сообщества (преступной ор-

ганизации), личности преступника. «Знание криминологических особенностей организованной преступности, своеобразия лиц, входящих в состав организованных преступных сообществ, во многом способствует определению ее основных детерминантов, а также направлений ее предупреждения, конкретных мер общей и индивидуальной профилактики» [2, с. 43]. Без знания криминологической характеристики конкретных форм преступных сообществ невозможно строить работу по совершенствованию законодательства и практики борьбы с ними, в целом с организованной преступностью.

Отдельные аспекты криминологической характеристики преступных сообществ (преступных организаций), их лидеров приводятся в литературе. Однако основным недостатком данных характеристик является то, что в большинстве случаев они относятся к понятию «организованная преступность» вообще, а не конкретно к понятию преступного сообщества (преступной организации). Это в полной мере относится и к составу преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ.

По нашему мнению, признаки, характеризующие данный субъект преступления, должны быть определены криминологами. Представляется, что в основу этого могут быть положены признаки, характеризующие «воров в законе». Они составляют высшую касту «профессиональных преступников-лидеров» [3, с. 216]. «Это всегда опасный преступник, занимающий наивысшую ступень в иерархии среды правонарушителей и пользующийся наибольшим авторитетом среди них» [4, с. 67]. «Воры в законе» «являются своеобразными суперлидерами антисоциальных неформальных общностей и представляют собой модель или эталон криминализованной личности, в которой фокусируются основные ценности субкультуры преступника, а также социально-политические и нравственные черты, детерминирующие отчужденность человека от интересов общества и положительно ориентированных социальных групп» [4, с. 70–71].

Среди особенностей характера указанной категории преступников выделяются такие, как избрательность и изощренность, общительность (контактность), инициативность, решительность, способность подчинять своей воле не только лиц с криминальной установкой, но и представителей государственных структур [5, с. 98]. В последнее время они нередко демонстрируют свою религиозность. Под маской порядочности «воры» далеко не всегда справедливы, большинство из них лживы, мстительны, жестоки. Около 80 % из них склонны к наркомании [6, с. 12]. О. В. Старков в своей работе приводил характеристику «воровского движения» на современном этапе развития общества,

отличия «старых» и «новых» «воров в законе». Им, в частности, отмечается:

«1. Если ранее для признания «вором» необходимо было «пройти» тюрьму, показать себя там, «не сломиться», то для «новых воров» это не обязательно.

2. «Новые воры» могут купить себе право называться «вором» на сходке «воров» за деньги, раньше это не признавалось и общий постулат был такой, что «вор» должен жить как «вор», то есть он не мог купаться в роскоши.

3. «Новые воры», так же как и «старые», выполняют функции органов власти (только «старые» – в местах лишения свободы, а «новые» – на свободе).

4. Для «новых воров» разрешены и новые формы преступной деятельности, включающие в себя насильственный путь – вымогательство, истязание и пытки жертв, а также мошенничество в банковских операциях, создание совместных с зарубежными криминальных коммерческих предприятий, детективных агентств и многое другое. Для «старых воров» основная форма преступной деятельности – карманные и квартирные кражи, мошенничество.

5. Обязательная поддержка содержащейся в ИУ «братьев» деньгами, наркотиками и т. п.

6. Самопожертвование ради интересов воровского сообщества наиболее характерно для «старых воров», но для них – «на всю оставшуюся жизнь», для «новых» же – лишь на первых порах или при проверках со стороны «воровского братства» и т. п.

7. Для «новых» возможно даже сотрудничество с правоохранительными органами... «старым» – оно запрещено под страхом смерти» [6, с. 45].

Изложенное в целом подтверждается и данными позднего периода. Тем не менее следует отметить, что в последние годы в данной сфере произошли некоторые изменения: возрастной разброс стал значительно шире; изменился финансовый статус «воров» – он стал весьма высоким по сравнению с прежними временами; многие «воры» отошли от «понятий» и «воровских» принципов нестяжательства. Сохранилась тенденция к высокому проценту наркоманов среди этого контингента, что способствует довольно быстрому вымиранию данной категории лидеров криминального мира.

В результате девальвации «воровских» понятий, согласно данным экспертов, снизился и общий уровень авторитета «воров в законе» в преступных сообществах. Правда, это не касается отдаленных территорий России, где авторитет «воров» по-прежнему высокий и где возможности их «сращивания» с чиновниками, в том числе и из правоохранительных органов, весьма большие.

Показательно, что значительно изменился этнический состав «воровского мира»: около 79 % «воров» – выходцы с Кавказа, которые уже вполне ассимилированы в легальный бизнес. Ранее процент «славянских» «воров» и выходцев из Центральной Азии был значительно выше. Основной причиной такой ситуации является облегченный (коммерческий) вариант принятия «воровской короны» для неопитов с Кавказа, а также развитая семейственность. Систематический анализ рассматриваемого субъекта преступлений (ч. 4 ст. 210 УК РФ), приводимого в литературе, и статистических данных, полученных нами в ходе социологического исследования, позволяет сделать следующие выводы:

1. Высшее положение в преступной иерархии занимают «воры в законе» – лидеры организованной преступной среды, активные криминальные деятели, доказавшие свою верность преступным идеям, связям, соучастникам и выполняющие широкие организаторские функции в преступной среде.

2. Ведущую роль в преступной иерархии играют также «положенцы» – лица, имеющие право принимать решения в отсутствие «вора в законе», и «смотрящие» – лица, наделенные правом принимать решения по определенному направлению или сфере деятельности [7, с. 176].

Основные различия между названными иерархиями преступного мира заключаются в следующем. Криминальный титул «вора в законе» присваивается «сходкой» «воров в законе» и является пожизненным, в то время как «положенцы» и «смотрящие» назначаются «ворами в законе», и соответственно их место в преступной иерархии может с течением времени изменяться. Наиболее наглядно это проявляется в местах отбывания наказания в виде лишения свободы. Так, «смотрящие» за конкретным исправительным учреждением (в отсутствие «вора в законе» и «положенца») после отбытия срока наказания и освобождения автоматически утрачивают свой криминальный статус [8, с. 9–14].

Таким образом, «положенцы» и «смотрящие» в случае совершения ими соответствующих деяний обладают признаками специального субъекта преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 210 УК РФ, а «вор в законе» является специальным субъектом преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ.

Криминальный статус того или иного лица наиболее успешно может быть установлен в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности, результаты которой после их рассекречивания, приобщения к материалам уголовного дела и процессуального исследования будут являться доказательством его наличия.

Вместе с тем наличие такого статуса получает и документальное подтверждение, например, в материалах личного дела осужденного по месту отбывания таким лицом уголовного наказания в виде лишения свободы, что также должно использоваться в ходе доказывания. «Вор в законе» в местах лишения свободы заявляет себя, как таковой, в общении с представителями администрации исправительного учреждения, что получает отражение в личном деле осужденного, а о его перемещении в конкретное исправительное учреждение заранее известно администрации и оперативным сотрудникам.

Для указанных лиц характерны следующие признаки: возраст – 35–45 лет; подчеркивание своей принадлежности к элитным категориям криминалитета; наличие специфической субкультуры; осуждение в основном за деяния, предусмотренные ст. 228, 105, 222, 163, 162 УК РФ; неоднократно судимые; средний срок отбывания в местах лишения свободы – 13–15 лет; осуществление своей преступной деятельности в легальной сфере; преобладание такой формы организации преступного сообщества (преступной организации), как «создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп»; осуществление специального контроля; часто руководство не только преступным сообществом (преступной организацией), но и лидерами «преступного мира» городов и регионов. Их отличает бескомпромиссность, изобретательность, изощренность, общительность, решительность, способность подчинять своей воле как лиц с криминальной установкой, так и представителей государственных структур. Они нередко демонстрируют свою религиозность. Отличительной чертой является их этнический состав: в большинстве своем они выходцы с Кавказа.

Приведенные криминологические характеристики лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, безусловно, должны быть переложены на язык уголовного права и соответственно закреплены в уголовном законе. Пример такого решения вопроса имеет место в Грузии.

В соответствии с принятым в республике Законом от 20 декабря 2005 г. «Об организованной преступности и рэжете» Уголовный кодекс Грузии был дополнен ст. 223¹ «Членство в воровском сообществе, „вор в законе“», согласно которой членство в «воровском» мире наказывается лишением свободы сроком от 5 до 8 лет со штрафом или без, а бытность «вором в законе» – лишением свободы сроком от 7 до 10 лет со штрафом или без. При этом «воровской» мир определяется как любое сообщество лиц, которое действует по установленным/признанным им правилам и целью которого

является путем устрашения, угроз, круговой поруки, воровской разборки, вовлечения в противозаконные действия несовершеннолетних достижение выгоды для своих членов или иных лиц с помощью преступных действий или путем побуждения к таковым других. Членом «воровского» мира считается любое лицо, которое признает «воровской»

мир и активно действует для достижения целей «воровского» мира. Наконец понятие «вор в законе» определяется как член «воровского» мира, который по специальным правилам «воровского» мира в любой форме управляет им или/и организует «воровской» мир или определенную группу лиц.

Список литературы

1. Преступность, уголовная политика, закон / под ред. А. И. Долговой. М., 2016. 553 с.
2. Криминология : учебник. М., 1984. 335 с.
3. Кутякин С. А. Организация противодействия криминальной организации в уголовно-исполнительной системе России : монография. Рязань, 2012. 362 с.
4. Многократный рецидив преступлений : монография / под ред. Ю. М. Антоняна. Рязань, 2009. 316 с.
5. Разинкин В., Тарабрин А. Элита преступного мира. Цветная масть. М., 1998.
6. Старков О. В. Криминологические проблемы исполнения уголовного наказания : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. 43 с.
7. Долгова А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003. 572 с.
8. Белоцерковский С. Новый федеральный закон об усилении борьбы с преступными сообществами: комментарий и проблемы применения // Уголовное право. 2010. № 2. С. 9–14.

ALEXANDER YAKOVLEVICH GRISHKO,

dsc in law, professor,
Commissioner for human rights in the Ryazan region
(Government of the Ryazan region),
e-mail: ombudsman62@mail.ru

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE PERSON, HOLDING THE HIGHEST POSITION IN THE CRIMINALITY

Annotation: the fight against criminal communities (the criminal organizations) holds the specific place caused by their increased danger. The legislator gives attention to the improvement of the norms which are contained in Art. 210 of the Criminal Code of the Russian Federation «The organization of a criminal community (the criminal organization) or the participation in it». One of its last new statutes was the addition of article with a fourth part – «The acts provided by the first part of the present article, which are made by the person holding the highest position in the criminality».

It is difficult to overestimate the value of this norm in the conditions of consolidation of the criminal environment, including places of confinement, of the association of criminal groups functioning in the sphere of shadow economy with criminal structures of a traditional criminal orientation in which instigators are several thousands of «authorities» of the criminal underworld and more than 300 «thieves by the code». At the same time it is still difficult implemented in practice. The main reason is the lack of legislative definition of a concept of the person holding the highest position in the criminality and its characteristics, with reference to the experience of foreign countries, the sociological research proposes the solution of the matter.

Key words: prevention, «code-bound criminal», the person holding the highest position in criminal hierarchy, crime; indicators, criminological characteristic.

References

1. Prestupnost', ugovolnaja politika, zakon [Criminality, criminal policy, law]. Under the editorship of A. I. Dolgova. Moscow, 2016. 533 p.
2. Kriminologija [Criminology]. Moscow, 1984. 335 p.
3. Kutjakin S. A. Organizacija protivodejstvija kriminal'noj organizacii v ugovolno-ispolnitel'noj sisteme Rossii [The organization of counteraction of the criminal organization in a penal correction system of Russia]. Ryazan, 2012. 362 p.

4. Mnogokratnyj recidiv prestuplenij [Repeated recurrence of crimes]. Under the editorship of Ju. M. Antonjan. Ryazan, 2009. 316 p.
5. Razinkin V., Tarabrin A. Jelita prestupnogo mira. Cvetnaja mast' [Elite of underworld. Color]. Moscow, 1998.
6. Starkov O. V. Kriminologicheskie problemy ispolnenija ugovnogo nakazaniya. Avtoref. dis. d-ra jurid. nauk [Criminological problems of execution of criminal sanction. Dr. legal sci. diss. abstract]. Moscow, 1998. 43 p.
7. Dolgova A. I. Prestupnost', ee organizovannost' i kriminal'noe obshhestvo [Crime, its organization and criminal society]. Moscow, 2003. 572 p.
8. Belocerkovskij S. Novyj federal'nyj zakon ob usilenii bor'by s prestupnymi soobshhestvami: kommentarij i problemy primeneniya [New federal law on strengthening of fight against criminal societies: comment and problems of application]. Uголовное право – Criminal law, 2010, no. 2, pp. 9–14.

АРТЕМ ТАХИРОВИЧ ВАЛЕЕВ,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики
(Северо-Западный институт (филиал)
Московского государственного юридического университета
имени О. Е. Кутафина),
e-mail: art35404@gmail.com

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ВВИДУ НОВЫХ И ВНОВЬ ОТКРЫВШИХСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Реферат: в статье анализируется процессуальный порядок возобновления производства по уголовным делам ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств, который включает в себя два относительно самостоятельных этапа: досудебное производство по проверке вновь открывшихся обстоятельств или расследованию иных новых обстоятельств (производство у прокурора); производство в суде, правомочном осуществлять проверку и пересмотр судебного акта на основании заключения прокурора или представления Председателя Верховного Суда РФ; рассматриваются поводы и основания возобновления производства ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств; необходимость предварительной проверки заявления о наличии таких обстоятельств до возбуждения производства, ее порядок и сроки; порядок вынесения прокурором постановления об отказе в возбуждении производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств; порядок извещения прокурором заинтересованных лиц, в том числе осужденного, оправданного или лица, в отношении которого суд прекратил дело, о принятом решении; особенности расследования новых обстоятельств; особенности судебного этапа возобновления производства по уголовным делам ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств; указываются основные пробелы законодательного регулирования расследования новых обстоятельств: отсутствие в УПК РФ указания о необходимости вынесения следователем постановления о принятии дела, возбужденного прокурором ввиду новых обстоятельств, к своему производству; отсутствие в УПК РФ каких-либо определенных сроков такого расследования; неопределенность процессуального статуса осужденного, оправданного, лица, уголовное дело в отношении которого прекращено при расследовании новых обстоятельств; отсутствие в УПК РФ требований о необходимости составления следователем итогового документа по результатам проведенного расследования.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, возобновление производства по уголовным делам ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств, расследование новых обстоятельств, проверка вновь открывшихся обстоятельств, заключение прокурора о необходимости возобновления производства по уголовному делу.

Производство по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств вместе с кассационным и надзорным производством является одним из процессуальных способов проверки вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений судов.

Процедура возобновления уголовного судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств включает в себя два относительно самостоятельных этапа: досудебное производство по проверке или расследованию сообщения о наличии оснований для проверки и пересмотра судебных актов (производство у прокурора) и производство в суде, правомочном осуществлять проверку и пересмотр (отмену или изменение) судебного акта на основании заключения прокуро-

ра или представления Председателя Верховного Суда РФ [2, с. 59].

Необходимо отметить, что досудебное производство по проверке или расследованию сообщения о наличии оснований для возобновления производства ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств УПК РФ предусматривает не для всех таких обстоятельств. Ввиду того что для случаев, когда новыми обстоятельствами являются решения Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека (пп. 1, 2 ч. 4 ст. 413), главным субъектом, инициирующим процедуру пересмотра, является Председатель Верховного Суда РФ, процедура досудебного производства отсутствует.

В юридической литературе выделяется несколько этапов возбуждения производства ввиду

новых и вновь открывшихся обстоятельств и их проверки или расследования: принятие прокурором заявления или сообщения о новых или вновь открывшихся обстоятельствах; вынесение прокурором постановления о возбуждении производства; расследование или проверка новых или вновь открывшихся обстоятельств; вынесение прокурором постановления о прекращении возбужденного им производства за недостаточностью доказательств о новых или вновь открывшихся обстоятельствах или составление прокурором заключения о наличии оснований возобновления производства по уголовному делу по результатам проверки или расследования новых или вновь открывшихся обстоятельств и направлении его с копией приговора и материалами проверки или расследования в суд [3, с. 45].

Поводами для возбуждения производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, как правило, выступают сообщения граждан; сообщения должностных лиц и данные, полученные в ходе предварительного расследования и судебного рассмотрения других уголовных дел.

Представляется, что ходатайствовать о возобновлении производства по уголовному делу вправе: осужденный, его защитник или законный представитель, потерпевший, его законный представитель или представитель прокурора, участники уголовного судопроизводства, чьи права непосредственно затрагиваются судебными решениями, прокурор, обнаруживший признаки новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Правы те авторы, которые полагают, что разнообразие и многообразие процессуальных отношений не только не исключает, но и предполагает, что в качестве поводов могут выступать и такие источники сведений, которые сегодня неизвестны ни теории уголовного процесса, ни судебной практике, что предполагает открытость перечня поводов для возбуждения производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств [2, с. 184–185].

УПК РФ никак не регламентирует необходимость проверки полученных сведений до возбуждения производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, ее порядок и сроки. Отдельные авторы полагают, что в этом случае прокурор вправе проверить такие сведения путем получения объяснений от заявителя и других граждан, в том числе должностных лиц, истребования из суда любых дел, по которым решение вступило в законную силу, затребования необходимых документов, материалов, статистических и иных сведений; проведения ревизий подконтрольных или подведомственных им организаций [3, с. 40–41]. Представляется, что проведение такой проверки является излишним, поскольку она будет полностью замещать собой проверку вновь

открывшихся обстоятельств, которая предусмотрена ч. 3 ст. 415 УПК РФ.

Производство должно возбуждаться в каждом случае, когда в соответствующем сообщении содержится информация о новых или вновь открывшихся обстоятельствах, а их наличие или отсутствие и должно установить соответствующее расследование или проверка.

В юридической литературе имеется вполне обоснованная точка зрения, что в случаях, когда вновь открывшиеся обстоятельства установлены вступившим в законную силу судебным актом, деятельность прокурора по проверке этого акта является беспредметной. В связи с этим предлагается наделить заинтересованных лиц правом непосредственного обращения в соответствующий суд с ходатайством о пересмотре приговора или иного судебного решения с приобщением копии судебного акта [4, с. 224].

Положения ст. 415 и 416 УПК РФ не предусматривают порядок вынесения прокурором постановления об отказе в возбуждении производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, что является существенным пробелом в законодательстве. Вместе с тем необходимо отметить, что на практике такие постановления, безусловно, выносятся.

Вопрос о возможности и порядке обжалования постановления прокурора об отказе в возбуждении производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств был предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. В определении от 4 декабря 2007 г. № 962-О Конституционный Суд РФ указал, что постановление об отказе в возбуждении производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств относится к досудебному производству и может быть обжаловано в порядке ст. 125 УПК РФ в районный суд. Впоследствии возможность обжалования постановления прокурора об отказе в возбуждении производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств в порядке ст. 125 УПК РФ была подтверждена постановлением Пленума Верховного Суда РФ.

УПК РФ не содержит требования и порядка извещения прокурором заинтересованных лиц, в том числе осужденного, оправданного или лица, в отношении которого суд прекратил дело, о принятом решении. Представляется, что права те авторы, которые считают, что необходимость извещения заявителя и иных заинтересованных лиц вытекает из смысла процессуальной процедуры возбуждения такого производства, поскольку оно затрагивает конституционные права, свободы и законные интересы осужденного, оправданного и других лиц [3, с. 123–124].

Расследование новых обстоятельств, предусмотренное ч. 4 ст. 415 УПК РФ, схоже с произ-

водством предварительного следствия. Вместе с тем такое расследование имеет принципиальное отличие, поскольку направлено не на привлечение лица к уголовной ответственности, а на установление ограниченного круга обстоятельств, которые служат лишь основанием к принятию соответствующим судом решения о возобновлении дела ввиду новых обстоятельств. В связи с этим в ходе такого расследования отдельные процессуальные действия осуществляться не могут, в частности, не предъявляется обвинение, не применяются меры пресечения, недопустимо временное отстранение лица от должности, наложение ареста на имущество и ценные бумаги, не составляется обвинительное заключение, не выносятся постановления о прекращении уголовного дела и т. д. [1, с. 126–127; 2, с. 208; 3, с. 43, 128–129].

В юридической литературе отмечается недостаточная правовая регламентация порядка проведения следователем расследования новых обстоятельств. К числу пробелов в законодательстве необходимо отнести следующие:

1) статья 415 УПК РФ не содержит указания о необходимости вынесения следователем постановления о принятии дела, возбужденного прокурором ввиду новых обстоятельств, к своему производству. Вследствие этого на практике одними следователями такие постановления выносятся, а другими нет. В литературе также нет единой точки зрения. Большинство авторов склоняются к тому, что такое постановление необходимо [1, с. 95–96; 7, с. 165–166], поскольку повышает ответственность следователя за производство расследования по делу;

2) УПК РФ не содержит никаких сроков такого расследования. Вместе с тем очевидно, что расследование не может продолжаться неопределенное время. Одни авторы полагают, что в этом случае необходимо ориентироваться на общие сроки предварительного расследования [8, с. 352], другие авторы считают, что для такого расследования должны быть установлены сокращенные сроки, поскольку в данном случае речь идет не о полноценном расследовании уголовного дела, при котором круг обстоятельств, подлежащих доказыванию, несравнимо шире, нежели при расследовании сообщения о новых обстоятельствах [2, с. 204–205]. Вторая точка зрения нам представляется предпочтительнее;

3) неопределенность процессуального статуса осужденного, оправданного, лица, уголовное дело в отношении которого прекращено. Как следствие, недостаточно ясно, в качестве кого должно допрашиваться данное лицо при производстве ввиду новых обстоятельств. Вследствие этого эти лица иногда допрашиваются по правилам допроса свидете-

ля, подозреваемого или обвиняемого, а порой и в качестве потерпевшего [1, с. 124].

Верной нам представляется точка зрения, что указанные лица не могут считаться свидетелями или потерпевшими, следовательно, при проведении расследования новых обстоятельств и совершении следственных действий с их участием они должны допрашиваться по правилам допроса подсудимого и именоваться в соответствии с их фактическим процессуальным статусом [3, с. 129].

Представляет определенную значимость также вопрос о праве на защиту осужденного, оправданного или лица, в отношении которого дело было в судебном порядке прекращено, когда расследуются иные новые обстоятельства.

Принцип обеспечения обвиняемому права на защиту, закрепленный в ст. 48 Конституции РФ, распространяется на все стадии уголовного судопроизводства. Возобновление дела как в целях реабилитации осужденного или смягчения ему наказания, или ухудшения его положения, а также оправданного или лица, в отношении которого дело прекращено в судебном порядке, всегда затрагивает их права и законные интересы. В связи с этим данные лица право на защиту могут реализовывать не только сами, но и с помощью защитника, в том числе бесплатно предоставленного государством;

4) УПК РФ не содержит никаких требований о необходимости составления следователем итогового документа по результатам проведенного расследования. Вместе с тем большинство исследователей говорят о необходимости такого процессуального документа [2, с. 209; 3, с. 153–154]. Полагаем, что с ними сложно не согласиться.

По окончании проверки, проводимой прокурором, или расследования, проводимого органами расследования, при наличии основания возобновления производства по уголовному делу прокурор направляет уголовное дело со своим заключением, копией приговора и материалами проверки или расследования в суд (ч. 1. ст. 416 УПК РФ). При отсутствии такого основания прокурор своим постановлением прекращает возбужденное им производство (ч. 2. ст. 416 УПК РФ). Постановление доводится до сведения заинтересованных лиц. При этом им разъясняется право обжаловать данное постановление в суд, который в соответствии со ст. 417 УПК РФ правомочен решать вопрос о возобновлении производства по данному уголовному делу ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств (ч. 3. ст. 416 УПК РФ).

Представляется, что в УПК РФ имеются определенные законодательные пробелы в этой части. В частности, в УПК РФ не определен круг лиц, правомочных обжаловать решение прокурора и

требования, предъявляемые к жалобе; не установлен порядок ознакомления этих лиц с материалами прокурорской проверки или расследования. Данная проблема была объектом рассмотрения Конституционного Суда РФ (определение от 18 января 2005 г. № 39-О), который определил, что право заинтересованных лиц на ознакомление с материалами проверки вновь открывшихся обстоятельств или расследования новых обстоятельств не может быть ограничено. Вместе с тем полагаем, что это не снимает необходимости внесения соответствующих изменений в УПК РФ.

В научной литературе высказывается вполне обоснованное мнение, что с точки зрения процессуальной экономии обжалование постановления прокурора о прекращении производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств также целесообразно осуществлять в порядке ст. 125 УПК РФ, для чего необходимо внести в закон соответствующие поправки. Основанием для такого предложения, в частности, указывается, что в соответствии с действующим порядком при определенных условиях осуществление судебного контроля за процессуальными решениями прокурора района или его помощников возлагается на Президиум Верховного Суда РФ, что не является целесообразным [2, с. 227].

Заключение прокурора о необходимости возобновления производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств по своей сути является специфической разновидностью его представления (акта реагирования), в котором перед соответствующей судебной инстанцией ставится вопрос о необходимости пересмотра судебного решения [8, с. 353].

В ст. 416 УПК РФ не содержится положений о том, каким требованиям должно отвечать содержание заключения прокурора. В связи с этим в юридической литературе содержится предположение, что заключение прокурора о необходимости возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, кроме краткого изложения этих обстоятельств, должно содержать и такие сведения: кем возбуждено производство ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств; кому поручено проведение проверки или расследования этих обстоятельств; краткое изложение новых или вновь открывшихся обстоятельств; какое должностное лицо направляет уголовное дело со своим заключением, а также с копией приговора и материалами проверки или расследования в суд; в какой суд направляется уголовное дело с заключением прокурора (ч. 1 ст. 417 УПК РФ); какое решение предлагается прокурором в заключении для принятия его соответствующим судом [3, с. 155].

Подсудность рассмотрения заключения прокурора о необходимости возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств определена законодателем в ст. 417 УПК РФ. При этом необходимо отметить, что наделение районных судов полномочием по рассмотрению заключения прокурора в отношении приговора и постановления мирового судьи вызывает определенное опасение у некоторых авторов, поскольку такой пересмотр не является производством, свойственным для судей районного суда, которые не имеют опыта в пересмотре вступивших в законную силу судебных актов [2, с. 261].

В литературе имеется точка зрения, что можно выделить два этапа судебного производства по возобновлению дел ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, предварительно установленным заключением прокурора: 1) рассмотрение судьей заключения прокурора о возобновлении дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам; 2) рассмотрение судом уголовного дела ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств в судебном заседании. Высказывается также предположение, что судья на основании изучения материалов расследования или проверки вправе принять решение не только о передаче заключения прокурора с уголовным делом в судебное заседание для рассмотрения по существу, но и об отказе в такой передаче, как это предусмотрено при кассационном производстве [6, с. 170–172]. Представляется, что данное предположение слишком широко трактует процессуальную аналогию.

Законодатель устанавливает особый порядок пересмотра судебных решений по делам ввиду новых обстоятельств, если они установлены постановлением Конституционного Суда РФ или решением Европейского Суда по правам человека. При установлении Конституционным Судом РФ или Европейским Судом по правам человека новых обстоятельств Председатель Верховного Суда РФ выносит представление и направляет его в Президиум Верховного Суда РФ для решения вопроса об отмене или изменении приговора (определения, постановления), вступившего в законную силу.

В юридической литературе высказывается обоснованное мнение, что порядок внесения представления Председателем Верховного Суда РФ в Президиум Верховного Суда РФ о возобновлении уголовного дела нуждается в дополнительном нормативном регулировании [5, с. 88–89].

В числе неурегулированных вопросов выделяются следующие: а) о порядке пересмотра судебных актов в отношении лиц, не являвшихся участниками конституционного судопроизводства или производства в Европейском Суде по правам человека; б) о поводах для реализации компетенции,

предоставленной Председателю Верховного Суда РФ; в) об источниках осведомленности Председателя Верховного Суда РФ относительно «возникновения» новых обстоятельств; г) о пределах компетенции Председателя Верховного Суда РФ; д) о характере и содержании процессуальной деятельности, осуществляемой Председателем Верховного Суда РФ; е) о процессуальной форме представления Председателя Верховного Суда РФ и о сроках его внесения; ж) о целесообразности наделения высшего должностного лица системы судов общей юрисдикции компетенцией, предусмотренной ч. 5 ст. 415 УПК РФ [2, с. 233].

Таким образом, считаем необходимым отметить недостаточную правовую регламентацию процессуального порядка возобновления производства ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств. В частности, это касается порядка проведения расследования новых обстоятельств. К числу таких пробелов в законодательстве необходимо отнести

следующие: отсутствие законодательно закрепленного указания о необходимости вынесения следователем постановления о принятии дела, возбужденного прокурором ввиду новых обстоятельств, к своему производству; отсутствие сроков расследования новых или вновь открывшихся обстоятельств; неопределенность процессуального статуса осужденного, оправданного, лица, уголовное дело в отношении которого прекращено. Кроме того, УПК РФ не содержит никаких требований о необходимости составления следователем итогового документа по результатам проведенного расследования.

Существенные пробелы законодательного регулирования имеются и при пересмотре судебных решений по делам ввиду новых обстоятельств, когда они установлены постановлением Конституционного Суда РФ или решением Европейского Суда по правам человека.

Список литературы

1. Ведищев Н. П. Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. М., 2003. 256 с.
2. Давыдов В. А. Возобновление уголовного судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 403 с.
3. Зумакулов А. Д. Институт возбуждения производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств как гарантия прав и свобод личности : дис. ... канд. юрид. наук. Кировск, 2005. 219 с.
4. Смирная Л. В. Сущность и процессуальное значение института возобновления уголовных дел ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств // Общество и право. 2014. № 2. С. 222–225.
5. Соколов Т. В. Возобновление производства по уголовным делам лиц, обращавшихся в Конституционный Суд Российской Федерации: реальность и перспективы совершенствования уголовно-процессуальной формы // Социология и право. 2014. № 1. С. 82–92.
6. Супрун С. В. Порядок назначения судебного заседания и рассмотрения дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2014. № 12-1. С. 170–172.
7. Харченко И. Р. Новые обстоятельства как основание для возобновления производства по уголовному делу // Современные проблемы уголовной политики : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А. Н. Ильяшенко. Краснодар, 2014. Т. III. С. 165–166.
8. Шаталов А. С. Правовые и организационные основы возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств // Вопросы правоведения. 2013. № 4. С. 338–357.

ARTEM TAKHIROVICH VALEEV,

phd in law, associate professor,

head, criminal trial and criminalistics department

(Northwest institute (branch) of Moscow state university of O. E. Kutafin),

e-mail: art35404@gmail.com

PROCEDURE THE RESUMPTION OF CRIMINAL PROCEEDINGS OF NEW AND NEWLY DISCOVERED CIRCUMSTANCES

Abstract: the article analyzes the procedure the resumption of criminal proceedings of new and newly discovered circumstances, which includes two relatively independent stages: pre-production verification of newly discovered evidence or other investigation of new circumstances (production at the Prosecutor); proceedings in

the court, competent to carry out the inspection and revision of a judicial act on the basis of the conclusion of the Prosecutor or submitted by the Chairman of the Supreme Court; the article deals with the reasons and grounds for resumption of proceedings in view of new and newly discovered circumstances; the need for prior verification of the statement about the presence of such circumstances before the proceeding, its procedures and terms; the order of giving the Prosecutor the decision about refusal in excitation of production due to new or newly discovered circumstances; an order notified by the Prosecutor of stakeholders, including the convicted, acquitted person or a person in respect of whom the court dismissed the case, about the decision; features of the investigation of new circumstances; the particularities of the judicial phase of the proceeding in criminal cases due to new and newly discovered circumstances; the author identifies the main problems of legal regulation of investigation of new circumstances: the absence in the code of criminal procedure instructions on necessity of the decision by the investigator on the adoption case initiated by the Prosecutor due to new circumstances, to its production; the absence in the code of criminal procedure any specific timeframe for such investigations; uncertain procedural status of the convicted person, acquitted person, the person criminal case concerning which is stopped when the investigation of new circumstances; the absence in the code of criminal procedure require the production by the investigator of the final document on the results of the investigation.

Key words: criminal justice, the resumption of proceeding in criminal cases of new and newly discovered circumstances, the investigation of new circumstances, the verification of newly discovered circumstances, the prosecutor's conclusions on the need for resumption of proceedings on a criminal case.

References

1. Vedishhev N. P. *Vozobnovlenie proizvodstva po ugovnomu delu vvidu novyh ili vnov' otkryvshihsj obsto-jatel'stv* [Renewal of criminal proceeding in view of new or newly discovered facts]. Moscow, 2003. 256 p.
2. Davydov V. A. *Vozobnovlenie ugovnogo sudoproizvodstva vvidu novyh ili vnov' otkryvshihsj obsto-jatel'stv*. Dis. d-ra jurid. nauk [Renewal of criminal trial in view of new or newly discovered facts. Dr. legal sci. diss.]. Moscow, 2011. 403 p.
3. Zumakulov A. D. *Institut vobuzhdenija proizvodstva po ugovnomu delu vvidu novyh ili vnov' otkry-vshihsj obsto-jatel'stv kak garantija prav i svobod lichnosti*. Dis. kand. jurid. nauk [Institute of initiation of criminal proceeding in view of new or newly discovered facts as a guarantee of the rights and personal freedoms. Cand. legal sci. diss.]. Kislovodsk, 2005. 219 p.
4. Smirnaja L. V. *Sushhnost' i processual'noe znachenie instituta vozobnovlenija ugovnyh del vvidu novyh i vnov' otkryvshihsj obsto-jatel'stv* [Essence and procedural value of institute of renewal of criminal cases in view of new and newly discovered facts]. *Obshhestvo i pravo – Society and law*, 2014, no. 2, pp. 222–225.
5. Sokolov T. V. *Vozobnovlenie proizvodstva po ugovnym delam lic, obrashhavshihsj v Konstitucionnyj Sud Rossijskoj Federacii: real'nost' i perspektivy sovershenstvovaniya ugovno-processual'noj formy* [Renewal of production on criminal cases of the persons appealing to the Constitutional Court of the Russian Federation: reality and prospects of enhancement of a criminal procedure form]. *Sociologija i pravo – Sociology and law*, 2014, no. 1, pp. 82–92.
6. Suprun S. V. *Porjadok naznachenija sudebnogo zasedaniya i rassmotrenija dela po novym ili vnov' otkry-vshihsj obsto-jatel'stvam* [An order of purpose of judicial session and consideration of the case on new or to newly discovered facts]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestuplenijami i inymi pravonarushenijami – Actual problems of fight against crimes and other offenses*, 2014, no. 12-1, pp. 170–172.
7. Harchenko I. R. *Novye obsto-jatel'stva kak osnovanie dlja vozobnovlenija proizvodstva po ugovnomu delu* [New circumstances as basis for renewal of criminal proceeding] *Materialy V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Sovremennye problemy ugovnoj politiki»* [Proc. the International scientific and practical conference «Modern Problems of Criminal Policy»]. Under the editorship of A. N. Il'jashenko. Krasnodar, 2014, vol. III, pp. 165–166.
8. Shatalov A. S. *Pravovye i organizacionnye osnovy vozobnovlenija proizvodstva po ugovnomu delu vvidu novyh ili vnov' otkryvshihsj obsto-jatel'stv* [A legal and organizational basis of renewal of criminal proceeding in view of new or newly discovered facts]. *Voprosy pravovedeniya – Jurisprudence questions*, 2013, no. 4, pp. 338–357.

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА КИКОТЬ-ГЛУХОДЕДОВА,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного права
(Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя),
e-mail: support@mosu-mvd.com

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ НАЦИОНАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ В США

Реферат: в статье анализируются организационные основы деятельности специализированных государственных органов, обеспечивающих национальную безопасность США; отмечается, что такие органы составляют основу потенциала национальной безопасности США, их организационная структура напрямую зависит от государственного устройства США, а также имеющихся особенностей исторического развития и правовой культуры населения страны.

Уделяется внимание органам исполнительной власти США, так как именно они выполняют основной объем работы в рассматриваемой сфере. Вместе с тем вклад в обеспечение национальной безопасности законодательной и судебной ветвей власти государства не менее значим, просто он более универсален – особой разницы в функционировании этих ветвей власти в разных государствах нет.

Рассматриваются особенности организации системы обеспечения национальной безопасности США.

Ключевые слова: система обеспечения национальной безопасности, внутренняя и внешняя безопасность государства, органы государственной власти, государственное устройство, США.

Сточки зрения правосубъектности в системе обеспечения национальной безопасности (СОНБ) абсолютно любого государства можно выделить три группы государственных органов:

1. Определяющие и реализующие политику обеспечения национальной безопасности государства.
2. Специализированные государственные органы, главная задача которых – непосредственное обеспечение национальной безопасности.
3. Содействующие (вспомогательные) государственные органы, которые в процессе своей деятельности содействуют специализированным государственным органам в обеспечении национальной безопасности.

Соединенные Штаты традиционно отличаются множественностью структур в системе органов исполнительной власти, отвечающих за внешнюю и, особенно, за внутреннюю безопасность в стране.

США первыми в мире еще в 1947 г. приняли Закон «О национальной безопасности», в соответствии с которым предусмотрено создание специального ключевого органа – Совета национальной безопасности – высшего надведомственного государственного органа, рассматривающего все стратегические вопросы обеспечения национальной безопасности страны. Состав его участников, структура Совета и порядок его деятельности находятся в исключительной компетенции президен-

та США. Работу аппарата Совета возглавляет назначаемый президентом помощник президента США по национальной безопасности [1, с. 142].

Решения Совета оформляются директивой или исполнительным приказом президента США и являются обязательными для всех.

Основными специализированными федеральными государственными органами, обеспечивающими национальную безопасность в США, являются: Государственный департамент, Министерство обороны, Министерство внутренней безопасности, Министерство юстиции, Министерство финансов, Министерство энергетики.

Важное место в администрации президента США занимает пост государственного секретаря (так в США называют министра иностранных дел). Возглавляемый им Государственный департамент США (аналог министерства иностранных дел) реализует на практике внешнеполитический курс главы государства и Конгресса. В структуре данного ведомства имеется свое разведывательное и аналитическое подразделение, обобщающее информацию (по внешнеполитическим вопросам) с последующим докладом госсекретарю.

Министерство обороны США – самое мощное, многочисленное и затратное министерство, составляющее основу военной мощи США и отвечающее за реализацию задач по обеспечению как внешней, так и внутренней безопасности страны,

которое возглавляет министр обороны (только гражданское лицо), назначаемый президентом с согласия Сената. Высшим постом в министерстве обороны, возглавляемым профессиональным военным, является должность председателя Объединенного комитета начальников штабов (ОКНШ) – именно он с помощью начальников штабов видов вооруженных сил, коменданта морской пехоты и Объединенного штаба осуществляет постоянное профессиональное руководство и непосредственное оперативное управление вооруженными силами.

Министру обороны, кроме его аппарата, непосредственно подчиняются министры видов вооруженных сил (армии, ВВС, ВМС) – только гражданские лица, которые назначаются президентом страны с согласия Сената и осуществляют административное управление видами вооруженных сил с помощью начальников штабов – профессиональных военных, которые входят по должности совместно с комендантом морской пехоты в ОКНШ.

Назначение на министерские посты в вооруженные силы Соединенных Штатов исключительно гражданских лиц – давняя политическая традиция. Так гражданское общество боится от возможного незаконного вмешательства военных в политическую жизнь. Одновременно это и важная антикоррупционная мера.

Таким образом, административное управление (боевая подготовка личного состава и закупка вооружения и техники) осуществляется министерствами армии (сухопутные войска), ВВС и ВМС, а оперативное управление (руководство боевыми действиями) возлагается на объединенные командования вооруженных сил, созданных по функциональному или территориальному принципу [2, с. 126–127, 177].

В составе центрального аппарата Министерства обороны на правах самостоятельного структурного подразделения функционирует Разведывательное управление (РУМО), а в министерствах армии, ВВС и ВМС – разведывательные управления этих ведомств, которые осуществляют военную и техническую разведку по направлениям деятельности.

Министерство обороны наряду с Государственным департаментом и Министерством внутренней безопасности является одним из главных ведомств в борьбе с наркотерроризмом. С этой целью в структуре центрального аппарата министерства создана новая должность – помощник заместителя министра обороны по борьбе с наркотиками и глобальными угрозами. Ему подчиняется специально созданное по инициативе президента Б. Клинтона в 1996 г. Управление контрнаркотической программы Министерства обороны США [3, с. 42, 48].

Кроме того, в структуре штаба армии функционирует на постоянной основе специальный орган – Директорат по борьбе с гражданскими беспорядками [4, с. 14]. Совместно с Бюро национальной гвардии, которое также является структурным подразделением штаба армии, военнослужащие этого директората обеспечивают организацию непрерывного взаимодействия с правоохранительными органами федерации и штатов с целью оказания им необходимой помощи, если ресурсов гражданских властей будет не хватать и ситуация окажется критической.

Необходимый правопорядок в вооруженных силах США обеспечивает корпус военной полиции – в каждой дивизии имеется рота военной полиции.

Агентство национальной безопасности (АНБ) – самостоятельное структурное подразделение Министерства обороны и одновременно самая закрытая и великолепно технически оснащенная специальная служба США. Его руководитель (профессиональный военный) назначается президентом США с согласия Сената. Задача этой спецслужбы – шифровка и дешифровка, техническая и электронная разведка, а также криптографическое обеспечение деятельности правительственных органов США. Многие из деятельности этой специальной службы стало известно широкой мировой общественности благодаря скандальным разоблачениям Эдварда Сноудена, но сам за себя говорит бюджет АНБ – последние три года он стабильно превышает 10 миллиардов долларов, а ведь еще есть и закрытые (секретные) статьи.

Центральное разведывательное управление (ЦРУ) – орган политической разведки, созданный для проведения тайных операций за пределами страны. Директор ЦРУ назначается президентом США с согласия Сената, и он же, как правило, одновременно является директором Центральной службы разведки – недавно созданного органа, призванного координировать усилия многочисленных разведывательных подразделений различных ведомств: Госдепартамента, Министерства обороны, Министерства внутренних дел, Министерства юстиции, Министерства финансов и Министерства энергетики.

После терактов 11 сентября 2001 г. было создано Министерство внутренней безопасности. Это была самая масштабная и теперь уже, как показало время, успешная реформа спецслужб за всю историю США, проведенная с явным учетом опыта деятельности как КГБ, так и МВД СССР.

После Министерства обороны Министерство внутренней безопасности (МВБ) – самое многочисленное и затратное министерство, которое состоит из 22 структурных подразделений – 14 из них занимаются обеспечением деятельности 8 бое-

вых структур, каждое из которых представляет собой самостоятельную службу, решающую задачи по обеспечению внутренней безопасности страны в конкретной сфере.

МВБ и все руководители указанных ниже его структурных подразделений назначаются президентом США с согласия Сената и, по сути, возглавляют относительно самостоятельные федеральные полицейские или специальные службы, но в рамках единого ведомства.

В настоящее время МВБ США состоит из следующих боевых служб:

- управление разведки и анализа, отвечающее за сбор, систематизацию и анализ любой информации, касающейся внутренней безопасности страны и поступающей от всех министерств и ведомств США;

- управление федеральной воздушной маршальской службы, обеспечивающее безопасность гражданских воздушных перевозок на территории Соединенных Штатов;

- служба береговой охраны, которая выполняет в полном объеме функции морской полиции, а также обеспечивает безопасность прибрежных морских коммуникаций и портов США. Ранее входила в состав Министерства транспорта;

- федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям (ФЕМА) – ранее была самостоятельной службой и подчинялась непосредственно президенту США. По выполняемым функциям и задачам – полное подобие российского МЧС;

- управление по борьбе с наркотиками (ДЕА) – ранее входило в состав Министерства юстиции;

- секретная служба – ранее была в составе Министерства финансов, занимается борьбой с фальшивомонетничеством и подделкой государственных ценных бумаг, а также личной охраной президента США и иных высших должностных лиц страны;

- таможенное бюро – ранее входило в состав Министерства финансов, осуществляет реализацию таможенной политики на территории США;

- служба иммиграции и натурализации – ранее входила в состав Министерства труда, а затем – Министерства юстиции, осуществляет контроль за законностью въезда в США, выдает виды на жительство, обеспечивает надлежащий порядок натурализации и следит за законностью пребывания иностранцев на территории страны.

Следующим органом исполнительной власти в СОНБ США является Министерство юстиции, которое традиционно является одним из важнейших министерств в американском правительстве, а должность министра юстиции (Генерального атторнея) – одна из самых ответственных в сфере обеспечения внутренней безопасности страны.

Министр юстиции США является непосредственным руководителем трех мощных федеральных правоохранительных ведомств: Службы маршалов, Федерального бюро расследований (ФБР) и Федерального бюро тюрем (ФБТ). Возглавляют эти ведомства гражданские лица, которых назначает на должность президент страны с согласия Сената.

Служба маршалов обеспечивает охрану зданий федеральных судов, личную безопасность федеральных судей (а в случае необходимости присяжных, прокуроров, свидетелей и членов их семей), исполнение их решений, а также конвоирование подсудимых в ходе судебного процесса и после вынесения обвинительного приговора к месту отбывания наказания – в федеральную тюрьму.

Федеральное бюро тюрем осуществляет реализацию исполнения наказания за совершение федеральных преступлений по приговорам, вынесенным федеральными судами.

Всемирно известное ФБР США – федеральный правоохранительный орган, сочетающий в себе функции контрразведки, политической и уголовной полиции.

ФБР является головным ведомством среди многочисленных силовых органов исполнительной власти Соединенных Штатов по борьбе с терроризмом. Кроме того, ФБР является главным координатором как федеральных, так и штатных полицейских органов страны, а также многочисленных полицейских управлений городов и графств (округов) в борьбе с преступностью

В структуре Министерства финансов США имеются две федеральные полицейские службы, руководители которых также назначаются президентом страны с согласия Сената: Служба внутренних доходов и Бюро по контролю за оборотом табака, алкоголя, огнестрельного оружия и взрывчатых веществ (АТФ). Служба внутренних доходов (СВД) сочетает в себе функции налоговой полиции и обычной налоговой службы, собирающей налоги у законопослушных налогоплательщиков. Бюро по контролю за оборотом табака, алкоголя, огнестрельного оружия и взрывчатых веществ осуществляет лицензионную деятельность на указанные товары, а также проводит расследования по фактам любых правонарушений в указанной сфере.

Следующим органом исполнительной власти в СОНБ является Министерство энергетики США, которое отвечает за получение и использование как в гражданских, так и в военных целях атомной энергии, получаемой из 100 атомных реакторов на 62 атомных станциях. Все полицейские органы, обеспечивающие охрану АЭС, подчиняются министру энергетики.

Мы рассмотрели организационную структуру федеральных органов исполнительной власти, не-

посредственно обеспечивающих национальную безопасность Соединенных Штатов. При этом следует иметь в виду, что важным компонентом, достаточно надежно дополняющим федеральные силы и в основном обеспечивающим внутреннюю безопасность страны, является следующий уровень – уровень субъектов федерации (штатов).

В соответствии с Конституцией США основную ответственность за обеспечение правопорядка на территории субъекта федерации несет правительство штата. 10-я поправка Билля о правах, принятая в 1791 г., гласит: «Полномочия, которые не делегированы Соединенным Штатам настоящей Конституцией и пользование которыми не запрещено ею отдельным штатам, сохраняются соответственно за штатами либо за народом». В связи с этим в конституциях и законах штатов, принятых во исполнение Основного Закона страны, всесторонне регламентируется порядок обеспечения внутренней безопасности штата.

Глава исполнительной власти штата – всенародно избранный населением субъекта федерации губернатор – обеспечивает исполнение федеральных законов и законов штата. Он является командующим частями и соединениями национальной гвардии, дислоцированными на территории штата. В случае необходимости губернатор имеет право вводить режим чрезвычайного положения в отдельных административных единицах штата или на всей его территории и привлекать к решению полицейских задач части Национальной гвардии.

Полицейская система штатов децентрализована и состоит из полицейских органов округов (графств), полиции городов и полиции штата.

Можно сделать вывод о том, что полицейская система США сознательно в наиболее возможной степени децентрализована и диверсифицирована с целью максимального приближения деятельности полиции к нуждам населения.

Несомненным достоинством исторически сложившейся в США полицейской системы является ее минимальная бюрократизация и максимально возможная ориентация на нужды населения на муниципальном уровне, а также организационная и финансовая самостоятельность многочисленных муниципальных полицейских агентств при сохра-

нении довольно жесткого контроля со стороны многочисленных федеральных полицейских органов и специальных служб за законностью их деятельности.

Диверсификация деятельности полицейских органов как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов федерации и муниципалитетов позволяет достаточно успешно бороться с коррупцией, в том числе в самих правоохранительных органах.

Пенитенциарная система Соединенных Штатов имеет специфические особенности, так как состоит из двух организационно и финансово независимых компонентов: федеральной пенитенциарной системы, возглавляемой Федеральным бюро тюрем Министерства юстиции США, и пенитенциарной системы субъектов федерации, возглавляемой начальником соответствующего департамента, который назначается губернатором штата. Во всех федеральных тюрьмах отбывают наказание заключенные, осужденные за совершенные преступления федеральными судами (их чуть более 10 % от всего количества тюремного населения страны). Содержатся они, впрочем, как и сотрудники, обеспечивающие их изоляцию, исключительно за счет федерального бюджета, а в тюрьмах штатов – за счет средств штата (осужденных судами штата чуть более 2 млн человек).

Таким образом, федеративное устройство предопределяет некую двухэтажность деятельности полицейской и пенитенциарной систем как важнейших элементов СОНБ США, обеспечивающих внутреннюю безопасность страны в полном объеме. Однако в случае необходимости к работе привлекаются соответствующие федеральные органы исполнительной власти, которые не только эффективно страхуют органы государственной власти субъекта федерации, но и обеспечивают необходимый уровень внешней безопасности страны.

В заключение отметим высокую эффективность функционирования органов исполнительной власти, входящих в СОНБ США, которая была бы невозможна без надлежащего финансирования и качественной работы органов законодательной власти и эффективной работы судебной системы.

Список литературы

1. Конституционно-правовой статус Совета Безопасности Российской Федерации : учеб. пособие / под общ. ред. Н. П. Патрушева. М., 2009. 256 с.
2. Бондяев Д. А., Кикоть-Глухоедова Т. В. Основы организации и деятельности вооруженных сил США во внутригосударственных операциях. М., 2012. 105 с.
3. Борьба с преступностью за рубежом : сборник. М., 2014. № 2. С. 37–40.
4. Бондяев Д. А. Правовые и организационные основы деятельности вооруженных сил по обеспечению внутренней безопасности США : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 31 с.

TATYANA VLADIMIROVNA KIKOT'-GLUHODEDOVA,
candidate of law sciences, associate professor,
associate professor of constitutional right
(Kikot Moscow university of the Ministry of the interior of Russia)
e-mail: support@mosu-mvd.com

ORGANIZATIONAL ASPECTS OF ACTIVITIES OF THE SPECIALIZED STATE BODIES ENSURING THE HOMELAND SECURITY IN THE USA

Abstract: in article organizational bases of activities of the specialized state bodies ensuring a homeland security of the USA are analyzed; it is noted that such bodies constitute a basis of potential of a homeland security of the USA, their organizational structure directly depends on a state system of the USA, and also the available features of historical development and legal culture of the population of the country.

The attention is paid to executive bodies of the USA as they carry out the main amount of work in the considered sphere. At the same time a contribution to ensuring national security of legislative and judicial branches of the power of the state we mean at least, just it is more universal – there is no special difference in functioning of these branches of the power in the different states.

Features of the organization of system of ensuring national security of the USA are considered.

Key words: system of ensuring national security, internal and external security of the state, public authorities, state system, USA.

References

1. Konstitucionno-pravovoj status Soveta Bezopasnosti Rossijskoj Federacii [Constitutional legal status of Security Council of the Russian Federation]. Under the editorship of N. P. Patrushev. Moscow, 2009. 256 p.
2. Bondjaev D. A., Kikot'-Gluhodedova T. V. Osnovy organizacii i dejatel'nosti vooruzhennyh sil SShA vo vnutrigosudarstvennyh operacijah [Bases of the organization and activities of armed forces of the USA in interstate transactions]. Moscow, 2012. 105 p.
3. Bor'ba s prestupnost'ju za rubezhom [Fight against crime abroad]. Moscow, 2014, vol. 2, pp. 37–40.
4. Bondjaev D. A. Pravovye i organizacionnye osnovy dejatel'nosti vooruzhennyh sil po obespecheniju vnutrennej bezopasnosti SShA. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Legal and organizational basis of activities of armed forces for ensuring internal security of the USA. Cand. legal sci. diss. abstract]. Moscow, 2011. 31 p.

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КУТУКОВ,

кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры организации
оперативно-розыскной деятельности,
e-mail: ser.kutukov@yandex.ru;

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ СМИРНОВ,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры организации оперативно-розыскной деятельности
(Академия ФСИН России),
e-mail: smirnov_sergey77@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОЗЫСКА ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ К НАКАЗАНИЯМ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА

Реферат: в статье рассматриваются актуальные вопросы и проблемы розыска лиц, осужденных к наказаниям без изоляции от общества, а также наиболее эффективные пути их решения. Для выявления существующих проблем в указанной сфере был использован метод сравнительного анализа, проведено социологическое исследование среди сотрудников оперативных подразделений учреждений и органов уголовно-исполнительной системы.

Анализ научных источников, статистических данных и результатов практической деятельности позволил сделать следующие выводы:

в правовом регулировании розыска лиц, осужденных к наказаниям без изоляции от общества, существует ряд противоречий и пробелов;

порядок организации и осуществления розыска данной категории лиц на практике имеет множество проблем;

совершенствование розыскной работы в этом направлении требует внесения изменений и дополнений в некоторые правовые акты, а также более четкой регламентации отдельных процедур (например, задержания указанных лиц, заключения их под стражу);

розыск лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, должен осуществляться в постоянном взаимодействии уголовно-исполнительных инспекций и оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы с органами внутренних дел;

одним из направлений повышения эффективности розыскной работы в уголовно-исполнительной системе является внесение корректив в судебную практику по рассмотрению дел об изменении вида уголовного наказания и избрании меры пресечения в виде заключения под стражу для лиц, осужденных к наказаниям без изоляции от общества.

Ключевые слова: розыск, задержание, наказания без изоляции от общества, исправительные работы, обязательные работы, условно осужденные, отсрочка отбывания наказания, уголовно-исполнительные инспекции, оперативно-розыскная деятельность, первоначальные мероприятия, подразделения розыска.

Проблема розыска лиц, осужденных к наказаниям без изоляции от общества, всегда остро стояла перед уголовно-исполнительной системой и органами внутренних дел. Однако долгое время практически отсутствовало правовое регулирование этого вопроса, и лишь с принятием Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» данная задача получила свое закрепление в Уголовно-исполнительном кодексе (УИК) РФ. Введенная указанным законом ст. 18.1 УИК РФ хотя и

упорядочила и законодательно закрепила полномочия подразделений ФСИН России, в то же время породила большое количество правовых и организационных проблем, возникающих при ее практическом применении. Кроме того, именно возложенные обязанности по розыску рассматриваемой категории лиц на оперативные подразделения ФСИН России привело к тому, что в период с 2012 по 2015 год отмечалось резкое увеличение количества розыскных дел в отношении лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, которые уклонились от отбывания наказания и контроля уголовно-исполнительных инспекций (УИИ).

Статья 18.1 УИК РФ предусматривает проведение розыскных мероприятий в отношении пяти категорий осужденных: к наказаниям в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, условно осужденных, осужденных с отсрочкой отбывания наказания, которые уклоняются от контроля УИИ.

Объявление в розыск лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, в соответствии со ст. 18.1 УИК РФ происходит на основании материалов первоначальных розыскных мероприятий, поступивших из УИИ. Однако именно с первоначального этапа проведения розыскных мероприятий, а также в ходе последующих действий возникает большое количество проблем как правового, так и организационного характера.

На наш взгляд, наиболее сложная в правовом и организационном аспекте ситуация сложилась при розыске двух категорий – это условно осужденные [2, с. 13–14] и осужденные с отсрочкой отбывания наказания.

Проведенный нами анализ законодательства показал, что в настоящее время отсутствуют нормы, регулирующие порядок задержания указанных лиц, и не только срок их задержания, но и само право сотрудников ФСИН России их задерживать. Не закреплены также места их доставления и содержания, так как в п. 18 ст. 397 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РФ данные категории не указаны, то есть применить к ним меру пресечения в виде заключения под стражу нельзя. На практике же подобные правовые коллизии приводят к тому, что разыскивать можем, а задерживать и заключать под стражу нет.

Этот вопрос возник не случайно, так как любое незаконное задержание (то есть задержание по основаниям, не указанным в законе) предусматривает уголовную ответственность в соответствии со ст. 301 Уголовного кодекса (УК) РФ. Следовательно, подразделения розыска в силу наличия пробелов в законодательстве могут сами стать субъектами уголовной ответственности при выполнении своих функциональных обязанностей.

В настоящее время на практике процесс розыска указанной категории лиц выглядит следующим образом. В отдел розыска поступают материалы первоначальных розыскных мероприятий (ПРМ) на скрывшегося от контроля УИИ условно осужденного, место нахождения которого в течение 30 суток не установлено. Отдел розыска заводит розыскное дело и согласно ст. 18.1 УИК РФ объявляет его в розыск. В это время УИИ в соответствии с ч. 4 ст. 190 УИК РФ, п. 5 ч. 1 ст. 399 и ч. 2 ст. 399 УПК РФ выносит в суд представление об отмене условного осуждения и исполнении наказания в виде лишения свободы, назначенного по при-

говору суда. Суд, в свою очередь, отклоняет его, так как не может отменить условное осуждение без извещения лица, известить которое невозможно, так как оно находится в розыске.

В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) лицо разыскивают и задерживают (лучше, если это сделают сотрудники полиции), но на срок не более трех часов (для проверки документов до выяснения обстоятельств в соответствии с Федеральным законом «О полиции»), так как лицо можно задержать без составления протокола или рапорта о задержании только на указанный срок, после чего его доставляют в суд (ибо задержание до 48 часов не предусмотрено законодательством). Здесь усматривается коллизия закона, так как суд в срочном порядке (в дежурные сутки) рассматривает только материалы о заключении под стражу, а все остальные дела – в порядке, предусмотренном УПК РФ.

Так, на основании ч. 2 ст. 399 УПК РФ суд должен известить лицо о дате, времени и месте судебного заседания (для рассмотрения вопроса об отмене условного осуждения) не позднее чем за 14 суток до дня судебного заседания.

Согласно этой норме суд извещает разысканное лицо о дате и времени судебного заседания и отпускает его. Если лицо не является в назначенное время на судебное заседание, УИИ снова проводит ПРМ, вновь собираются материалы и лицо объявляется в розыск, так как прежнее дело уже закрыто в связи с тем, что лицо было разыскано и доставлено в суд или к инспектору УИИ. И так может повторяться многократно: лицо вновь объявляется в розыск, задерживается, передается в УИИ, далее в суд и суд снова отпускает, так как он обязан оповестить всех участников процесса (УИИ, задержанного, прокурора, адвоката) в срок до 14 суток до дня судебного заседания и только потом рассмотреть представление об отмене условного осуждения.

Следующим проблемным вопросом при розыске лиц, осужденных к наказаниям без лишения свободы, является задержание осужденных к обязательным работам, исправительным работам и ограничению свободы. В случае установления их местонахождения, в соответствии с ч. 2 ст. 30, ч. 4 ст. 46, ч. 6 ст. 58 УИК РФ, они подлежат задержанию на срок до 48 часов. Однако в законодательстве Российской Федерации нет правовых норм, регламентирующих задержание сотрудниками УИС разыскиваемых лиц и применение к ним физической силы. Не определены и места содержания разысканных осужденных (на срок до 48 часов).

В настоящее время возникают проблемы с задержанием указанных осужденных на срок до 48 часов, когда в отношении их мера пресечения в виде заключения под стражу судом не избрана. Даже при наличии судебного постановления о за-

держании на этот период территориальные органы полиции не всегда используют эту возможность. Задержание осужденного в ОВД до 48 часов осуществляется в строгом соответствии с требованиями действующего законодательства (ч. 2 ст. 30, ч. 4 ст. 46, ч. 6 ст. 58 УИК РФ), согласно которым злостно уклоняющийся от отбывания наказания осужденный, местонахождение которого неизвестно, объявляется в розыск и может быть задержан на срок до 48 часов, и данный срок может быть продлен судом до 30 суток.

Так, на основании пп. 2 и 4 ч. 2 ст. 14 Федерального закона «О полиции» полиция имеет право задерживать на срок до 48 часов лиц, уклоняющихся от отбывания уголовного наказания, до передачи их соответствующим органам, учреждениям или должностным лицам этих органов и учреждений. В течение этого времени сотрудники УИИ должны успеть подготовить необходимые материалы в суд для продления срока задержания до 30 суток либо для решения вопроса о замене (отмене) назначенного наказания на лишение свободы. Однако из ведомственного приказа МВД России был исключен пункт, согласно которому в изоляторе временного содержания (ИВС) могли содержаться лица, задержанные на срок до 48 часов, из числа осужденных к обязательным или исправительным работам, скрывшиеся с места жительства и объявленные в розыск.

Одной из проблем организационно-правового характера при розыске указанных категорий лиц является то, что при возбуждении уголовного дела по ст. 313 УК РФ органами дознания полиции в отношении осужденного, совершившего побег, постановление об объявлении в розыск в порядке ст. 210 УПК РФ выносится несвоевременно, мера пресечения в виде заключения под стражу не избирается.

Еще одно проблемное направление организации розыскной работы в отношении данных категорий лиц – это судебная практика в данной сфере.

Так, при рассмотрении представления на осужденного, скрывшегося от контроля УИИ, в отношении которого заведено розыскное дело, суд не берет его под стражу, а осуждает к отбыванию наказания в виде лишения свободы в колонии-поселении с самостоятельным следованием. Из этого вытекает, что осужденный, состоящий на учете в УИИ, не отвечает назначенное ему наказание, не связанное с лишением свободы, более того, умышленно скрывается, в результате чего в соответствии с требованиями пп. 141–145 приказа Минюста России от 20 мая 2009 г. № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» УИИ проводит комплекс ПРМ, а по истечении установленного срока передает материалы в порядке

ст. 18.1 УИК РФ в отделение розыска для заведения розыскного дела. После задержания осужденного суд, рассматривая представление УИИ, не берет его под стражу, а назначает самостоятельное следование. Кроме того, нередки случаи, когда при рассмотрении представления о замене наказания, не связанного с лишением свободы, на лишение свободы суд не принимает во внимание то, что осужденный находился в розыске, уже содержится под стражей, и назначает ему лишение свободы с самостоятельным следованием в колонию-поселение, а следовательно, дает ему возможность повторно уклониться от отбывания наказания в виде лишения свободы. Суд предоставляет право следовать в колонию-поселение самостоятельно и неоднократно судимым лицам, в том числе за тяжкие преступления, ранее отбывавшим наказание в исправительных учреждениях, не имеющих постоянной регистрации, а значит, он не учитывает тот факт, что эти лица не осознали свою вину за прежние преступления и совершают новые.

Значительное количество осужденных, которым наказания, не связанные с лишением свободы, заменены на лишение свободы, к месту отбывания наказания в колонию-поселение следуют самостоятельно, однако судом при вынесении решения не учитывается, что до осуждения они не имели определенного места жительства, многие находились в розыске, не работали, вели аморальный образ жизни, были склонны к употреблению алкогольных и наркотических средств, умышленно уклонялись от отбывания наказания в УИИ.

Помимо этого, одно из требований суда при рассмотрении вопроса о задержании лица на срок до 30 суток – наличие медицинской справки о возможности осужденного по состоянию здоровья находиться в местах лишения свободы. Для получения данного документа сотрудникам подразделений УИИ, не имеющим спецсредств и оружия, необходимо конвоировать лицо, находящееся в розыске, в медицинское учреждение.

Перечисленные факты усложняют проведение оперативно-розыскных мероприятий и затрудняют исполнение судебных решений.

На основании изложенного при вынесении судебных решений полагаем целесообразным предоставлять право самостоятельного следования в колонию-поселение осужденным с учетом их личности, образа жизни, материального положения, наличия судимостей и регистрации, условий отбывания наказания в УИИ, их желаний и возможностей воспользоваться этим видом следования.

При розыске указанных категорий лиц также возникают проблемы в процессе взаимодействия с правоохранительными органами [1, с. 78] в случаях установления ими местонахождения осужденных, скрывшихся от контроля УИИ, среди них:

отказ сотрудников полиции в задержании осужденных, уклонившихся от отбывания наказания, не связанного с изоляцией от общества, скрывшихся от контроля УИИ;

отказ сотрудников полиции в составлении протоколов задержания в отношении указанной категории лиц;

своевременное уведомление инициатора розыска сотрудниками полиции при составлении административного протокола на осужденных, уклонившихся от отбывания наказания, не связанного с изоляцией от общества, скрывшихся от контроля УИИ;

отказ сотрудников конвойной службы принимать осужденного, находящегося в состоянии алкогольного опьянения, со ссылкой на положение соответствующего приказа.

Многие обозначенные вопросы организационного и правового характера решаются путем принятия на уровне территориальных органов ФСИН и МВД России совместных приказов (соглашений) о розыске лиц, осужденных к наказаниям без изоляции от общества.

С целью обеспечения законности при задержании лиц, находящихся в розыске, полагаем возможным и необходимым дополнить:

1) ч. 1 ст. 397 УПК РФ – п. 18.2, где предусмотреть заключение под стражу объявленного в розыск условно осужденного, скрывшегося от контроля УИИ, до рассмотрения судом вопроса об отмене условного осуждения, и п. 18.3, в котором установить возможность заключения под стражу на срок не более чем на 30 суток объявленного в розыск осужденного с отсрочкой отбывания наказания до рассмотрения судом вопроса об отмене отсрочки отбывания наказания;

2) Правила внутреннего распорядка ИВС – словами «задержанных лиц», так чтобы по тексту и смыслу слов в ИВС могли содержаться не только обвиняемые и подозреваемые в совершении пре-

ступлений, но и задержанные, в том числе уклоняющиеся от отбывания наказания.

Основными задачами совершенствования правового регулирования рассматриваемой деятельности являются:

– определение на законодательном уровне органа, уполномоченного объявлять в розыск и осуществлять оперативно-розыскную деятельность в отношении осужденных, которым наказание без изоляции от общества заменено на лишение свободы либо отменено условное осуждение или отсрочка отбывания наказания;

– подготовка предложений по внесению изменений в законодательство Российской Федерации в части содержания разысканных осужденных, уклоняющихся от отбывания уголовного наказания, до 48 часов в специально выделенных помещениях колоний-поселений, следственных изоляторов либо иных специальных помещений;

– подготовка предложений по внесению изменений в законодательство Российской Федерации в целях установления ответственности в отношении лиц, уклонившихся от получения предписания для направления в колонию-поселение или не прибывших к месту отбывания наказания, а также лиц, уклонившихся от контроля УИИ;

– законодательное определение задержания осужденных, находящихся в розыске, сотрудниками территориальных органов ФСИН России.

Лишь комплексное решение накопившихся проблем в данной сфере и приведение порядка и условий отбывания наказания осужденных в соответствие с целями и задачами уголовно-исполнительного законодательства позволят уменьшить число осужденных, находящихся в розыске и скрывающихся от отбывания наказания, а также более эффективно организовать розыскную работу оперативных и иных подразделений ФСИН России.

Список литературы

1. Кутуков С. А., Смирнов С. Н. Организационно-правовые проблемы информационного взаимодействия Федеральной службы исполнения наказаний с другими правоохранительными органами по противодействию преступности // Человек: преступление и наказание. 2014. № 4. С. 77–83.
2. Расторопов С. В. Актуальные вопросы отмены условного осуждения с исполнением наказания, назначенного по приговору суда // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2. С. 12–15.

SERGEY ALEKSANDROVICH KUTUKOV,

phd in law, associate professor,
deputy head, organization operational search activity department,
e-mail: ser.kutukov@yandex.ru;

SERGEY NIKOLAYEVICH SMIRNOV,

phd in law, associate professor,
associate professor, organization operational search activity department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: smirnov_sergey77@mail.ru

ACTUAL PROBLEMS OF SEARCH OF PERSONS SENTENCED TO PUNISHMENT WITHOUT ISOLATION FROM SOCIETY

Abstract: the article deals with current issues and problems of searching persons sentenced to punishment without isolation from society, as well as the most effective solutions. For specifying, the existing problems in this area the author reviews a method of comparative analysis for conducted a sociological study among the employees of operational units of the institutions and bodies of the penal system.

Analysis of scientific sources, statistics, and results of practical activities led to the following conclusions:

There is a number contradictions and gaps in the legal regulation of investigation of persons sentenced to punishment without isolation from society;

– there are many problems connected with the order of organization, implementation and investigation referring to this category of persons in practice;

– improvement of investigative work in this direction requires changes and additions in some legal acts, as well as a more precise regulation of specific procedures (for example, detention of these persons, of their imprisonment);

– search of sentenced persons not connected with deprivation of liberty must be carried out in constant interaction between criminal-executive inspections and operational implied divisions of criminal executive system of internal Affairs bodies;

– one of the ways to increase the effectiveness of investigative work in the prison system is making adjustments to current judicial practice in cases about changing the type of criminal punishment and preventive measure in form of detention for persons sentenced to punishment without isolation from society.

Key words: search, detention, punishment without isolation from society, corrective works, obligatory works, conditionally convicted, the postponement of serving of punishment, penal inspection, operational-search activity, initial activities, units of investigation.

References

1. Kutukov S. A., Smirnov S. N. Organizacionno-pravovye problemy informacionnogo vzaimodejstviya Federalnoj sluzhby ispolneniya nakazanii s drugimi pravoohranitelnymi organami po protivodejstviyu prestupnosti [Organizational and legal problems of information exchange of Federal Penitentiary Service with other law enforcement agencies on counteraction of crime]. Chelovek: prestupleniye i nakazaniye – Man: crime and punishment, 2014, no. 4, pp. 77–83.

2. Rastoropov S. V. Aktualnyie voprosyi otmenyi uslovnogo osuzhdeniya s ispolneniem nakazaniya, naznachennogo po prigovoru suda [Topical issues of the abolition of the suspended sentence, with the execution of the punishment appointed on a sentence of court of]. Ugolovno-ispolnitelnoe pravo – Penal law, 2014, no. 2, pp. 12–15.

ВАЛЕРИЙ ФЕДОРОВИЧ ЛАПШИН,кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного права
(Академия ФСИН России),
e-mail: kapitan-44@yandex.ru**СРЕДСТВА ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
В НОВЕЙШЕЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ**

Реферат: в результате проведенного исследования представлено обоснование отсутствия необходимости выделения в современной системе российского права дополнительных видов юридической ответственности, а равно включения в систему уголовного законодательства категории «уголовный проступок». Новые виды юридической ответственности не предполагают введение новых видов мер принуждения к лицам, совершившим соответствующие правонарушения. Все виды наказаний будут заимствованы из административного права. По этой причине выделение из административной ответственности иных видов ответственности принципиально не отразится ни на применяемых к правонарушителям мерах государственного принуждения, ни на особенностях их назначения или исполнения.

Включение в уголовное законодательство категории «уголовный проступок» принесет больше вреда, чем пользы. Положительное решение данного вопроса приведет к законодательному закреплению возможности существования в уголовном законе правонарушений, общественная опасность которых сравнима с опасностью административного деликта. В свою очередь, это устранил четкие границы между административной и уголовной ответственностью. В силу этого наиболее перспективным является решение об исключении значительного количества норм уголовного закона, устанавливающих ответственность за совершение отдельных преступлений небольшой или средней тяжести, общественная опасность которых весьма условна.

Ключевые слова: система права, общественная опасность, дифференциация юридической ответственности, дифференциация уголовной ответственности, правонарушение, уголовный проступок, преступление, наказание.

Дифференциация уголовной ответственности и в целом, и за совершение преступлений определенной группы, и за совершение отдельного преступления, несмотря на неоспоримо высокую значимость, является частью более емкой политико-правовой категории – межотраслевой дифференциации юридической ответственности. Она присутствует уже на первых этапах разделения всего национального права на отдельные отрасли в зависимости от предмета правового регулирования. В связи с этим в научной литературе справедливо отмечено то, что дифференциация юридической ответственности представляет собой законодательное установление форм и видов ответственности на основании типичных особенностей обособленных групп правонарушений [5, с. 5–6].

Разделение всего права по отраслям осуществляется на основании специфического круга общественных отношений – предмета правового регулирования. В свою очередь, существование множества отраслей права предопределяет наличие нескольких видов юридической ответственности, которые присущи отдельной отрасли или совокуп-

ности отраслей российской системы права. Для каждого вида ответственности существует определенный набор мер негативного воздействия на лиц, нарушивших установленное нормами соответствующей отрасли (отраслей) права правило поведения. При этом степень интенсивности негативного воздействия (тяжести наказания), применяемого к правонарушителю, находится в пропорциональной зависимости от степени тяжести правонарушения, то есть его общественной опасности. Исходя из этого в современном российском праве выделяются, как минимум, четыре вида юридической ответственности: 1) гражданско-правовая, 2) дисциплинарная, 3) административная, 4) уголовная.

Виды правонарушений, предусмотренные нормами гражданского законодательства РФ, обладают наименьшей общественной опасностью в сравнении с иными видами правонарушений. По этой причине гражданско-правовая ответственность, как правило, сводится к применению двусторонней реституции, то есть восстановлению материального положения сторон до вступления в договорные отношения, а также к применению мер компенсационного характера за причиненные убытки

имущественного и (или) морального характера.

Дисциплинарный проступок характеризуется большей общественной опасностью по сравнению с гражданско-правовым деликтом, поскольку посягает на более значимые общественные отношения: трудовые, уголовно-исполнительные, служебные и др. По этой же причине дисциплинарная ответственность признается межотраслевым институтом. Меры дисциплинарной ответственности могут носить и компенсационный, и правоограничительный характер, хотя правовой запрет, как правило, адресован ограниченному кругу лиц, имеющих специфический правовой статус: работодатель, осужденный, представитель правоохранительного органа, военнослужащий и др.

Административная ответственность наступает за нарушение правовых предписаний, адресованных участникам самых разнообразных общественных отношений. Более высокая общественная опасность административного деликта по сравнению с гражданским правонарушением и дисциплинарным проступком подтверждается тем, что его негативные последствия во многих случаях распространяются на неопределенный круг граждан, равно как на общество и государство. Административная ответственность также является межотраслевым институтом и наступает за нарушение норм как собственно отрасли административного, так и некоторых иных отраслей права: экологического, бюджетного, налогового, таможенного и др. Все виды административного наказания носят личностный, а не компенсационный характер и предполагают лишения и правоограничения, которые применяются к лицу, совершившему административное правонарушение. Повышенная строгость наказания также является свидетельством повышенной общественной опасности административного деликта по сравнению с гражданско-правовым и дисциплинарным правонарушениями.

В настоящее время отдельные представители юридической науки высказывают мнение о возможности существования наряду с административной ответственностью юридической ответственности иного вида, которая наступает за совершение правонарушения, которое по своей общественной опасности сравнимо с административным деликтом: налоговой, таможенной, бюджетной и иными видами ответственности в зависимости от отраслевой принадлежности совершаемого правонарушения [1, с. 9; 3, с. 98–101].

Поскольку данный спор имеет в большей степени теоретическое значение, думается правильным поддержать давно сложившееся в теории права мнение о том, что административная ответственность является межотраслевой юридической категорией и объединяет своим содержанием от-

ветственность за нарушение не только норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), но и норм иных отраслей права, если совершенный деликт сравним по своей общественной опасности с административным проступком. Практическим доводом о справедливости этого утверждения может являться то, что в подавляющем большинстве случаев современные кодифицированные федеральные законы не предусматривают самостоятельные виды правонарушений. Их нормы в части определения ответственности являются бланкетными и содержат общую формулировку о том, что за нарушение отраслевых правил поведения ответственность наступает в соответствии с действующим законодательством (ч. 5 ст. 65 Таможенного кодекса Российской Федерации, ст. 58 Градостроительного кодекса Российской Федерации и т. д.).

Исключением является Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ) (ч. 1), в нормах гл. 16 которого предусмотрены отдельные виды налоговых правонарушений и меры ответственности за их совершение. Однако, по сути, это не опровергает имеющей место в российском законодательстве тенденции об унифицированном закреплении всех отраслевых видов правонарушений, общественная опасность которых сравнима с административным деликтом, именно в нормах Особенной части КоАП РФ. Подтверждением этому является установление в гл. 15 КоАП РФ некоторых видов административно наказуемых деяний, совершаемых в области финансов, налогов и сборов, несмотря на возможность дополнения соответствующими нормами гл. 16 НК РФ.

Наконец, виды правонарушений, предусмотренные нормами уголовного законодательства РФ, – преступления обладают наибольшей общественной опасностью в сравнении со всеми вышеприведенными видами правонарушений, поскольку охраняемые уголовным законодательством отношения имеют наивысшую социальную значимость и обеспечивают реализацию наиболее важных прав, свобод и законных интересов личности, интересов общества и государства. Уголовная ответственность предполагает применение к преступнику лишений и правоограничений личного и (или) имущественного характера. Материальный доход, который имеет место в случаях исполнения отдельных видов уголовного наказания, перечисляется только в пользу государства, чем подтверждается исключительная публичность уголовного правоотношения. Для уголовной ответственности в принципе не свойствен компенсационный характер, предполагающий полное или частичное возмещение причиненного потерпевшему вреда за счет исполнения уголовного наказания.

Среди ученых вопрос о содержании дифференциации ответственности в уголовном праве до принятия УК РФ в целом сомнений не вызывал, поскольку наряду собственно с уголовной ответственностью уголовные законы РСФСР предусматривали и иные варианты привлечения к ответственности лица, признанного виновным в совершении преступления. С вступлением российского уголовного закона в силу, казалось бы, данный вопрос получил однозначное решение, так как в 1996 г. законодатель отказался от общественной, гражданско-правовой, дисциплинарной и административной ответственности, возможность реализации которой была бы предусмотрена уголовно-правовыми нормами, поэтому в настоящее время уместно вести речь только о дифференциации уголовной ответственности [4, с. 153].

Однако в рассуждениях отдельных авторов решение данного вопроса видится не столь очевидным и категоричным, в частности, наличие в УК РФ иных мер уголовно-правового характера, особенно конфискации имущества. Современная конфискация как уголовно-правовой институт предусматривает и поощряет возмещение потерпевшему ущерба, который причинен в результате совершения преступления. Применение не только уголовного наказания, но и иных мер уголовно-правового характера определяется именно уголовным законом, а потому уголовная ответственность не может существовать в отрыве от уголовного наказания или иных мер воспитательного или общественного воздействия [2, с. 64].

Согласиться с данным суждением достаточно сложно, поскольку традиционные иные меры уголовно-правового характера, как уже многократно отмечалось в научной литературе, применяются не за совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом, а в связи с совершением этого деяния. Современная конфискация имущества, предусмотренная в УК РФ, по своей правовой природе отлична от института иных мер уголовно-правового характера. В связи с этим можно поддержать мнение А. В. Наумова, который, не ставя под сомнение целесообразность нахождения конфискации имущества в системе уголовного наказания, отмечал, что она должна распространять свое действие исключительно на имущество и доходы, полученные в результате совершения преступления [9, с. 53].

Дискуссия по вопросу дифференциации ответственности в уголовном праве получает новый виток в современной уголовно-правовой доктрине. Отдельные авторы на уровне докторских диссертационных исследований представили обоснование о необходимости введения в уголовное законодательство разновидности уголовного правона-

рушения – уголовного проступка [11, с. 5, 16, 27; 10, с. 17–18]. По их мнению, будучи закрепленным в нормах Особенной части УК РФ, уголовный проступок обладает общественной опасностью, которая явно меньше аналогичной характеристики «классического» преступления, но в то же время явно превышает общественную опасность типового административного правонарушения.

Следует отметить, что подобная идея нова, поскольку впервые необходимость осуществления дифференциации уголовных правонарушений на преступления и уголовные проступки была обозначена примерно в середине прошлого столетия [6, с. 148–149; 7, с. 71–80]. Все авторы, высказывающиеся о целесообразности введения в уголовный закон такой категории, в качестве положительных моментов указывали на упрощение процедуры уголовно-правового реагирования; экономию уголовной репрессии; снижение нагрузки на следственные и судебные органы; расширение практики освобождения от уголовной ответственности и наказания; применение уголовных наказаний (мягких) имущественного характера и не связанных с изоляцией от общества; широкое использование градации всех уголовных правонарушений на преступления и проступки в уголовном законодательстве ряда развитых зарубежных стран. Таким образом, согласившись с введением в УК РФ уголовного проступка, законодатель действительно создаст прецедент дифференциации ответственности в новейшем уголовном праве, но нарушит сложившуюся в теории права систему градации видов юридической ответственности по интенсивности негативного воздействия на правонарушителя: от гражданско-правовой до уголовной.

Несмотря на значительное количество аргументов в пользу введения в УК РФ категории «уголовный проступок», соглашаться с подобным решением, по меньшей мере, нерационально. Все положительные моменты, указанные приверженцами обозначенной идеи, вполне можно реализовать в действующем законодательстве, но без нарушения сложившейся системы межотраслевой дифференциации юридической ответственности. Прав был В. В. Лунеев, заявив о том, что реальная картина об истинном состоянии преступности в российском обществе, ее последствиях, эффективности борьбы с преступностью и о затратах на эту борьбу общественности неизвестна. Это связано не столько с искусственной латентностью современной преступности, сколько с обилием в УК РФ норм, которые предусматривают виды преступлений, носящих малозначительный характер с точки зрения общественной опасности [8, с. 106–107]. Следует поддержать также мнение Е. В. Роговой, утверждающей, что статистические показатели

общей преступности обеспечиваются за счет значительного количества регистрируемых и раскрываемых преступлений небольшой или средней тяжести, хотя определять статистическое равенство между преступлениями, предусмотренными ч. 1 ст. 158 и ч. 1 ст. 205 УК РФ, недопустимо. В противном случае это приведет к искажению действительной общественной опасности совершаемых преступлений в отчетном периоде [11, с. 335].

При наличии такой ситуации следует не осуществлять перегруппировку отдельных классификационных групп в документах статистической отчетности о состоянии преступности, а производить глубокую ревизию содержания уголовно-правовых норм на предмет истинного наличия общественной опасности предусматриваемых ими деяний, которая была бы достаточна для признания последних преступлениями. Состояние современного отечественного уголовного закона свидетельствует о наличии в нем значительного количества статей о преступлениях небольшой или средней тяжести, истинная общественная опасность которых весьма сомнительна. Особенно это заметно при анализе ряда норм, содержащихся в разделе VIII УК РФ: ч. 1 ст. 169, ст. 185.1–185.6, 193.1, 199.2 и др. В сущности, деяния, предусмотренные ими, по своей общественной опасности не превосходят дисциплинарное или административное правонарушение (ч. 1 ст. 169 и др.). Кроме того, отдельные деяния представляют собой приготовительные действия для совершения иных преступлений, отличающихся большей общественной опасностью (ст. 185.4, 199.2 и др.).

В настоящее время государство часто прибегает к различным законодательным приемам, направленным на сокращение количества осужденных, в первую очередь за преступления небольшой или средней тяжести, с целью экономии средств на со-

держание следственных, судебных органов, а равно органов и учреждений исполнения уголовных наказаний. Вследствие этого в УК РФ появляются нормы об условном осуждении за преступление, за совершение которого назначается в том числе лишение свободы сроком до 8 лет (ч. 1 ст. 73); освобождении от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 76.1); изменении категории преступления на менее тяжкую в зависимости от судебного усмотрения (ч. 6 ст. 15) и др. По этой причине можно предположить, что наиболее рациональным и научно обоснованным выходом из сложившейся ситуации будет решение о переводе ряда уголовно наказуемых деяний, относящихся к категориям преступлений небольшой или средней тяжести, в административные или иные правонарушения. Это будет возможно только при условии обоснования утраты ими к настоящему времени той общественной опасности, которая характерна для преступления. Данный процесс перевода должен предполагать одновременное исключение соответствующей статьи Особенной части из уголовного закона. Перевод же отдельных преступлений в категорию уголовных проступков повлечет за собой неоправданное усложнение сложившейся дифференциации юридической ответственности, увеличит объем УК РФ в нарушение правил законодательной техники о лаконичности и ясности нормативного предписания, сделает весьма аморфными границы между административным правонарушением и уголовно наказуемым деянием (проступком), то есть обеспечит возможность назначения за совершение правонарушений, предусмотренных уголовным законом, наказаний, которые характерны для административного законодательства.

Список литературы

1. Административная ответственность за нарушение общественного порядка: законодательство и практика его применения органами внутренних дел : учеб. пособие / А. М. Арбузкин [и др.]. М., 1993. 80 с.
2. Астемиров З. А. Уголовная ответственность // Энциклопедия уголовного права. СПб., 2007. Т. 8 : Уголовная ответственность и наказание. 798 с.
3. Грачева Е. Ю., Соколова Э. Д. Налоговое право: вопросы и ответы. М., 2001. 208 с.
4. Кругликов Л. Л. Межотраслевая дифференциация ответственности за экономические преступления и некоторые вопросы законодательной техники // Проблемы теории уголовного права : избранные статьи, 2000–2009. Ярославль, 2010. С. 146–158.
5. Кругликов Л. Л. О понятии и видах дифференциации ответственности // Проблемы теории уголовного права : избранные статьи, 2000–2009. Ярославль, 2010. С. 5–15.
6. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969. 232 с.
7. Курляндский В. И. Уголовная ответственность и меры общественного воздействия. М., 1965. 140 с.
8. Мониторинг уголовной политики России : монография / под общ. ред. С. В. Максимова. М., 2014. 482 с.
9. Наумов А. В. «Камни преткновения» уголовного наказания // Российская юстиция. 2002. № 9. С. 3–54.
10. Нудель С. Л. Уголовно-правовая охрана финансовых отношений : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 429 с.
11. Рогова Е. В. Учение о дифференциации уголовной ответственности : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 596 с.

VALERY FEDOROVICH LAPSHIN,

phd in law, associate professor,
head, criminal law department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: kapitan-44@yandex.ru

**MEANS OF DIFFERENTIATION OF RESPONSIBILITY
IN THE LATEST CRIMINAL LEGAL DOCTRINE**

Annotation: current research presents the rationale for the lack of the necessity in the modern system of Russian law additional types of legal responsibility, as well as inclusion in the system of criminal law the category «criminal offense». New types of legal responsibility do not involve the introduction of new types of coercive measures against the perpetrators of the relevant offences. All penalties will be borrowed from administrative law. For this reason, the allocation of administrative responsibility other responsibility principally will not affect applied to offenders the measures of state coercion, nor the peculiarities of their purpose or execution.

The inclusion in the criminal law category of "criminal misconduct" will do more harm than good. The positive decision of this question will lead to a legislative consolidation of the possibility of the existence of the criminal law offences, public danger that is comparable to the risk of administrative tort. In turn, this eliminates clear boundaries between administrative and criminal liability. Owing to this, the most promising is the decision to exclude a significant number of provisions of the criminal law, establishing liability crimes of minor or moderate injury, danger to the public that is very conditional.

Key words: the system is right, public danger, differentiation of legal responsibility, differentiation of criminal liability, offense, criminal offense, crime, punishment.

References

1. Administrativnaja otvetstvennost' za narushenie obshhestvennogo porjadka: zakonodatel'stvo i praktika ego primenenija organami vnutrennih del [The administrative responsibility for disorderly conduct: legislation and practice of its application by law-enforcement bodies]. A. M. Arbuzkin and others. Moscow, 1993. 80 p.
2. Astemirov Z. A. Ugolovnaja otvetstvennost' [Criminal liability]. Jenciklopedija ugolovnogo prava [Encyclopedia of the criminal law]. St. Petersburg, 2007. Vol. 8 Ugolovnaja otvetstvennost' i nakazanie [Criminal liability and punishment]. 798 p.
3. Gracheva E. Ju., Sokolova Je. D. Nalogovoe pravo: voprosy i otvety [Tax law: questions and answers]. Moscow, 2001. 208 p.
4. Kruglikov L. L. Mezhotraslevaja differenciacija otvetstvennosti za jekonomicheskie prestuplenija i nekotorye voprosy zakonodatel'noj tehniki [Cross-industry differentiation of responsibility for economic crimes and some questions of the legislative equipment]. Problemy teorii ugolovnogo prava: izbrannye stat'i, 2000–2009 [Problems of the theory of the criminal law: chosen articles, 2000–2009]. Jaroslavl, 2010, pp. 146–158.
5. Kruglikov L. L. O ponjatii i vidah differenciacii otvetstvennosti [About a concept and types of differentiation of responsibility]. Problemy teorii ugolovnogo prava: izbrannye stat'i, 2000–2009 [Problems of the theory of the criminal law: chosen articles, 2000–2009]. Jaroslavl, 2010, pp. 5–15.
6. Kuznecova N. F. Prestuplenie i prestupnost' [Crime and criminality]. Moscow, 1969. 232 p.
7. Kurljandskij V. I. Ugolovnaja otvetstvennost' i mery obshhestvennogo vozdejstvija [Criminal liability and community sanctions]. Moscow, 1965. 140 p.
8. Monitoring ugolovnoj politiki Rossii [Monitoring of criminal policy of Russia]. Under the editorship of S. V. Maksimov. Moscow, 2014. 482 p.
9. Naumov A. V. «Kamni pretkovenija» ugolovnogo nakazaniija [«Stumbling blocks» of criminal sanction]. Rossijskaja justicija – Russian justice, 2002, no. 9, pp. 53–54.
10. Nudel' S. L. Ugolovno-pravovaja ohrana finansovyh otnoshenij. Dis. d-ra jurid. nauk [Criminal legal protection of the financial relations. Dr. legal sci. diss.]. Moscow, 2015. 429 p.
11. Rogova E. V. Uchenie o differenciacii ugolovnoj otvetstvennosti. Dis. d-ra jurid. nauk [The doctrine about differentiation of criminal liability. Dr. legal sci. diss.]. Moscow, 2014. 596 p.

СЕРГЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ ЛЕГОСТАЕВ,кандидат юридических наук,
прокурор Чувашской Республики
(Прокуратура Чувашской Республики),
e-mail: prokur@cap.ru

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЛАТЕНТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Реферат: при рассмотрении вопроса о прогнозировании и предупреждении латентной преступности необходимо иметь в виду, что она определяется как опасное социальное явление, фактически существующее, но не попавшее в поле зрения правоохранительных органов, а следовательно, оставшееся без должного реагирования.

Практическое значение прогнозирования состоит в том, что оно дает опережающую информацию о состоянии латентной преступности, в том числе ее отдельных видов, тем самым оно способствует определению основных направлений деятельности субъектов предупредительной деятельности.

Для того чтобы минимизировать латентную преступность, необходимо знать причины возникновения этого явления, присущие и зарегистрированной части преступности, детерминированной теми же социально-экономическими, политико-правовыми и психологическими факторами. Вместе с тем у латентной преступности есть особенность: она имеет и причины совершения преступлений, и причины их сокрытия.

Латентная преступность вызывает достаточно опасные последствия, поскольку она не позволяет дать адекватную криминологическую оценку преступности, организовать и сосредоточить усилия на борьбе с ней, искажает истинную картину структуры преступности, а значит, препятствует эффективной борьбе с ее отдельными видами.

Меры по предупреждению латентной преступности могут носить общий характер, то есть быть направлены на минимизацию всей латентной преступности, а также на предупреждение ее естественной и искусственной частей.

Ключевые слова: латентная преступность, прогнозирование, причины и условия, последствия латентной преступности, меры предупреждения.

В последние годы в России отмечается снижение количества зарегистрированных преступлений, что, несомненно, является положительным критерием оценки деятельности правоохранительных органов и свидетельствует об определенной стабилизации криминогенной обстановки. Такое состояние преступности характеризует и степень защищенности населения страны от противоправных посягательств. В то же время с учетом определенных негативных тенденций в структуре преступности, связанных с регистрацией сообщений о преступлениях, низкой раскрываемостью, несоблюдением принципа неотвратимости наказания, актуализируется вопрос о латентной преступности, в первую очередь о ее уровне. На этот счет высказываются различные мнения, применяются криминологические и социологические методы исследования. Например, по мнению С. М. Иншакова, которое основано на ежегодном мониторинге латентной преступности и результатах экспертных оценок, количество незарегистрированных преступлений в нашей стране составляет не менее 23 млн [1, с. 4]. В

2014 г. в Российской Федерации было зарегистрировано около 2,2 млн преступлений, более чем семикратное превышение уровня латентной преступности над зарегистрированной вызывает обоснованное беспокойство как у исследователей, так и у практических работников. Кроме того, криминологические исследования показывают, что в 2015 г. произошел рост как естественной, так и искусственной частей латентной преступности. Рост естественной ее части происходит за счет увеличения числа фактов необращения граждан с заявлениями о преступлениях в правоохранительные органы. Об увеличении искусственной части латентной преступности косвенно свидетельствует рост числа особо тяжких преступлений, традиционно характеризующихся самой низкой степенью латентности. В связи с этим проблема прогнозирования и предупреждения латентной преступности требует более широкого изучения, для того чтобы установить наиболее приближенные к реальности ее цифровые показатели, а также разработать эффективные меры ее предупреждения.

Латентная преступность является частью реальной преступности, но вместе с тем она остается за рамками регистрации и учета по причине ее неизвестности правоохранительным органам либо известной, но не зарегистрированной в установленном порядке и соответственно оставшейся без надлежащего реагирования.

Природа и причины латентной преступности всегда интересовали исследователей. В. В. Лунеев, давая детальный, глубокий анализ региональных и общероссийских тенденций преступности XX – начала XXI в., определил латентизацию преступности не только как конкретную проблему для каждой отдельной страны, но и как общую мировую проблему [2, с. 280].

К понятию латентной преступности современные авторы подходят по-разному. Например, Н. В. Сазонова определяет латентную преступность как часть преступности, внешне выраженную в совокупности преступлений, не входящих в систему государственного статистического учета, характеризующуюся определенными особенностями возникновения и развития, социальным и уголовно-правовым характером, общественной опасностью, имеющую свои качественные и количественные характеристики и пространственные границы [3]. Более краткое понятие дает С. М. Иншаков, который под латентной преступностью понимает незарегистрированную часть фактической преступности [4]. Есть и другие взгляды на латентную преступность, ее показатели и практику предупреждения [5, с. 19]. Для рассмотрения вопроса о прогнозировании и предупреждении латентной преступности приемлемы все точки зрения, поскольку в них она определяется как опасное социальное явление, фактически существующее, но не попавшее в поле зрения правоохранительных органов и соответственно оставшееся без должного реагирования.

Сведения о латентной преступности традиционно считаются недостоверными, поэтому вопрос о ее прогнозировании несколько десятилетий назад вообще не возникал. Одним из первых эту проблему обозначил М. П. Клейменов [6, с. 276], занимающийся криминологическим прогнозированием. Поскольку латентная преступность не имеет точных количественных показателей, как общих, так и по видам преступлений, ее прогнозирование достаточно сложный процесс. Однако для повышения эффективности деятельности правоохранительных органов по предупреждению латентной преступности такая стадия, как прогнозирование, крайне необходима, поскольку не только дает информацию о будущем состоянии преступности, но и вооружает работников правоохранительных органов сведениями о выборе целесообразных средств и методов борьбы с ней. Практическое значение прогнозирования состоит в том, что оно позволяет получить опережающую информацию

о состоянии латентной преступности, в том числе ее отдельных видов (рецидивной, преступности несовершеннолетних и т. д.), тем самым оно способствует определению основных направлений деятельности субъектов предупредительной деятельности. Это помогает субъектам профилактики наметить наиболее эффективные предупредительные мероприятия, большинство из которых реализуется в перспективных планах. Несмотря на то что криминологическое прогнозирование в отличие от плана предупредительных мероприятий не предусматривает непосредственного воздействия на латентную преступность, его основная задача – способствовать повышению научного уровня, а следовательно, эффективности планирования и применения иных управленческих решений.

В связи с тем что о состоянии латентной преступности нет точных данных, возникает закономерный вопрос о возможности ее прогнозирования. На наш взгляд, спрогнозировать динамику развития всей латентной преступности сложно, и такой прогноз будет носить больше теоретический характер, чем практический, даже если он основан на своего рода мониторинге латентной преступности и научных методах исследования. Не оспаривая научную и практическую значимость данных показателей для понимания такого опасного социального явления, как латентная преступность, и для разработки мер по ее предупреждению, сложно согласиться с выводами о том, что ежегодно в России совершается порядка 23 млн латентных преступлений при 3 млн зарегистрированных. В то же время, по нашему мнению, о состоянии латентной преступности можно судить по динамике зарегистрированной преступности, от которой первая является производной. При этом если уровень регистрации будет более полным, то соответственно снизятся показатели латентной преступности. В динамике развития преступности за последние несколько лет наблюдается тенденция равномерного уменьшения числа зарегистрированных преступлений. Достоверность этого явления высока, в то же время развитие исследуемого вопроса по модели равномерного снижения означает, что уменьшению числа зарегистрированных преступлений препятствуют некие криминогенные факторы, в результате возникновения которых происходит рост реальной преступности, а значит, и латентной. В пользу таких выводов говорит тот факт, что количество особо тяжких преступлений (наименее латентной части преступности) возросло, а некоторых других, наиболее подверженных латентизации, снижается. Наиболее достоверное прогнозирование – долгосрочное, например, на 5 лет, так как в указанный период наиболее полно проявляются тенденции роста или снижения преступности. Несомненно, что при таком прогнозировании латентной преступности

будут допущены определенные погрешности, относящиеся более к реальной латентной преступности и менее к искусственной. Однако его цель – разработка мер по предупреждению преступности.

Латентная преступность обусловлена определенными процессами и явлениями и оказывает на них обратное влияние. Для того чтобы минимизировать латентную преступность, необходимо знать причины возникновения этого явления, присущие и зарегистрированной части преступности, детерминированной теми же социально-экономическими, политико-правовыми и психологическими факторами. Однако для латентной преступности характерна такая особенность: она имеет и причины совершения преступлений, и причины их сокрытия. Несмотря на это, причины латентной преступности можно разделить на три категории: общие причины, причины скрытой и причины скрываемой преступности.

К общим причинам можно отнести следующие:

1. Степень общественной опасности совершенного деяния. Латентность таких преступлений, как умышленные убийства либо иные особо тяжкие преступления против жизни и здоровья человека, которые имеют повышенную опасность, намного ниже, чем, например, преступления, не приводящие к тяжким последствиям для граждан, и к которым значительная часть населения относится безразлично. Следовательно, заявляемость о таких преступных проявлениях невысокая.

2. Уровень правосознания. Очевидно, что чем выше уровень правосознания граждан, тем выше активность граждан в реагировании на преступления. Применительно к этому интересно мнение И. В. Крупнова, который считает, что наибольшая латентность существует в социальной среде, где преобладают ценности и нормы поведения, отличные от установленных государством, и чем большее количество людей вовлекается в сферу криминального способа существования, тем более значительное число преступлений остается скрытым от государственных органов. Негативное восприятие установленных государством уголовно-правовых норм приводит к увеличению латентной преступности, а позитивное либо нейтральное – к уменьшению [7, с. 163–168]. Действительно, различного рода традиции, обычаи, жизненные устои (национальные, на определенной территории, криминальные) существенно влияют на правосознание граждан, на их отношение к совершенному деянию, его оценку как преступного.

3. Характер и тяжесть последствий преступлений и их оценка потерпевшими, свидетелями и другими заинтересованными лицами.

Как уже было отмечено, латентная преступность подразделяется на скрытую и скрываемую. Основными причинами скрытой преступности являются: неве-

рие потерпевших и свидетелей в возможность раскрытия преступления, правовой нигилизм, существование вероятности выявления неблагоприятных проступков и правонарушений, совершенных когда-то потерпевшим или свидетелем, стремление «разобраться» с преступником собственными силами, боязнь мести со стороны преступника, нежелание огласки события преступления, незначительность для потерпевшего вреда, причиненного преступлением.

Причины скрываемой преступности связаны исключительно с профессиональной деятельностью сотрудников правоохранительных органов. Они качественно отличаются от причин скрытой преступности. К объективным причинам можно отнести: перегрузку работой правоохранительных органов, которые не в состоянии надлежащим образом проверять все сообщения о преступлениях, недостаточную материальную базу и техническую оснащенность сотрудников правоохранительных органов, низкую профессиональную подготовку сотрудников, из-за которой они не способны выявлять преступления, оценку качества правоохранительной деятельности по раскрываемости. В то же время существуют и субъективные причины: нежелание регистрировать трудно раскрываемые и не имеющие судебной перспективы преступления, чтобы не испортить процент раскрываемости, так как это может привести к неблагоприятным последствиям как для отдельного сотрудника, так и для всего подразделения, халатное отношение к работе, ложное понимание интересов службы, обусловленное стремлением к лучшим показателям работы, необоснованные отказы в возбуждении уголовных дел. Следует отметить, что почти половина сотрудников правоохранительных органов считает, что удастся выявить не более 65 % совершенных преступлений.

В настоящее время в нашей стране количество заявлений о преступлениях в 13 раз превышает количество возбужденных уголовных дел, причем разрыв начиная с 2010 г. увеличивается значительно. Если в 2010 г. было подано 23,9 млн заявлений и сообщений о преступлениях и зарегистрировано 2,6 млн преступлений, то есть по каждому 9-му принималось решение о возбуждении уголовного дела, то в 2014 г. при 29 млн поданных заявлений зарегистрировано 2,2 млн, следовательно, такое решение принималось по каждому 13-му заявлению. Исходя из этого можно сделать вывод, что почти 90 % заявителей вряд ли были удовлетворены реакцией правоохранительных органов на их проблемы и в будущем скорее всего будут искать другие пути их решения, возможно неправомерным путем. Не случайно у населения, пусть даже небольшой части, сформировалось стойкое предубеждение в отношении правоохранительных органов, так как не всем удается добиться возбуждения уголовного дела по совершенному преступлению.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что латентная преступность имеет опасные последствия, поскольку она не позволяет дать адекватную криминологическую оценку преступности, следовательно, организовать и сосредоточить усилия на борьбе с ней, искажает истинную картину структуры преступности, а значит, препятствует эффективной борьбе с ее отдельными видами. Кроме того, существование латентной преступности влечет за собой ее самодетерминацию, способствует развитию ее наиболее опасных видов, таких как организованная, рецидивная и профессиональная. Высокий уровень латентной преступности увеличивает недоверие населения к правоохранительным органам, развивается правовой нигилизм, снижается профессиональное правосознание сотрудников правоохранительных органов.

Минимизация латентной преступности представляет собой целенаправленную деятельность по выявлению, а также устранению причин и условий, способствующих латентной преступности, бороться с которой без проведения комплекса специализированных криминологических мероприятий невозможно. При этом нужно понимать, что в отличие от предупреждения общей преступности с целью сокращения количества совершенных преступлений при предупреждении латентной преступности задачи направле-

ны на изменение соотношения между латентной и зарегистрированной преступностью.

Меры по предупреждению латентной преступности могут носить общий характер, а также быть направлены на предупреждение ее естественной и искусственной частей. Добиться минимизации латентной преступности и изменения соотношения в пользу зарегистрированной возможно путем повышения уровня правосознания и правовой культуры населения, использования организационных, просветительских и управленческих мер, способствующих повышению уровня социальной активности граждан; разработки форм и методов сотрудничества населения с правоохранительными органами; совершенствования механизма взаимодействия правоохранительных органов с заявителями и организации работы подразделений правоохранительных органов, улучшения их материального и ресурсного обеспечения; повышения профессионального уровня и правовой грамотности сотрудников правоохранительных органов; усиления ведомственного контроля и прокурорского надзора за регистрацией, проверкой и разрешением сообщений о преступлениях, особенно за законностью принимаемых процессуальных решений по результатам рассмотрения сообщений; разработки критериев оценки эффективности деятельности правоохранительных органов, системы ее показателей.

Список литературы

1. Иншаков С. М. Криминологическое прогнозирование преступности. М., 2010. 48 с.
2. Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, религиозные и российские тенденции. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005. 912 с.
3. Сазонова Н. В. Латентная преступность: понятие, причины и измерения : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. 164 с.
4. Иншаков С. М. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности : монография. М., 2011. 839 с.
5. Муслев Б. В. Латентная преступность: некоторые вопросы теории и практики противодействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 19 с.
6. Клейменов М. П. Прогнозирование латентной преступности // Латентная преступность: познание, политика, стратегия. М., 1993. С. 276–278.
7. Крупнов И. В. К вопросу о понятии латентной преступности // 35 лет Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации и ее роль в развитии юридической науки : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 13 окт. 2005 г.) : в 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 163–168.

SERGEY VALENTINOVICH LEGOSTAEV,
phd in law, prosecutor of the chuvash republic
(prosecutor's office of the Chuvash Republic),
e-mail: prokur@cap.ru

FORECASTING AND PREVENTION OF LATENT CRIME

Abstract: analyzing the question of the forecasting and the prevention of latent crime it is necessary to keep in mind that latent crime is defined as the dangerous social phenomenon that actually exists, but is not taken into consideration by law enforcement agencies.

Practical value of forecasting is in that it gives information about latent crime, its separate types, thus it allows to determine the main actions of subjects of precautionary activities.

To minimize latent crime, it is necessary to know the reasons of the beginning of development of this phenomenon which are typical also of the registered crime, the reasons are determined by the same social and economic, political, legal and psychological factors. At the same time latent crime has its specific feature: it has its own reasons of committing crime and reasons of its concealment.

Latent crime causes rather dangerous consequences because it does not allow to give an adequate criminological evaluation of crime, to organize and concentrate efforts on fight with it, latent crime distorts a true picture of the structure of crime, thus it does not allow to fight effectively against its separate types.

Measures of the prevention of latent crime can be of general character, they can be taken to minimize all latent crime, they can also be taken to prevent its natural and artificial components.

Key words: latent crime, forecasting, reasons and conditions, consequences of latent crime, prevention measures.

References

1. Inshakov S. M. Kriminologicheskoe prognozirovanie prestupnosti [Criminological forecasting of crime]. Moscow, 2010. 48 p.
2. Lunev V. V. Prestupnost' HH veka: mirovye, religioznye i rossijskie tendencii [Crime of the XX century: world, religious and Russian tendencies]. The 2nd edition processed and added. Moscow, 2005. 912 p.
3. Sazonova N. V. Latentnaja prestupnost': ponjatie, prichiny i izmerenija. Dis. kand. jurid. nauk [Latent crime: concept, reasons and measurements. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2004. 164 p.
4. Inshakov S. M. Teoreticheskie osnovy analiza i issledovanija latentnoj prestupnosti [Theoretical bases of the analysis and research of latent crime]. Moscow, 2011. 839 p.
5. Muslov B. V. Latentnaja prestupnost': nekotorye voprosy teorii i praktiki protivodejstvija. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Latent crime: some questions of the theory and practice of counteraction. Cand. legal sci. diss. abstract]. St. Petersburg, 2006. 19 p.
6. Klejmenov M. P. Prognozirovanie latentnoj prestupnosti [Forecasting of latent crime]. Latentnaja prestupnost': poznanie, ponjatie, strategija [Latent crime: knowledge, concept, strategy]. Moscow, 1993, pp. 276–278.
7. Krupnov I. V. K voprosu o ponjatii latentnoj prestupnosti [To a question of concept of latent crime]. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «35 let Rossijskoj pravovoj akademii Ministerstva justicii Rossijskoj Federacii i ee rol' v razvitii juridicheskoj nauki» [Proc. the International scientific and practical conference «35 years of the Russian legal academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation and its role in development of jurisprudence»]. In 2 vol. Moscow, 13 October, 2005, vol. 2, pp. 163–168.

ЭДУАРД САИДОВИЧ РАХМАЕВ,

кандидат юридических наук, доцент,

начальник научного центра;

НАТАЛИЯ МИХАЙЛОВНА ПАНАРИНА,

заместитель начальника организационно-научного отдела

научного центра

(Академия ФСИН России),

e-mail: academ-05@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НЕКОТОРЫХ НАКАЗАНИЙ, АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ, К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ

Реферат: уголовная политика Российской Федерации отличается достаточно гуманным отношением к лицам, совершившим преступления в несовершеннолетнем возрасте. Об этом свидетельствуют многочисленные изменения и дополнения, внесенные законодателем в соответствующую главу Уголовного кодекса Российской Федерации. Приоритет отдается прежде всего альтернативным мерам уголовно-правового воздействия.

В статье рассматриваются некоторые проблемные вопросы, препятствующие более широкому применению отдельных альтернативных видов уголовных наказаний, предлагаются варианты устранения отмеченных недостатков.

Ключевые слова: обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы, несовершеннолетний правонарушитель, уголовный закон, уголовно-исполнительные инспекции.

Система наказаний, альтернативных лишению свободы, для несовершеннолетних находится в постоянном развитии и совершенствовании. В соответствии со ст. 88 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) к ним относятся:

- штраф;
- лишение права заниматься определенной деятельностью;
- обязательные работы;
- исправительные работы;
- ограничение свободы.

Следует отметить, что законодателем предприняты значительные шаги по расширению практики применения альтернативных наказаний. В частности, согласно ч. 6 ст. 88 УК РФ наказание в виде лишения свободы не может быть назначено несовершеннолетнему осужденному, совершившему в возрасте до 16 лет преступление небольшой или средней тяжести впервые, а также остальным несовершеннолетним осужденным, совершившим преступления небольшой тяжести впервые.

Тем не менее, несмотря на ограничения, установленные в отношении применения к несовершеннолетним реального лишения свободы, альтернативные наказания пока не нашли должного применения в судебной практике. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации применение исправительных

работ в последние годы колеблется в районе 1,5 % от общего числа назначенных мер, ограничения свободы – не более 3 %, штрафа – 10–12 %, обязательных работ – 20 %. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в отношении несовершеннолетних не применялось.

Таким образом, статистические данные свидетельствуют о наличии определенных проблем, препятствующих более широкому применению альтернативных наказаний к несовершеннолетним осужденным в судебной практике. Рассмотрим их более подробно.

В первую очередь следует обратить внимание на исправительные работы. По мнению многих авторов, в силу определенных специфических особенностей наказание в виде исправительных работ не может и не должно широко применяться к несовершеннолетним [1, с. 28].

Действительно, возможности применения исправительных работ к несовершеннолетним ограничены положениями действующего трудового законодательства. Так, в соответствии со ст. 63 Трудового кодекса Российской Федерации (ТК РФ) заключение трудового договора допускается с лицами, достигшими 16-летнего возраста. Лица, получившие общее образование или получающие общее образование и достигшие 15-летнего возраста могут заключать трудовой до-

говор для выполнения легкого труда, не причиняющего вреда их здоровью. С согласия одного из родителей (попечителя) и органа опеки и попечительства трудовой договор может быть заключен с лицом, получающим общее образование и достигшим возраста 14 лет, для выполнения в свободное от получения образования время легкого труда, не причиняющего вреда его здоровью и без ущерба для освоения образовательной программы.

Кроме того, в связи с ограничениями, установленными ст. 265 ТК РФ о запрете использования труда несовершеннолетних на некоторых видах работ, определение места отбывания исправительных работ несовершеннолетним неизбежно будет связано с согласованиями, которые затруднят не только выбор вида трудовой деятельности, но и сам процесс трудоустройства. В то же время препятствием для применения исправительных работ являются и обременения, которые должен принять на себя работодатель в соответствии со ст. 266 ТК РФ. Прием на работу рассматриваемой категории лиц и их последующее использование в качестве работников требуют от него дополнительных и обязательных расходов, что значительно затрудняет согласование и определение места отбывания исправительных работ несовершеннолетним в бюджетной сфере и практически делает это невозможным во внебюджетной сфере.

Нецелесообразно, на наш взгляд, применять исправительные работы к несовершеннолетним, обучающимся в образовательных организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего и (или) среднего общего образования, а также среднего профессионального образования, поскольку такая мера будет связана с отрывом подростка от учебы, с использованием его, как правило, на неквалифицированной работе, в условиях, мало способствующих организации нужного исправительно-воспитательного воздействия.

Существенные возражения имеются и против широкого применения исправительных работ к работающим подросткам. Как правильно указывал М. М. Бабаев, несовершеннолетние в большинстве случаев не имеют достаточной профессиональной квалификации, поэтому заработки их обычно невелики [2, с. 101]. При таких условиях применение исправительных работ, связанных с удержанием в доход государства определенной части заработка и, следовательно, с ухудшением материального положения осужденного, создаст ситуацию, при которой эффект наказания может оказаться обратным желаемому.

В теории уголовного права уже неоднократно высказывались предложения о необходимости уп-

разднения данной нормы в отношении несовершеннолетних [3, с. 45].

Следует признать, что система наказаний для несовершеннолетних построена по «остаточному» принципу, поэтому в перечень ст. 88 УК РФ вошли отдельные наказания, не отражающие социально-правовой специфики несовершеннолетних как субъектов уголовно-правовых отношений. По нашему мнению, применение исправительных работ к несовершеннолетним не совсем оправданно в настоящее время, поскольку отсутствуют объективные условия для их применения. Отмена исправительных работ позволит расширить сферу применения обязательных работ, назначение которых несовершеннолетним будет более достаточным и целесообразным [4, с. 101–103].

В отличие от исправительных работ неплохие резервы для более широкого применения имеет наказание в виде ограничения свободы. Данный вид наказания назначается несовершеннолетним только в качестве основного наказания на срок от 2 месяцев до 2 лет и заключается в установлении судом осужденному следующих ограничений: не уходить из места постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток, не посещать определенные места, расположенные в пределах территории соответствующего муниципального образования, не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования, не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных мероприятиях, не изменять место жительства или пребывания, место работы и (или) учебы без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Не трудно догадаться, что по своему фактическому наполнению ограничение свободы вплотную пересекается с условным осуждением, которое в судебной практике в отношении несовершеннолетних стабильно занимает 1-е место (более 45 %). Однако и на это обстоятельство неоднократно указывали в юридической литературе, отдавая предпочтение в пользу условного осуждения не отвечает международно-правовым требованиям о более широком применении альтернативных лишению свободы наказаний к несовершеннолетним, совершившим преступления, не представляющие повышенной общественной опасности. Широкое применение условного осуждения к несовершеннолетним нередко воспринимается ими как безнаказанность за свое безупречное с точки

зрения уголовного закона поведение (например, по данным Федеральной службы исполнения наказаний, условно осужденные несовершеннолетние, состоящие на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, в два раза чаще совершают преступления, чем взрослые условно осужденные) [5, с. 4].

На наш взгляд, указанная коллизия вполне устранима. Для этого логично дополнить ч. 6 ст. 88 УК РФ подпунктом 6.3 следующего содержания:

«Вопрос об условном осуждении к лишению свободы рассматривается судом только в случае невозможности назначения наказания, не связанного с изоляцией несовершеннолетнего осужденного от общества».

Список литературы

1. Скрябин М. А. Общие начала назначения наказания и их применение к несовершеннолетним. Казань, 1988. 126 с.
2. Бабаев М. М. Индивидуализация наказания несовершеннолетних. М., 1968. 120 с.
3. Журавлев М., Ильин П. За правильное применение и исполнение исправительных работ // Социалистическая законность. 1964. № 5. С. 45–47.
4. Рахмаев Э. С. Исправительные работы как вид уголовного наказания : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. 185 с.
5. Ручкин Ф. Уголовно-исполнительные инспекции на пути преобразований // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2006. № 6. С. 2–6.

EDUARD SAIDOVICH RAKHMAEV,

phd in law, associate professor,

head, science department;

NATALIYA MIKHAYLOVNA PANARINA,

deputy head, organizational and science department

(Academy of the FPS of Russia),

e-mail: academ-05@mail.ru

PROBLEMATIC ISSUES OF USE OF SOME ALTERNATIVE MEASURES FOR MINORS OFFENDERS

Annotation: the Russian penal policy is characterized by rather humane treatment of minor offenders. Many changes and additions made by the legislator to the appropriate chapter of the Criminal Code of the Russian Federation show this. First of all the priority is given to alternative measures of the legal correction.

The article considers some problematic issues impeding a wider use of certain types of alternative sentences and offers measures for elimination of mentioned shortcomings.

Key words: compulsory community labour, correctional labour, restraint of liberty, minor offender, criminal law, penal inspections.

References

1. Skryabin M. A. Obshhie nachala naznachenija nakazaniya i ih primenenie k nesovershennoletnim [The general beginnings of assignment of punishment and their application to minors]. Kazan, 1988. 120 p.
2. Babaev M. M. Individualizacija nakazaniya nesovershennoletnih [Individualization of punishment of minors]. Moscow, 1968. 126 p.
3. Zhuravlev M., Il'in P. Za pravil'noe primenenie i ispolnenie ispravitel'nyh rabot [For the correct application and execution of corrective works]. Socialisticheskaja zakonnost' – Socialist legality, 1964, no. 5, pp. 45–47.
4. Rakhmaev Je. S. Ispravitel'nye raboty kak vid ugolovnogo nakazaniya. Dis. kand. jurid. nauk [Corrective works as type of criminal penalty. Cand. legal sci. diss.]. Ryazan, 2005. 185 p.
5. Ruchkin F. Ugolovno-ispolnitel'nye inspekcii na puti preobrazovaniy [Criminal and executive inspections on the way of transformations]. Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy – Sheets of a penal correction system, 2006, no. 6, pp. 2–6.

АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВНА ФУММ,

кандидат юридических наук, доцент,

начальник отдела,

e-mail: yanok83@mail.ru;

ОКСАНА НИКОЛАЕВНА ЯКОВЛЕВА,

кандидат юридических наук, доцент,

ученый секретарь

(ФКУ НИИ ФСИН России),

e-mail: yakoksana.1977@mail.ru

ПЕНИТЕНЦИАРНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ДЕТЕРМИНАНТЫ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Реферат: в статье рассматриваются состояние и динамика преступности осужденных, структура пенитенциарной преступности, определяются основные факторы, оказывающие влияние на развитие криминальной ситуации в исправительных учреждениях. Подвергнуты анализу причины и условия пенитенциарных правонарушений с точки зрения их особого значения в выработке эффективных мер противодействия. Доказывается, что в качестве важнейшего условия недопущения пенитенциарных преступлений выступает своевременное выявление и нейтрализация неприязненных отношений между осужденными как обстоятельство, формирующее комплекс внешних причин, побуждающих к противоправному, нередко преступному, поведению осужденных в период отбывания наказания. На основе анализа объективных причин и условий совершения пенитенциарных правонарушений делается вывод о том, что противодействие порождаемым ими негативным последствиям целесообразно осуществлять по двум направлениям: с одной стороны, посредством включения в сферу правового регулирования, с другой – путем непосредственного воздействия на конкретные факторы в процессе организационно-управленческой деятельности. Обосновывается влияние общих закономерностей развития преступности в России на пенитенциарную преступность.

Ключевые слова: пенитенциарные преступления, исправительные учреждения, осужденный, пенитенциарные конфликты, субкультура осужденных.

Правонарушения (прежде всего преступления) в исправительных учреждениях (ИУ) имеют глубокие корни, идущие от установления тюремного заключения как основного вида наказания. Противоправные действия в местах лишения свободы всегда отличала высокая степень общественной опасности как для отдельной личности, так и для государства и общества в целом. Отсюда прямая зависимость их качественных и количественных характеристик от происходящих в стране политических, экономических и социальных процессов. Любое существенное изменение в государственной или общественной жизни сопровождается трансформацией в структуре осужденных, что либо снижает, либо повышает степень криминогенности ИУ.

Эффективность функционирования ИУ и всей уголовно-исполнительной системы (УИС) во многом зависит от соблюдения осужденными установленных для них правил поведения, безусловного исполнения ими требований закона.

Преступность осужденных в ИУ внутренне противоречива, но она всегда является источником

самосохранения и воспроизводства неформальной системы отношений.

Сложность криминальной обстановки в местах лишения свободы объясняется не только наличием пенитенциарных правонарушений, но и изменением характера совершаемых преступлений. Наблюдается ярко выраженная тенденция роста количества тяжких и особо тяжких преступлений. Несмотря на снижение численности спецконтингента, за последние годы существенно ухудшился его качественный состав. Почти половина осужденных отбывают лишение свободы второй раз и более, что свидетельствует об их устойчивой криминогенной мотивации и стойком нежелании вести законопослушный образ жизни, а это существенно осложняет организацию исполнения наказаний и способствует совершению пенитенциарных преступлений.

Криминальная ситуация в УИС в целом отражает общие закономерности развития преступности в России. Несмотря на ухудшение основных характеристик осужденных, в последние годы в исправительных учреждениях последовательно

снижается коэффициент криминальной активности: если в 2008 г. было совершено 1,17 преступления из расчета на 1 тыс. осужденных, то в 2015 г. этот коэффициент составил всего 0,3 преступления. Такое значительное снижение показателя может объясняться двумя обстоятельствами: сокращением численности спецконтингента и ростом латентности пенитенциарных правонарушений.

Пенитенциарные преступления имеют свою специфику. Во-первых, это явление распространено на локальных пространствах – территориях ИУ, которые имеют вооруженную охрану, комплекс специальных режимных требований и правоограничений в отношении осужденных. Во-вторых, структура преступности в местах лишения свободы ограничена определенным кругом преступлений. В-третьих, субъектами пенитенциарных преступлений являются в основном осужденные – лица, которые за совершенные ими преступления отбывают наказание в виде лишения свободы. В-четвертых, для большинства пенитенциарных преступлений характерны специфические орудия их совершения: палки, заточки, камни, бытовые и производственные предметы. В-пятых, большинство преступлений, совершаемых осужденными, отличаются повышенной психологической напряженностью, агрессивностью, эмоциональным накалом и наличием конфликтной ситуации [2, с. 264–265].

Анализ ведомственной отчетности относительно состояния преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС, за 2004–2015 гг. показал следующее. Несмотря на последовательное снижение численности спецконтингента, общее количество преступлений, совершенных в исправительных колониях, остается следующим: 2004 г. – 703, 2008 – 964, 2014 – 749, 2015 г. – 835. При этом в структуре пенитенциарной преступности преобладают следующие преступления: незаконное приобретение, сбыт наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (27,1 %), дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (20,8 %), побег из мест лишения свободы, из-под стражи или из-под ареста (15,9 %) – против жизни и здоровья (12,4 %), уклонение от отбывания лишения свободы (2,8 %), кражи на объектах УИС (1,6 %). Совокупная доля этих преступлений составляет 80,6 % [9, с. 193].

Следует отметить, что три вида наиболее распространенных преступлений в структуре анализируемой преступности остались теми же, что и десять лет назад. Однако если в 2004–2006 гг. преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, уступали дезорганизации деятельности ИУ и побегам, то в последние годы наблюдается значительное увеличение таких деяний (2005 г. – 820; 2009 г. – 251; 2015 г. – 192). Незаконные операции с наркотическими средствами,

психотропными веществами и их аналогами в местах лишения свободы вызывают серьезную тревогу: начиная с 2008 г. доля таких преступлений стабильно составляет около 30 %. Данное обстоятельство, помимо прочего, свидетельствует как об упущениях в профилактической работе со спецконтингентом, так и о недостаточно эффективной работе режимных и оперативных служб по пресечению поступления в ИУ наркотических средств и психотропных веществ [7, с. 19, 20]. Сотрудники УИС ежегодно предотвращают множество преступлений и иных правонарушений осужденных, подозреваемых и обвиняемых, в местах их принудительного содержания. Однако наличие латентных правонарушений спецконтингента диктует необходимость выявления и устранения детерминирующих их факторов. В связи с этим особое значение для выработки эффективных мер предупреждения пенитенциарных правонарушений имеет тщательный анализ обстоятельств, то есть причин и условий их совершения. Криминологическая классификация дифференцирует причины и условия пенитенциарных правонарушений на внешние (объективные) и внутренние (субъективные). Поскольку данный вопрос основательно разработан в специальной литературе, остановимся кратко на главных особенностях обусловленности пенитенциарных преступлений.

Внешние (объективные) причины и условия пенитенциарных правонарушений отличаются значительным разнообразием. В общем виде – это различные недостатки, просчеты, упущения в работе исправительных учреждений, связанные с подбором персонала, обеспечением режима и охраны, оперативно-розыскных мероприятий, организацией труда и быта осужденных, проведением воспитательных мероприятий, несовершенством нормативной базы и пр.

Объективными факторами, способствующими совершению пенитенциарных правонарушений, являются недостатки в обеспечении учреждений УИС высокопрофессиональными кадрами. Еще в конце XX в. И. И. Карпец по этому поводу писал: «Рассчитывать на избыток там «интеллектуалов», макаренко и т. п. не приходится, учитывая, в частности, особенности расположения исправительно-трудовых учреждений, запущенность социально-бытовых условий для сотрудников, трудности с воспитанием и обучением их детей, наконец, исключительную сложность самой работы. Нередко туда идут люди, потерпевшие неудачу в других областях социально полезной деятельности. Это надо понимать, как осознать и то, что издержки и неудачи здесь неизбежны» [3, с. 284]. Позицию видного криминолога поддерживают и другие авторы. Так, Ю. А. Кашуба справедливо отмечает:

«Практика свидетельствует, что иногда действия сотрудников, которые можно квалифицировать как нарушение прав осужденных, имеют своей причиной профессиональную некомпетентность, часто выражающуюся в том, что сотрудник просто не владеет минимально необходимым для решения служебных задач комплексом профессиональных знаний, умений, навыков и приемов» [4, с. 14].

Совершению пенитенциарных правонарушений способствует и отсутствие у администрации своевременной и полной информации о конфликтных ситуациях в среде осужденных. Поступающая информация обычно плохо проверяется и далеко не всегда сопровождается адекватными мерами воздействия. Кроме того, персонал ИУ недостаточно подготовлен в психолого-педагогическом отношении и в некоторых случаях обнаруживает профессиональную беспомощность в профилактической работе с агрессивно настроенными осужденными, особенно преступными «авторитетами». О принятии действенных мер по предупреждению и пресечению криминального насилия не может быть и речи в тех случаях, когда персонал подкуплен осужденными (такие случаи в последнее время фиксируются все чаще).

Среди обстоятельств, обуславливающих преступность в учреждениях УИС, следует отметить высокую численность осужденных, а также плотность их размещения. По справедливому замечанию В. А. Фефелова, «скудность, размещение осужденных в общежитиях по 50–100 и более человек привело к тому, что не обеспечивается безопасность осужденных, которые оказались беззащитными от посягательств на их жизнь, здоровье, честь и достоинство со стороны лиц, поддерживающих законы и традиции преступной среды» [8, с. 58]. Результаты специальных исследований выявили определенный парадокс относительно проблемы безопасного места в ИУ. С одной стороны, как сотрудники учреждений, так и осужденные отметили, что производственная зона представляется им более безопасной, чем жилая, с другой – именно в производственной зоне совершается большинство преступлений против личности, которые нередко маскируются под производственные травмы, несчастные случаи.

Еще одним криминогенным фактором, способствующим совершению пенитенциарных преступлений, являются недостатки в материально-бытовом и медицинском обеспечении осужденных к лишению свободы. По данным исследований, исправительные учреждения в состоянии лишь на 70–75 % обеспечить осужденных необходимой спецодеждой, медицинскими препаратами, гигиеническими и иными средствами. При этом острой остается проблема санитарного состояния спаль-

ных и рабочих мест осужденных, что является одной из основных причин распространения в местах лишения свободы таких заболеваний, как туберкулез, гепатит, дизентерия и др. Видя, что администрация учреждений УИС не может обеспечить достойного уровня жизни, осужденный нередко вынужден пользоваться иными, часто противоправными, каналами получения указанных вещей.

Следующей объективной причиной существования пенитенциарных преступлений являются недостатки в организации труда осужденных и связанные с этим нарушения со стороны администрации по оплате выполненных осужденными работ. Несмотря на то что Уголовно-исполнительный кодекс РФ (ст. 9) относит труд к одному из основных средств исправления осужденных, а также закрепляет обязательность их труда (ст. 103), именно трудоиспользование спецконтингента является в настоящее время наиболее проблемным вопросом. Из доклада директора ФСИН России Г. А. Корниенко на коллегии ФСИН России 10 марта 2016 г. следует, что лишь немногим более трети (35,9 %) осужденных в местах лишения свободы имеют постоянную работу. Незанятость осужденных трудом становится серьезным криминогенным фактором. Использование спецконтингента на контрагентских объектах значительно затрудняет надзор за их поведением, следствием чего нередко становится проникновение в ИУ запрещенных предметов, которые могут использоваться в противоправных целях. Запрещенные предметы изготавливаются на производстве либо поступают к осужденным извне, что также указывает на слабый надзор за ними и недостатки в организации изоляции. Из изложенного следует еще одна серьезная причина преступности в местах изоляции – это неслужебные связи сотрудников ИУ с осужденными. Ежегодно в среднем выявляется около 300 случаев таких связей.

Важным условием недопущения пенитенциарных преступлений является своевременное выявление и нейтрализация неприязненных отношений между осужденными. Этот фактор во многом формирует комплекс внешних причин, побуждающих к противоправному, нередко преступному поведению осужденных в период отбывания наказания.

В числе условий, облегчающих совершение преступлений в местах лишения свободы, следует отметить техническое несовершенство систем круглосуточного наблюдения за осужденными, средств для личного досмотра и осмотра помещений. Нередки факты халатного отношения персонала ИУ к исполнению служебных обязанностей, отсутствие бдительности в процессе несения службы подразделениями охраны и безопасности,

упущения в организации профилактической работы [1, с. 35].

Внутренние (субъективные) причины и условия пенитенциарных преступлений. Криминогенные факторы субъективного характера представляются общими для всех пенитенциарных преступлений. По данным криминологических исследований, совершению преступлений в условиях изоляции чаще всего способствуют: 1) наличие у значительной части осужденных невротических отклонений и психических аномалий; 2) наличие элементов инфантилизма (детской недоразвитости) при сформированности негативной ценностной ориентации, противоречивость и двойственность психики; 3) невысокий образовательный уровень, недостаточное интеллектуальное развитие и примитивная структура потребностей, характерные прежде всего для насильственных преступников; 4) эмоциональная неустойчивость, несдержанность, преобладание возбуждения над торможением, эмоций над разумом, ограниченная возможность самоуправления в экстремальных условиях; 5) пассивное принятие сложившегося порядка (конформизм), что проявляется в зависимости от других осужденных в условиях ограниченного круга общения в замкнутой среде и невозможности ее смены в конфликтных ситуациях; 6) интровертированность, то есть сосредоточенность на своем внутреннем мире, на собственных переживаниях, выражающаяся в замкнутости, скрытности и других свойствах характера, которые при длительном отсутствии разрядки способны разрешиться в эмоциональном взрыве – злостном нарушении режима, хулиганстве, побеге; 7) повышенная тревожность, проявляющаяся в страхах, осторожности, ограничении контактов с окружающими, что при отсутствии разрядки приводит к невротическим или психическим заболеваниям, а также совершению преступлений (чаще всего насильственных); 8) быстротечные конфликты, связанные со стрессом, с аффектом, опьянением и другими состояниями, возникающими внезапно и приводящими к совершению как насильственных, так и корыстных, а также корыстно-насильственных преступлений; 9) повышенное самомнение, завышенная самооценка, стремление к лидерству, выражающиеся в организации замаскированных преступлений или приводящие к межличностным конфликтам [6, с. 731–733].

Первым и главным субъективным фактором совершения преступлений в местах лишения свободы является наличие тюремной субкультуры. Социальная среда мест лишения свободы и общность осужденных как ее важнейший структурный элемент представляют собой уникальное социальное явление. С первого дня пребывания в изоляции осужденный начинает испытывать на себе влияние

законов преступного мира, который, как и всякая общность, имеет свою иерархию, лидеров, низшие слои. Занимая определенное место в этом сообществе, человек во многом от него зависит.

Условия изоляции не проходят бесследно для любого человека, особенно для лиц, имеющих проблемы с психикой. В условиях несвободы психика человека реагирует на их воздействие определенными поведенческими проявлениями, позволяющими адаптироваться к новой жизни. Чаще всего поведение осужденного начинает носить приспособленческий характер, а лица с неустойчивой психикой становятся благодатной почвой для вовлечения в преступную деятельность. Он всегда находится в состоянии нервного напряжения, поскольку любой неосторожный поступок способен самым негативным образом повлиять на его пребывание в ИУ [10, с. 43].

Вступая в противоречие с официальной системой норм, неформальная система порождает многочисленные случаи насилия. Вот почему достаточно часто преступления совершаются в отношении осужденных, игнорирующих требования преступного мира. Такие лица нередко обрекаются на роль жертвы. Уровень и структура виктимности как повышенной способности отдельных лиц или социальных групп при определенных обстоятельствах становиться жертвами преступлений в значительной степени характеризуют общественную опасность пенитенциарной преступности. Для пенитенциарных преступлений показатель виктимности составляет 8–10 %.

Часть актов насилия в местах лишения свободы имеет ярко выраженный протестный, демонстративный характер, представляет собой реакцию, нередко весьма болезненную, на лишения и ограничения, связанные с изоляцией от общества. При высокой степени конфликтности жизни в исправительных учреждениях насильственные действия часто осуществляются в целях самозащиты – как ответная реакция на агрессию извне.

У многих осужденных в период отбывания наказания продолжают действовать те виды криминальной мотивации, которые в сочетании с криминогенными ситуациями привели их на скамью подсудимых, а затем и в исправительное учреждение (корыстная, насильственная и др.). К ним добавляются побуждения, связанные с уклонением от наказания; стремление завоевать лидерство, продемонстрировать, иногда просто «от нечего делать», силу, навязать свою волю другим [11, с. 87–107].

Тюремная субкультура является основным источником напряженности в среде осужденных. В связи с этим важное значение для противодействия данному феномену имеет выявление групп от-

рицательной направленности, контролирующих соблюдение субкультурных норм. Исследования показывают, что основная причина формирования в ИУ групп отрицательной направленности (54,7 %) – землячество, представляющее собой объединение осужденных в группу по принципу проживания до осуждения в одном регионе (республике, городе, районе). Важно учитывать, что землячество имеет и положительную сторону, в частности, оказание осужденным-землякам материальной и иной помощи и поддержки. Однако в большинстве случаев объединение осужденных по принципу землячества имеет негативные последствия и может способствовать совершению пенитенциарных преступлений. Немаловажную роль в предупреждении пенитенциарных преступлений играют факторы психолого-психиатрического характера. Статистика свидетельствует, что почти две трети (65 %) осужденных страдают различными психическими расстройствами, каждый пятый (19 %) болен алкоголизмом и наркоманией.

В ИУ постоянно увеличивается количество лиц с повышенной возбудимостью, агрессивностью, психическими отклонениями. В них содержится значительное число осужденных, склонных к различным формам деструктивного поведения – агрессии, конфликтам, членовредительству, суицидам. Многие осужденные имеют те или иные психические расстройства, не исключаящие вменяемости, психопатию, неврастению, истерию, психоастению, психозы, в частности алкогольные. Эти отклонения существенно уменьшают способность осужденного контролировать свое поведение, ведут к резкому снижению общего интеллекта и волевой сферы, а также затрудняют мыслительный процесс и парализуют волю лица во время совершения им пенитенциарного правонарушения [5, с. 57].

К обстоятельствам, влияющим на уровень пенитенциарных преступлений, относится и такой субъективный фактор, как конфликты, возникающие в местах лишения свободы. Пенитенциарные конфликты, которые лежат в основе большинства преступлений осужденных в исправительных учреждениях, подразделяются на конфликты между осужденными или их группами, конфликты отдельных осужденных или их групп с администрацией учреждений и на незаконные действия с запрещенными предметами. Нередко такие конфликты перерастают в насильственные, корыстно-насильственные или корыстные преступления. Именно от своевременного предупреждения, выявления и разрешения таких конфликтов зависит в конечном счете эффективность исправления осужденных.

Результаты исследований показывают, что подавляющая часть конфликтов вызывается следующими обстоятельствами (расположены в порядке убывания

частоты встречаемости): 1) целенаправленные действия, унижающие честь и личное достоинство осужденных (склонение к вступлению в гомосексуальные связи, притеснение, клевета, оскорбление, слухи и др.); 2) посягательства на материальную сферу конкретных осужденных (кражи личного имущества, невыполнение долговых обязательств, несправедливое распределение материальных ресурсов и др.); 3) грубые нарушения сложившейся системы неформальных ценностей, норм, обычаев и традиций, или так называемого кодекса поведения, господствующего в субкультуре осужденных конкретного пенитенциарного учреждения; 4) выявленные факты преднамеренных злоупотреблений своим положением со стороны лиц, официально назначенных на должности дневальных, бригадиров и т. п.; 5) проявления «чрезмерной» активности, личной инициативы в общественно полезной деятельности (работа на должностях бригадиров, дневальных и т. д.); 6) оказание несанкционированного или несогласованного с лидерами неформальных групп содействия персоналу исправительных учреждений в решении вопросов, затрагивающих жизненно важные интересы отдельных осужденных; 7) нарушения установленных правил внутреннего распорядка, напрямую не связанные с ущемлением интересов конкретных лиц (например, стиль руководства бригадой, хранение запрещенных предметов, просмотр популярных телепередач, употребление алкогольных напитков и наркотических средств и др.); 9) индивидуально-психологические особенности личности и поведения осужденных (психологическая несовместимость, психические аномалии, чрезмерная агрессивность и др.); 10) межэтнические и религиозные разногласия между осужденными.

Из приведенного перечня наиболее распространенным обстоятельством, вызывающим конфликт, являются действия, унижающие честь и личное достоинство осужденных, прежде всего оскорбление или распространение ложных сведений об осужденном. По всей видимости, значительное количество такого рода микроконфликтов в повседневной жизни осужденных является своеобразной психологической реакцией личности, направленной на поддержание, а иногда и на укрепление своей позиции в тюремной субкультуре.

В контексте рассматриваемой проблемы следует выделить типичные факультативные факторы, приводящие к повышению напряженности и возникновению конфликтов в микросреде осужденных: отсутствие четких критериев оценки индивидуального и группового поведения; предвзятые или непоследовательные требования со стороны администрации или представителей органов самоуправления осужденных; чрезмерное использова-

ние дисциплинарных санкций; смещение оценок с особенностей поведения на личность осужденного; достижение социально-психологического компромисса или сохранение существующего положения путем делегирования ряда полномочий, а иногда и предпочтений лидерам неформальных групп; игнорирование мнений и интересов осужденных при реализации задач совместной деятельности. Результаты исследований дают основания полагать, что сотрудники пенитенциарных учреждений недостаточно обучены применению адекватных психолого-педагогических методов, которые позволяют своевременно выявлять и регулировать конфликты. В преобладающем большинстве случаев (от 60 до 75 %) они узнают лишь об их последствиях либо недостаточно информированы о причинах возникновения и характере развития тех или иных конфликтных ситуаций.

Не может не настораживать тот факт, что около 45 % конфликтов в исправительных колониях общего и 65 % в колониях строгого режимов разрешается самими осужденными, причем в каждой второй напряженной ситуации в качестве посредников или «арбитров» выступают лидеры малых неформальных групп. Участники конфликтного взаимодействия предпочитают обращаться за помощью к сотрудникам (как правило, начальникам отрядов, оперативным и режимным работникам или психологам) лишь в тех случаях, когда исход конфликта представляет непосредственную угрозу для их жизни и здоровья.

В предупредительной деятельности не последнюю роль играет и общий психический и эмоциональный настрой, доминирующий в микросреде осужденных (атмосфера недоверия к окружающим, повышенная тревожность, подозрительность, озлобленность, напряженность и т. п.). Следует принимать во внимание и жесткую стратификацию так называемой тюремной субкультуры, связанной с функционированием различных по направленности малых неформальных групп, в которых насаждаются стандарты поведения, в большинстве случаев противоположные тем нормам и ценностям, которыми руководствуются законопослушные граждане.

Перечисленные факторы наряду с индивидуальными особенностями личности и поведения осужденного, мощным стремлением личности к самоутверждению и поддержанию своего статуса в глазах ближайшего окружения, реализуемым посредством унижения других, не только расширяют конфликтное пространство, но и увеличивают вероятность возникновения напряженных ситуаций, потенциальными участниками которых становятся как отдельные личности, так и группы осужденных. В связи с этим можно предположить, что дальнейшее реформирование УИС в направлении гуманизации условий отбывания наказаний и переход к прогрессивным моделям исправительного воздействия на различные категории осужденных позволят существенным образом снизить уровень насилия в их среде, а следовательно, и количество пенитенциарных правонарушений.

Список литературы

1. Годлевская В. Я. Характеристика преступлений, совершаемых в местах лишения свободы // Вестник Международного юридического института. 2012. № 2 (41).
2. Громов В. Г. Криминогенность мест лишения свободы и ее нейтрализация : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009.
3. Карпец И. И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992. 432 с.
4. Кашуба Ю. А. Профессиональный подход к проблеме предупреждения нарушений прав человека в уголовно-исполнительной системе // Актуальные проблемы исполнения уголовных наказаний : материалы науч.-практ. семинара памяти Н. А. Стручкова. Рязань, 2005. С. 11–18.
5. Кисляков А. В. Уголовная ответственность и исполнение наказания в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами, не исключающими вменяемость : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004. 194 с.
6. Криминология : учеб. для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. М., 2012.
7. Предупреждение пенитенциарных правонарушений / под общ. ред. В. В. Цатурова. М., 2014. 98 с.
8. Фефелов В. А. Концепция социально-правовой цивилизации учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы // Наказание: законность, справедливость, гуманизм. Рязань, 1994. С. 56–63.
9. Фумм А. М. Пенитенциарные преступления: общая характеристика и особенности предупреждения // Криминологические проблемы регионов Крайнего Севера России / под ред. А. И. Долговой. М., 2015. С. 191–197.
10. Хачикян А. М. Особенности социальной среды в местах лишения свободы // Человек: преступление и наказание. 2007. № 2. С. 43–46.
11. Хохряков Г. Ф. Парадоксы тюрьмы. М., 1991. 224 с.

ALEKSANDRA MIKHAILOVNA FUMM,

phd in law, associate professor, head of the department,
e-mail: yanok83@mail.ru;

OKSANA NIKOLAEVNA YAKOVLEVA,

phd in law, associate professor,
scientific secretary of research institute
(Research institute of the FPS of Russia),
e-mail: yakoksana.1977@mail.ru

PENITENTIARY CRIMES: DETERMINANTS AND CURRENT STATUS

Abstract: the article analyzes status and dynamics of criminality of convicts, penitentiary structure of crime and defines the main factors shaping criminal situation in corrections. The author speaks about causes and conditions of penitentiary crimes in terms of their role in working out efficient countermeasures. It has been proved that an essential condition to avoid penitentiary crimes are early detection and neutralization of hostile relations between prisoners as factors forming a complex of external factors that encourage wrongful, often criminal behavior of prisoners.

The author concludes that penitentiary crimes should be fought against in two ways: on the one hand by means of legal regulation, on the other hand – by direct control of organizational and administrative activity process, He also give grounds for the impact of general crime development laws in Russia on penitentiary crimes.

Key words: penitentiary crimes, corrections, a prisoner, prison conflicts, subculture of prisoners.

References

1. Godlevskaja V. Ja. Harakteristika prestuplenij, sovershaemyh v mestah lishenija svobody [The characteristic of the crimes committed in places of detention]. Vestnik Mezhdunarodnogo juridicheskogo institute – Bulletin of the International legal institute, 2012, no. 2 (41).
2. Gromov V. G. Kriminogenost' mest lishenija svobody i ee nejtralizacija. Dis. kand. jurid. nauk [Criminality of places of detention and its neutralization. Cand. legal sci. diss.]. Saratov, 2009.
3. Karpec I. I. Prestupnost': illjuzii i real'nost' [Crime: illusions and reality]. Moscow, 1992. 423 p.
4. Kashuba Ju. A. Professional'nyj podhod k probleme preduprezhdenija narushenij prav cheloveka v ugovovno-ispolnitel'noj sisteme [Professional approach to a problem of the prevention of human rights violations in criminal and executive system]. Materialy nauchno-prakticheskogo seminaru pamjati N. A. Struchkova «Aktual'nye problemy ispolnenija ugovovnyh nakazanij» [Proc. The scientific and practical seminar of memory of N. A. Struchkov «Actual problems of execution of criminal sanctions»]. Ryazan, 2005, pp. 11–18.
5. Kisljakov A. V. Ugolovnaja otvetstvennost' i ispolnenie nakazaniya v otnoshenii lic, stradajushhiih psicheskimi rasstrojstvami, ne iskljuchajushhimi vmenjaemost'. Dis. kand. jurid. nauk [Criminal liability and an execution of the punishment concerning the persons suffering from the mental disturbances which are not excluding sanity. Cand. legal sci. diss.]. Ryazan, 2004. 194 p.
6. Kriminologija [Criminology]. Under the editorship of A. I. Dolgova. Moscow, 2012.
7. Preduprezhdenie penitenciarных pravonarushenij [Prevention of penitentiary offenses]. Under the editorship of V. V. Caturov. Moscow, 2014. 98 p.
8. Fefelov V. A. Konceptija social'no-pravovoj civilizacii uchrezhdenij, ispolnjajushhiih nakazanie v vide lishenija svobody [The concept of a social and legal civilization of the organizations performing custodial sanction]. Nakazanie: zakonnost', spravedlivost', gumanizm [Punishment: legality, justice, humanity]. Ryazan, 1994, pp. 56–63.
9. Fumm A. M. Penitenciarные prestuplenija: obshhaja harakteristika i osobennosti preduprezhdenija [Penitentiary crimes: general characteristic and features of the prevention]. Kriminologicheskie problemy regionov Krajnego Severa Rossii [Criminological problems of regions of Far North of Russia]. Under the editorship of A. I. Dolgova. Moscow, 2015, pp. 191–197.
10. Hachikjan A. M. Osobennosti social'noj sredy v mestah lishenija svobody [Features of a social environment in places of detention]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2007, no. 2.
11. Hohrjakov G. F. Paradoksy tjur'my [Paradoxes of prison]. Moscow, 1991. 224 p.

РАШИД ГАБИЛОВИЧ ЛЯТИФОВ,
адъюнкт факультета
подготовки научно-педагогических кадров
(Академия ФСИН России),
e-mail: rashid_lyatifov@mail.ru

ОБЖАЛОВАНИЕ ОБОСНОВАННОСТИ ИЗБРАНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ В ЦЕЛЯХ ВОЗМОЖНОЙ ВЫДАЧИ ЛИЦА

Реферат: в статье рассматриваются особенности обжалования меры пресечения в виде заключения под стражу в целях возможной выдачи. Законодательные пробелы в данной области связаны с отсутствием в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации установленного порядка обжалования меры пресечения в виде заключения под стражу в целях выдачи лица; срока, в течение которого суд должен направить материал в апелляционную инстанцию в случае обжалования указанных решений; понятия предмета обжалования меры пресечения в виде заключения под стражу в целях возможной выдачи.

Предлагается внести изменения и дополнения в действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части процедуры обжалования меры пресечения в виде заключения под стражу в целях возможной выдачи лица.

Ключевые слова: экстрадиция, выдача лица, иностранный гражданин, мера пресечения, заключение под стражу.

Ежегодно Российской Федерацией выдается около тысячи иностранных граждан и лиц без гражданства для уголовного преследования или исполнения приговора [1]. Одним из эффективных средств обеспечения возможной выдачи лица является его заключение под стражу, исключающее возможность скрыться от уполномоченных субъектов. Избрание данной меры пресечения сопряжено с ограничением права лица на свободу и личную неприкосновенность, гарантированного ч. 1 ст. 22 Конституции РФ. В связи с этим обжалование решения суда и прокурора об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении иностранного гражданина является одним из важнейших способов ограждения лица от незаконного и необоснованного ограничения его прав, свобод и выступает гарантией достижения целей уголовного судопроизводства.

Статья 46 Конституции РФ, ст. 19 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) закрепляют право на обжалование решений суда, прокурора, порядок же обжалования обоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в целях возможной выдачи лица законодательно не урегулирован. Так, не установлен срок, в течение которого возможна подача жалобы. В уголовно-процессуальном законе не закреплены предмет и субъекты обжалования избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в целях возможной выдачи лица.

На решение обозначенной проблемы была направлена подготовка проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (в части совершенствования процедуры выдачи лиц по запросу иностранного государства для уголовного преследования или исполнения приговора), разработанного на основании п. 63 Плана законопроектной деятельности Минюста России на 2013 г., так и не внесенного на рассмотрение в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации [2].

Законопроект затрагивал и вопросы обжалования избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в целях возможной выдачи лица.

Анализируя указанный законопроект, следует отметить, что расширение правовых положений УПК РФ в сфере возможной выдачи лица в части, касающейся обжалования избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, на наш взгляд, несомненно, имело бы положительные моменты. Детальная законодательная регламентация указанного права лица, в отношении которого поступил запрос о выдаче, позволила бы обеспечить точную и единообразную практику применения норм уголовно-процессуального права, исключить случаи необоснованного нарушения права лица на свободу и личную неприкосновенность.

Анализ правоприменительной практики и научной литературы свидетельствует о том, что частью предмета обжалования выступает обоснованность избрания меры пресечения в виде заключения под

стражу. Под обоснованностью следует понимать наличие в представленных материалах сведений, в том числе о личности лица, в отношении которого поступил запрос о выдаче, подтверждающих необходимость избрания в качестве меры пресечения заключение под стражу.

Решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в целях возможной выдачи лица в соответствии с ч. 1 ст. 466 УПК РФ может принять прокурор.

В данном случае действующим УПК РФ прямо не предусмотрен порядок обжалования постановления прокурора об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в целях возможной выдачи лица. Анализ гл. 16 УПК РФ позволяет сделать вывод о возможности обжалования постановления прокурора об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в целях его возможной выдачи в судебном порядке в рамках ст. 125 УПК РФ. Действующая судебная практика идет именно по такому пути обжалования меры пресечения в виде заключения под стражу в целях возможной выдачи лица.

А. Г. Вениаминов, Н. С. Грудинин, Д. В. Грязнова считают, что отмена решения прокурора об избрании к лицу меры пресечения в виде заключения под стражу также возможна при обжаловании решения о выдаче лица. Кроме того, лицо, в отношении которого избрана мера пресечения на основании решения прокурора, может обжаловать это решение вышестоящему прокурору или в суд в порядке, предусмотренном гл. 16 УПК РФ [3]. Такая позиция представляется, на наш взгляд, обоснованной, поскольку избрание данной меры пресечения производится исключительно в целях возможной выдачи лица. Кроме того, ч. 8 ст. 463 УПК РФ закрепляет, что в случае отмены решения о выдаче лица суд отменяет и меру пресечения, избранную в отношении лица.

Часть 1 ст. 19 УПК РФ закрепляет право на обжалование процессуальных действий и решений прокурора. Согласно ст. 466 УПК РФ прокурор в целях обеспечения возможности выдачи лица решает вопрос о необходимости избрания меры пресечения в отношении лица, подлежащего возможной выдаче, в порядке, предусмотренном УПК РФ. Однако ч. 3 ст. 108 УПК РФ не наделяет прокурора полномочиями по возбуждению перед судом соответствующего ходатайства в отличие от следователя и дознавателя.

С учетом изложенного целесообразным представляется внесение ч. 3.1 в ст. 108 УПК РФ в следующей редакции:

«При необходимости избрания в качестве меры пресечения заключение под стражу в целях возможной выдачи лица прокурор возбуждает перед

судом соответствующее ходатайство. В постановлении о возбуждении ходатайства излагаются мотивы и основание, в силу которых возникла необходимость в заключении иностранного гражданина или лица без гражданства под стражу и невозможности избрания домашнего ареста. К постановлению прилагается запрос о выдаче лица и иные материалы, подтверждающие обоснованность ходатайства».

Не меньше вопросов вызывает территориальная подсудность судебного рассмотрения жалоб на решение прокурора об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в целях возможной выдачи лица. Так, ч. 1 ст. 125 УПК РФ закрепляет право обжалования меры пресечения в виде заключения под стражу в районный суд по месту производства предварительного расследования. С учетом специфики процесса выдачи лица предварительное расследование производится на территории иностранного государства, вследствие чего возникают трудности с определением места подачи жалобы на решение прокурора об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. В связи с этим целесообразным представляется внесение самостоятельной ч. 1.1 в ст. 125 УПК РФ следующего содержания:

«Постановления прокурора о возбуждении ходатайства об избрании в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства меры пресечения в целях его возможной выдачи могут быть обжалованы в районный суд по месту содержания указанного лица».

Статья 126 УПК РФ закрепляет порядок направления жалобы подозреваемого, обвиняемого, содержащегося под стражей. Согласно ч. 2 ст. 97 УПК РФ выдача может производиться не только для уголовного преследования, но и для исполнения приговора. В связи с этим правовой статус лица будет определяться как осужденный, что не является тождественным понятиям «подозреваемый», «обвиняемый», поэтому ст. 126 УПК РФ следует толковать по аналогии, что неудобно для правоприменителя. Целесообразным представляется совершенствование редакции ст. 126 УПК РФ в следующем виде:

«Порядок направления жалобы подозреваемого, обвиняемого и осужденного, содержащегося под стражей

1. Администрация места содержания под стражей немедленно направляет прокурору или в суд адресованные им жалобы подозреваемого, обвиняемого, содержащегося под стражей.

2. Жалобы осужденных, в отношении которых поступил запрос о выдаче в целях исполнения приговора, адресованные в суд, подлежат немедленной отправке администрацией мест содержания под стражей».

Самостоятельной научной проблемой является отсутствие законодательной регламентации сроков обжалования процессуального решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, подлежащих выдаче.

Законодателем в ч. 11 ст. 108 УПК РФ определен сокращенный срок подачи указанных жалоб, который составляет трое суток со дня вынесения судьей постановления об избрании в качестве меры пресечения заключение под стражу и аналогичный срок для рассмотрения жалобы. В указанный срок судья назначает дату и время судебного заседания, извещает участников судопроизводства, при необходимости разрешает вопрос о назначении защитника и переводчика, при подаче соответствующего заявления ознакомливает участников уголовного судопроизводства с материалами дела об обжаловании меры пресечения в виде заключения под стражу, разрешает иные вопросы.

Очевидно, что указанных сроков недостаточно для разрешения перечисленных вопросов. В связи с этим нередко имеют место случаи нарушения прав и законных интересов лиц, подлежащих возможной выдаче. Полагаем целесообразным данный срок увеличить до 7 суток. Наряду с указанным следует обратить внимание на пробел, касающийся определения срока направления апелляционной жалобы с материалами об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в суд апелляционной инстанции.

В полной мере разделяем мнение Д. К. Хохловой о необходимости дополнения ч. 11 ст. 108 УПК РФ предложением: «После поступления апелляционной жалобы и (или) представления на указанные решения суд должен незамедлительно направлять соответствующие материалы для апелляционного рассмотрения» [4, с. 38].

Рассматривая жалобу на решение о заключении под стражу в целях возможной выдачи лица, судья не вправе предрешать вопрос о его виновности или невиновности. Формулировки принимаемых судебных решений не должны свидетельствовать об установленном факте совершения указанным лицом преступления.

Подводя итог изложенному, следует отметить, что институт обжалования является действенным инструментом восстановления нарушенных прав лица, в отношении которого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу в целях его возможной выдачи. Однако правовое регулирование процессуального порядка обжалования избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, подлежащих выдаче, нуждается в совершенствовании. Учет представленных нами позиций в правоприменительной и законодательной практике позволит: во-первых, повысить эффективность правового механизма возможной выдачи лица; во-вторых, усилить процессуальные гарантии обоснованного избрания меры пресечения в целях возможной выдачи лица.

Список литературы

1. Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL : <http://ipriem.genproc.gov.ru/ms/> (дата обращения: 22.06.2016).
2. Министерство юстиции Российской Федерации. URL : http://minjust.ru/proekt-federalnogo-zakona-ovnesenii-izmeneniy-v-ugolovno_processualnyu-kodeks-rossiyskoy-federacii (дата обращения: 05.05.2016).
3. Вениаминов А. Г., Грудинин Н. С., Грязнова Д. В. Вопросы заключения под стражу лиц, подлежащих экстрадиции. URL : http://nauka-rastudent.ru/21/2874/?get_pdf (дата обращения: 27.05.2016).
4. Хохлов Д. К. К вопросу обжалования меры пресечения, избираемой по решению суда // Экономика и право. 2015. № 1. С. 38.

RASHEED GABILOVICH LJATIFOV,

adjunct, preparation of the research and educational personnel department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: rashid_lyatifov@mail.ru

THE APPEAL OF VALIDITY OF ELECTION OF THE MEASURE OF RESTRAINT IN THE FORM OF DETENTION FOR POSSIBLE DELIVERY OF THE PERSON

Abstract: the article deals with the appeal measures of restraint in the form of detention for possible delivery. Legislative gaps in this field of legislation are connected with the absence in the Code of criminal procedure of the Russian Federation of an established order of the appeal of a measure of restraint in the form of detention for delivery of the person; of the term during which the court has to direct material to the court of appeal in case of the appeal of the specified decisions; of the concept of a subject of appeal of a measure of restraint in the form of detention for possible delivery.

It is offered to make changes and additions to the existing Code of criminal procedure of the Russian Federation regarding an appellate procedure of a measure of restraint in the form of detention for possible delivery of the person.

Key words: extradition, delivery of the person, foreign citizen, measure of restraint, detention.

References

1. General'naja prokuratura RF [Prosecutor General's Office of the Russian Federation]. Available at : <http://ipriem.genproc.gov.ru/ms> (Accessed 22 June 2016).
2. Ministerstvo justicii RF [Ministry of Justice of the Russian Federation]. Available at : <http://minjust.ru/proekt-federalnogo-zakona-o-vnesenii-izmeneniy-v-ugolovno-processualnyy-kodeks-rossiyskoy-federacii> (Accessed 5 May 2016).
3. Veniaminov A. G., Grudinin N. S., Grjaznova D. V. Voprosy zakljuchenija pod strazhu lic, podlezhashhijek-stradicii [Questions of detention of the persons which are subject to an extradition]. NAUKA-RASTUDENT.RU, 2015, no. 9. Available at : http://nauka-rastudent.ru/21/2874/?get_pdf (Accessed 27 May 2016).
4. Hohlov D. K. K voprosu obzhalovaniija mery presechenija izbiraemoj po resheniju suda [To a question of appeal of the measure of restraint chosen by a court decision]. Jekonomika i pravo – Economy and law, 2015, no. 1, p. 38.

ОКСАНА ЮРЬЕВНА ПЕСТОВА,
старший инспектор юридической группы
ФКУ «Жилищно-коммунальное управление»
(УФСИН России по Кировской области),
e-mail: sestryxux@mail.ru

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ (ОКАЗАНИЕМ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ ЗАКЛЮЧЕННЫМ) В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Реферат: контрольная деятельность является составным механизмом любого правового государства. В июне 2008 г. принят Федеральный закон № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания», в котором четко определены основные формы и полномочия общественно-наблюдательных комиссий.

Абсолютным новшеством для всей пенитенциарной системы явилось принятие в 2011 г. поправок в данный Федеральный закон, позволяющих осуществлять общественный контроль за обеспечением прав на охрану здоровья лиц, находящихся в местах принудительного содержания. Это сразу нашло отражение в работе общественно-наблюдательных комиссий по осуществлению проверок медицинской деятельности исправительных учреждений.

В статье анализируются отчеты общественно-наблюдательных комиссий, проблемы при осуществлении медицинской деятельности исправительных учреждений в разных регионах страны.

Ключевые слова: общественный контроль, толкование норм права, общественно-наблюдательные комиссии, медицинская помощь, охрана здоровья, пенитенциарная система.

Основным правовым актом, регламентирующим реализацию общественного контроля за деятельностью учреждений, исполняющих наказания, является Конституция Российской Федерации. В ст. 3 данного документа закреплено, что народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Общество выступает основным сувереном во всех областях жизни и самостоятельно определяет, как ему организовать свою власть [3, с. 30].

Кроме Конституции РФ, которая регламентирует общественный контроль за деятельностью учреждений, исполняющих уголовные наказания, существует ряд других нормативных и отраслевых правовых актов. Например, в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (УИК РФ) содержится отдельная глава, которая посвящена учреждениям и органам, исполняющим наказание, и контролю за их деятельностью. Так, в ст. 23 УИК РФ кроме государственных органов власти, органов местного самоуправления и общественных объединений, осуществляющих контроль за уголовно-исполнительной системой, возможен и общественный контроль.

В УИК РФ также существует норма, позволяющая осуществлять общественный контроль за

деятельностью учреждений, исполняющих уголовные наказания: в ст. 24 УИК РФ перечисляются лица, имеющие право посещать учреждения и органы, исполняющие уголовные наказания, без специального на то разрешения. К ним относятся главы органов местного самоуправления и члены общественных наблюдательных комиссий. Представителям средств массовой информации законодатель разрешает посещать учреждения, исполняющие уголовные наказания, только при наличии специального разрешения администрации этих учреждений либо вышестоящих органов.

Таким образом, анализ гл. 3 УИК РФ, посвященной учреждениям и органам, исполняющим наказание, и контролю за их деятельностью, позволяет нам сделать вывод о том, что общественные объединения, органы местного самоуправления и средства массовой информации осуществляют контроль за деятельностью уголовно-исполнительной системы, так как осужденные являются такими же работающими гражданами, как и граждане, работающие по аналогичной профессии в условиях свободы [2].

Следующий нормативно-правовой акт, в котором закреплено положение о том, что органы местного самоуправления, общественные организации контролируют деятельность учреждений, исполняющих

уголовные наказания, а также деятельность следственных изоляторов в пределах и порядке, установленных законодательством Российской Федерации, – Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (ст. 38).

Наряду с актами, которые содержат нормы, регулирующие общественный контроль за деятельностью УИС, существуют и иные нормативные документы, при толковании которых их отдельные положения можно отнести к правовым основам общественного контроля за деятельностью УИС.

Во-первых, это Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», где в ст. 27 перечислены права общественных объединений:

- право на участие в выработке решений органов государственной власти и органов местного самоуправления;
- право на проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований;
- право учреждать средства массовой информации и осуществлять издательскую деятельность;
- право представлять и защищать свои права, законные интересы своих членов и участников, а также других граждан в органах государственной власти, органах местного самоуправления и общественных объединениях;
- право выступать с инициативами по различным вопросам общественной жизни, вносить предложения в органы государственной власти.

Следует согласиться с мнением В. В. Федорова, который считает, что «хоть из указанных полномочий отсутствуют прямые контрольные функции общества за деятельностью правоохранительных органов, но, принимая во внимание наличие широкого и узкого смыслового значения понятий общественного контроля за государством, при помощи герменевтического анализа, достаточно обоснованно можно заявить, что, осуществляя данные полномочия, общественные объединения взаимодействуют с государством и тем самым контролируют его функционирование» [5, с. 112].

Во-вторых, в соответствии со ст. 2 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» граждане РФ имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения, включая обращения объединений граждан, в том числе юридических лиц, в государственные органы, органы местного самоуправления и их должностным лицам, в государственные и муниципальные учреждения и иные организации, на которые возложено осуществление публично значимых функций, и их должностным лицам. Считается, что

данное право может быть реализовано и в отношении уголовно-исполнительной системы.

В-третьих, в ст. 25 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» содержится запрет на воспрепятствование распространению продукции средств массовой информации со стороны граждан, объединений граждан, должностных лиц, предприятий, учреждений, организаций, государственных органов.

Средства массовой информации часто привлекают внимание к наиболее острым и ярким темам пенитенциарной системы, тем самым выполняя контрольную функцию за деятельностью уголовно-исполнительной системы. Так, одним из направлений корректировки и противодействия негативным последствиям межкультурных отношений является разработка мероприятий, направленных на формирование этнической толерантности с использованием кросс-культурных ассимиляторов, дискуссий, встреч [1].

В-четвертых, это Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации».

Целью создания Общественной палаты является обеспечение независимой экспертизы важнейших нормативных актов, непосредственно затрагивающих интересы граждан.

На федеральном уровне Общественная палата Российской Федерации выступает интегрирующим центром системы общественного контроля. В структуру Общественной палаты входит специальный комитет по контролю за правоохранительными органами, в том числе за деятельностью уголовно-исполнительной системы. Следует отметить, что на современном этапе развития общества вопросы взаимоотношения правовых и моральных норм наиболее полно и всесторонне нашли свое отражение в уголовно-правовой сфере, поскольку именно здесь происходит единение этих двух феноменов [6].

Анализируя изложенное, стоит согласиться с В. В. Федоровым о том, что нормативная основа осуществления общественного контроля за деятельностью пенитенциарных учреждений противоречива. Нормы, регламентирующие общественный контроль за деятельностью уголовно-исполнительной системы, указанные в упомянутых нормативных актах «распылены», а их объем, пределы и порядок реализации на законодательном уровне не урегулированы, поэтому данный вид контроля носит произвольный и ситуативный характер, что ставит под сомнение системность его реализации [5, с. 115–116].

Таким образом, необходимо было принять федеральный закон, который регулировал бы основы, порядок и пределы общественного контроля за

деятельностью уголовно-исполнительной системы. Им стал Федеральный закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» (далее – ФЗ № 76-ФЗ).

Предметом регулирования данного Закона являются правовые основы участия общественных объединений в общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания, содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания, в том числе в создании условий для их адаптации к жизни в обществе (ст. 1).

Общественный контроль за деятельностью уголовно-исполнительной системы осуществляют общественные наблюдательные комиссии (далее – ОНК) и члены ОНК, которые назначаются Общественной палатой Российской Федерации (ст. 5, 10 ФЗ № 76-ФЗ).

Основными формами деятельности ОНК являются:

- посещение мест принудительного содержания;
- рассмотрение предложений, заявлений и жалоб лиц, находящихся в местах принудительного содержания;
- подготовка решений по результатам проведения общественного контроля;
- направление материалов по итогам осуществления общественного контроля Уполномоченному по правам человека в РФ и в субъекте РФ, в Общественную палату РФ и в субъекте РФ, в общественные объединения, средства массовой информации, федеральные органы исполнительной власти, органы местного самоуправления, а также в иные компетентные государственные органы;
- взаимодействие с государственными органами РФ и органами субъектов РФ;
- участие в работе комиссий исправительных учреждений при решении вопросов о переводе осужденных из одних условий отбывания наказания в другие и др.

Основные полномочия ОНК закреплены в ст. 16 ФЗ № 76-ФЗ.

Абсолютным новшеством ФЗ № 76-ФЗ было принятие в 2011 г. ст. 16.1, посвященной общественному контролю за обеспечением прав лиц, находящихся в местах принудительного содержания, на охрану здоровья. Согласно указанной статье члены ОНК осуществляют контроль за обеспечением права лиц, находящихся в местах принудительного содержания, на охрану здоровья при их нахождении в местах принудительного содержания, при временном помещении их в медицинские учреждения, а также в стационарных (конечных либо промежуточных) пунктах перемещения таких лиц.

Кроме того, члены ОНК вправе с согласия этого лица или его законного представителя знакомиться с медицинской документацией, отражающей состояние его здоровья, беседовать по вопросам оказания медицинской помощи с лицами, находящимися в местах принудительного содержания, медицинских учреждениях.

Данное нововведение незамедлительно нашло свое отражение в проверках ОНК медицинских учреждений уголовно-исполнительной системы. Так, в отчете ОНК по Волгоградской области за 2013 г. было указано о недостаточном медицинском обслуживании в местах принудительного содержания: об отсутствии полного штата необходимых медработников, врачей-специалистов узкого профиля, вследствие чего осуществлялась несвоевременная и не всегда квалифицированная медицинская помощь.

Из 95 материалов на осужденных, представленных в суд для рассмотрения вопроса о досрочном освобождении по основному заболеванию, 39 человек были освобождены, остальным – отказано, некоторым неоднократно. Мотивы отказов остаются прежние: большая неотбытая часть наказания, тяжесть совершенного преступления, отсутствие социальных связей. Обращается внимание на сокращение смертности в местах принудительного содержания: 61 человек в сравнении со 102 в 2012 г. Уменьшается и количество суицидов: 11 человек против 19 в 2012 г.

Приведенная статистика, как отмечают члены ОНК по Волгоградской области, свидетельствует о недостаточно эффективной системе медицинского обеспечения лиц, временно изолированных от общества, что оказывает негативное влияние на состояние здоровья граждан в местах лишения свободы в целом.

В отчете ОНК Алтайского края за 2013 г. отмечалось, что в изоляторе № 2 медсанчасть в целом оснащена необходимым оборудованием и медикаментами, но для неотложной помощи на день посещения отсутствовала воронка (шприц Жане) для желудочного зонда и было недостаточно раствора эуфиллина и анальгетиков. В этом же изоляторе слабо осуществлялся контроль за выполнением назначений врачей. Так, лор-врач 31 октября 2013 г. при осмотре Ш., 1977 г. р., диагностировал у него двухсторонний острый отит и назначил лечение, но при наличии в медсанчасти необходимых медикаментов назначения врача до 7 ноября 2013 г. не выполнялись.

В колонии № 5 при посещении членами ОНК Алтайского края было выявлено, что журнал медицинского осмотра поваров, журнал закладки продуктов не прошит, не скреплен печатью и подписью ответственного лица. Журнал медицинского осмотра поваров ведется с нарушением. Аналогичные нарушения были выявлены и в колонии № 10.

В колонии № 5 на момент посещения в обеденное время в журнале уже имелась запись о якобы медицинском осмотре лиц, рабочая смена которых начинается лишь с 20.00. Там же осужденный К., 1975 г. р., страдающий ВИЧ с 2007 г. и хроническим гепатитом В и С с 2011 г., был трудоустроен на вредное производство в должности машиниста (кочегара) котельной 28 июля 2012 г. без прохождения предварительного медицинского осмотра. Осужденный Д., 1979 г. р., работает кочегаром с 10 декабря 2012 г., хотя в медицинской карточке имеется запись, что он страдает гепатитом С с 2002 г. Осужденному не проводилось гепатологическое биохимическое и серологическое обследования на предмет подтверждения или снятия диагноза хронического гепатита и определения активности заболевания.

Членами ОНК Алтайского края также было отмечено, что своим правом на освобождение из-под стражи в соответствии с постановлением Правительства РФ от 14 января 2011 г. № 3 «Правила медицинского освидетельствования подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений» за весь 2013 г. пробовали воспользоваться лишь 11 человек, в отношении двоих медицинской комиссией было принято положительное решение и суд принял решение освободить их из-под стражи. В 2012 г. на медицинское освидетельствование было направлено 13 человек, и в четырех случаях было принято положительное решение.

Неутешительная картина складывается и в Пермском крае. Так, в отчете ОНК по Пермскому краю по состоянию на 1 января 2013 г. было отмечено нарушение права на охрану здоровья заключенных и оказание им медицинской помощи: ветхость отделений в лечебных корпусах, помещениях, где проживают больные осужденные; отсутствие лицензирования отдельных видов медицинской помощи; отсутствие квалифицированных специалистов, препаратов, оборудования. Все медицинские учреждения находятся в состоянии превышения лимита, в связи с чем возникают следующие проблемы: некачественное оказание медицинской помощи осужденным; неудовлетворительное функционирование отопительной системы и систем

энерго- и водоснабжения, которое приводит к неэффективному лечению и заболеванию других лиц; несоответствие температурного режима в лечебных корпусах, помещениях, где проживают больные осужденные, санитарным нормам (отопление, дополнительное обмундирование, дополнительные одеяла и др., в некоторых учреждениях сложилась практика отказа в принятии передач с лекарственными препаратами, передаваемых родственниками осужденных); отсутствие горячего водоснабжения; вопросы применения дисциплинарных наказаний в лечебных учреждениях с точки зрения соблюдения постельного режима (в некоторых учреждениях тяжелобольные осужденные содержатся в штрафных помещениях на общих основаниях); слабое взаимодействие с гражданскими лечебными учреждениями в решении вопросов экстренной транспортировки, проведения операций и лечения, оказания платных медицинских услуг; представление осужденных к освобождению в связи с болезнью по формальным основаниям: в случае длительного тяжелого состояния больного при отсутствии какого-либо необходимого признака, предусмотренного постановлением Правительства РФ от 6 февраля 2004 г. № 54, больной не представляется к освобождению, из чего следует высокая смертность; отсутствие взаимодействия с муниципальными больницами (проблема получения дополнительной специализированной медицинской помощи либо в медучреждениях системы здравоохранения).

В настоящее время в 81 субъекте Российской Федерации созданы и функционируют общественные наблюдательные комиссии общей численностью 811 человек.

За рубежом система контроля за качеством медицинского обслуживания в пенитенциарных учреждениях представлена намного шире. В США большое значение придается общественному контролю, который в отличие от нашего носит профессиональный характер: проверяющий имеет соответствующую специальность и аккредитацию [4]. Все изложенное заставляет задуматься о совершенствовании медико-санитарного обеспечения УИС в ближайшее время.

Список литературы

1. Васильева С. А. О необходимости формирования культуры межнациональной и межконфессиональной коммуникации как профессионального качества сотрудника УИС // Прикладная юридическая психология. 2014. № 2. С. 142.
2. Воробьев С. М. К вопросу о контрольной функции учреждений и органов УИС за процессом возмещения вреда потерпевшим от преступлений // Уголовно-исполнительное право. 2013. № 1. С. 15–17.
3. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / отв. ред. В. В. Лазарев. М., 2002. 670 с.
4. Пономарев С., Туленков А., Половникова А. За рубежом и у нас // Преступление и наказание. 2013. № 4. С. 15.

5. Федоров В. В. Общественный контроль за деятельностью уголовно-исполнительной системы как форма взаимодействия гражданского общества с государством : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 171 с.

6. Хорошко И. В. Трансформация религиозных (христианских) норм в отечественное уголовное законодательство // Человек: преступление и наказание. 2014. № 3. С. 157–161.

OKSANA YUREVNA PESTOVA,

senior inspector,
FKU «Housing-and-municipal management» legal group
(Office of the FPS of Russia across the Kirov region),
e-mail: sestryxyx@mail.ru

PUBLIC CONTROL OF THE PENAL SYSTEM: THE PROVISION OF MEDICAL CARE TO PRISONERS IN MODERN RUSSIA

Abstract: control activity is the compound mechanism of any constitutional state. In June, 2008 the Federal law No. 76-FZ «About public control over ensuring human rights in places of detention and about assistance to the persons which are in places of detention» in which the main forms and powers of the public and supervisory commissions are accurately defined is adopted.

Absolute innovation for all penal system in general, was adoption in 2011 of the amendments to this Federal law allowing to exercise public control over providing rights to health protection of the persons which are in places of detention. It has found the reflection in checks the public and supervisory commissions behind medical activity of correctional facilities at once.

The author carries out the analysis of reports of the public and supervisory commissions, problems at implementation of medical activity of correctional facilities in different regions of the country.

Key words: public control, interpretation of rules of law, public and supervisory commissions, medical care, health protection, penal system.

References

1. Vasil'eva S. A. O neobhodimosti formirovaniya kul'tury mezhnacional'noj i mezhekfessional'noj kommunikacii kak professional'nogo kachestva sotrudnika UIS [About need of formation of culture of international and interfaith communication as professional quality of the employee of penal system]. Prikladnaja juridičeskaja psihologija – Applied legal psychology, 2014, no. 2, p. 142.

2. Vorob'ev S. M. K voprosu o kontrol'noj funkcii uchrezhdenij i organov UIS za processom vozmeshhenija vreda poterpevshim ot prestuplenij [To a question of control function of establishments and bodies of penal correction system behind process of indemnification by the victim from crimes]. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo – Penal law, 2013, no. 1, pp. 15–17.

3. Nauchno-praktičeskij kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii [The scientific and practical comment to the Constitution of the Russian Federation]. Under the editorship of V. V. Lazarev. Moscow, 2002. 670 p.

4. Ponomarev S., Tulenkov A., Polovnikova A. Za rubezhom i u nas [Abroad and at us]. Prestuplenie i nakazanie – Crime and punishment, 2013, no. 4, p. 15.

5. Fedorov V. V. Obshhestvennyj kontrol' za dejatel'nost'ju ugolovno-ispolnitel'noj sistemy kak forma vzaimodejstvija grazhdanskogo obshhestva s gosudarstvom. Dis. kand. jurid. nauk [Public control over activity of criminal and executive system as a form of interaction of civil society with the state. Cand. legal sci. diss.]. Vladimir, 2006. 171 p.

6. Horoshko I. V. Transformacija religioznyh (hristianskih) norm v otechestvennoe ugolovnoe zakonodatel'stvo [Transformation of religious (Christian) norms in the domestic criminal legislation]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2014, no. 3, pp. 157–161.

ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ТЯБИНА,адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров
(Академия ФСИН России),
e-mail: juliat97@yahoo.com**ОБЪЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ,
ВОЗНИКАЮЩИХ НА СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА**

Реферат: в статье рассматриваются и анализируются мнения ученых юристов-правоведов по поводу объектов уголовно-процессуальных правоотношений; предпринята попытка анализа указанной категории применительно к уголовному процессу в целом и стадии исполнения приговора в частности. На основе проведенного анализа представлено собственное видение данной проблематики. Под объектом уголовно-процессуальных правоотношений подразумевается круг публичных интересов, общегражданских потребностей и притязаний, удовлетворяемых и реализуемых в ходе правового взаимодействия участников уголовного судопроизводства. Обосновывается необходимость признания трехчленной классификации объектов уголовно-процессуальных правоотношений на общий, родовой и специальный. В качестве общего объекта выступает установление наличия или отсутствия уголовно-правовых отношений, а также их изменение или досрочное прекращение. Родовой объект подразумевает поведение, действия определенной группы участников уголовного процесса, связанные с решением задач, присущих отдельным стадиям уголовного судопроизводства. Под специальным объектом понимается ожидаемый результат поведения участников конкретного отношения, то есть все то, по поводу чего или ради чего возникает единичное правоотношение.

Сделан вывод о том, что точное определение объекта уголовно-процессуальных правоотношений имеет большое значение при распределении уголовно-процессуальных норм в главах и разделах Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. При участии одного и того же субъекта уголовно-процессуальных правоотношений в нескольких стадиях уголовного процесса основанием систематизирования уголовно-процессуальных норм, генерирующих уголовно-процессуальные правоотношения, являются именно специфические особенности объекта указанных правоотношений, то есть специфика поведения субъектов, связанного с достижением конкретных целей.

Ключевые слова: правоотношения, объект правоотношений, уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальные правоотношения, объекты уголовно-процессуальных отношений, стадия исполнения приговора.

Стадия исполнения приговора является завершающим этапом уголовного судопроизводства, в ходе которого реализуются сформулированные в приговоре предписания суда. Это единственная стадия уголовного процесса, имеющая тесную связь с фактической деятельностью по реализации наказания, вследствие чего являющаяся предметом дискуссий на протяжении длительного времени. Подлинное соотношение различных видов деятельности на данной стадии, на наш взгляд, возможно выявить путем исследования урегулированного нормами права социального взаимодействия ее субъектов.

Как показывает анализ правовой литературы, вопросы правоотношения в той или иной мере затрагивались почти во всех работах крупных ученых в юридической науке, среди которых почетное место занимают представители, изучающие отраслевые юридические науки, а также общую теорию государства и права.

Рассматривая современную концепцию теории правоотношений, можно отметить, что до сих пор остается много вопросов для дискуссии, таких как понятие правоотношения, классификация, основания возникновения правоотношений, объекты правоотношения, содержание субъективных прав и юридических обязанностей [1, с. 42]. На наш взгляд, проблема объекта правоотношений является наиболее дискуссионной как в общей теории права, так и в отраслевых юридических науках, в частности процессуальных. Характер объекта существенно влияет на субъективные права и обязанности субъектов правоотношения, а также помогает раскрыть фактическую сторону правоотношения.

С точки зрения философии объект представляет собой то, что противопоставляется субъекту в его предметно-практической деятельности. Объект – часть объективной реальности, с которой взаимо-

действует субъект. Это определение можно применить и к правоотношению. В данном случае под ним понимается то, на что направлена деятельность отдельных лиц в индивидуализированном отношении [2, с. 286].

В современной правовой доктрине сложились две концепции понимания объекта правоотношения: монистическая (теория единого объекта) и плюралистическая (теория множественности объектов).

Согласно монистической теории, единственно возможным объектом правоотношения является человеческое поведение [3, с. 82; 4, с. 230; 5, с. 65–78]. Сторонники плюралистической теории убеждены, что объект правоотношения есть то, по поводу чего складывается то или иное правоотношение, то есть не только действия людей, но и материальные и духовные блага, из-за которых субъекты вступают в правоотношения и осуществляют свои субъективные права и юридические обязанности в рамках правоотношений [6, 117; 7, с. 32].

Говоря о проблемах объекта правоотношения, можно сделать вывод о том, что под объектом правоотношения в обычном общеупотребительном смысле, соответствующем общеправовой трактовке, принято понимать реальные явления окружающего мира, материальные, духовные, социальные и иные блага, по поводу которых возникают субъективные права и субъективные юридические обязанности [1, с. 46].

Однако ни предметы внешнего мира, ни материальные и духовные блага и ценности не могут быть объектами процессуальных отношений. В качестве таковых учеными-процессуалистами признаются: поведение субъектов процессуального правоотношения [8, с. 100], материальное правоотношение, ради которого сложилось процессуальное правоотношение [9, с. 139; 10, с. 37], либо понятием объекта охватывается и первое, и второе [11, с. 106; 12, с. 59].

Если рассматривать в качестве объекта уголовно-процессуальных правоотношений только поведение их участников, то будет сложно выделить объект без анализа признаков субъекта правоотношения и конкретной процессуальной ситуации. Наиболее верным, на наш взгляд, является понимание под объектом уголовно-процессуальных правоотношений определенное благо или интерес, обеспечиваемые правом. Данное благо выступает как цель (ожидаемый результат), а средством его достижения является поведение субъектов. Мы поддерживаем точку зрения о том, что в исследовательских целях применимы как концепция объекта-блага, так и поведенческая концепция объекта уголовно-процессуального правоотношения, ведь первая позволяет уяснить природу соответствующих

социальных связей, а вторая – детально исследовать механизм их реализации, конкретный эпизод уголовно-процессуальной деятельности [13, с. 40].

Под объектом уголовно-процессуальных правоотношений мы подразумеваем круг публичных интересов, общегражданских потребностей и притязаний, удовлетворяемых и реализуемых в ходе правового взаимодействия участников уголовного судопроизводства.

В настоящее время в уголовно-процессуальной литературе принято выделять общий и специальный объекты соответствующих правоотношений, при этом и в том и в другом случае под объектом понимается то, по поводу чего или в связи с чем совершаются действия субъектов правоотношения [2, с. 288].

В качестве общего объекта некоторые исследователи понимали быстрое и полное раскрытие преступления, познание объективной истины, с тем чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности [14, с. 14]. Подобное определение объекта уголовно-процессуальных отношений представляет собой его отождествление, с одной стороны, с задачами уголовного судопроизводства, а с другой – с объектом уголовно-правовых отношений, что подвергалось критике отдельными специалистами [9, с. 139].

Другие ученые расширяли объект уголовно-процессуальных правоотношений, относя к нему борьбу с преступностью, по поводу которой складывались эти отношения [15, с. 139]. Однако данное положение едва ли можно считать правильным. Борьба с преступностью является общей задачей уголовной политики в целом.

Не вызывает сомнений то, что уголовно-процессуальные правоотношения, как правило, складываются в связи и по поводу уголовно-правовых отношений, цели последних достигаются посредством процессуальных отношений. С учетом этого, по мнению В. П. Божьева, общим объектом выступает уголовно-правовое отношение в его объективном (то есть соответствующем действительности) состоянии [9, с. 39].

Данную позицию критикует А. И. Миненок, отмечая, что констатация уголовно-правового отношения, которая согласно этой позиции выступает общим объектом уголовно-процессуального правоотношения, завершается со вступлением приговора в законную силу. С этого момента уголовно-процессуальное правоотношение себя исчерпывает, что должно исключать появление уголовно-процессуальных правоотношений в стадии исполнения приговора. Однако после вступления

приговора в законную силу нередко возникают вопросы, требующие своего разрешения в рамках уголовно-процессуальных правоотношений, следствием чего становится вывод о том, что установление уголовно-материального отношения не может являться общим объектом уголовно-процессуальных правоотношений. При этом автор не принимает во внимание то, что основания большинства этих вопросов предусматриваются именно уголовным законодательством и именно на их установление направлены уголовно-процессуальные правоотношения. В связи с этим мы склонны считать в качестве общего объекта в первую очередь установление наличия или отсутствия уголовно-правовых отношений, а также их изменение или досрочное прекращение.

Наряду с общим объектом в уголовно-процессуальной литературе исследуется специальный (непосредственный) объект, под которым понимается ожидаемый результат поведения участников конкретного отношения, то есть все то, по поводу чего или ради чего возникает единичное правоотношение [14, с. 35].

Общий и специальный объекты должны отражать общую для них направленность, но при этом они различны по объему и некоторым качественным характеристикам. В указанной классификации, как верно отмечает А. И. Миненок, отсутствует связующее звено – это единство общего и единичного, которое бы имело свойства и признаки и того и другого и вместе с тем позволяло отграничивать отдельные объекты разного рода [16, с. 35].

Объект должен отражать предметно практическую и познавательную деятельность всех субъектов уголовно-процессуального правоотношения. Принимая во внимание изложенное, мы поддерживаем точку зрения о необходимости выделения, помимо общего и специального, родового объекта.

Родовой объект подразумевает поведение, действия определенной группы участников уголовного процесса, связанные с решением задач, присущих отдельным стадиям уголовного судопроизводства (возбуждение уголовного дела, предварительное расследование, судебное разбирательство, исполнение приговора и др.) [16, с. 36].

Таким образом, в рассмотренной выше системе объектов объекты уголовно-процессуальных правоотношений в стадии исполнения приговора объединены рядом родовых признаков, отражающих общность целей и задач исследуемой стадии.

В зависимости от основания возникновения данных правоотношений (от конкретного уголовно-процессуального юридического факта, его порождающего) родовый объект уголовно-процессуальных правоотношений (как благо или ожидаемый результат поведения) в исследуемой

стадии представлен двумя элементами. Первая часть объекта уголовно-процессуальных правоотношений, складывающихся в стадии исполнения приговора, представляет собой ожидаемый результат действий субъектов при обращении приговора к исполнению. Организационный характер деятельности в данном случае определяется характером самого объекта.

Вторая часть родового объекта представляется более сложной в том плане, что ее реализация осуществляется различными по характеру и содержанию уголовно-процессуальными действиями. Как известно, после вынесения приговора могут появляться различные обстоятельства, препятствующие исполнению первоначальных предписаний приговора или делающие его неэффективным. Именно на преодоление таких препятствий направлены уголовно-процессуальные правоотношения в этой сфере.

Элементы, входящие в родовый объект, различны по характеру, что предопределяет различный характер реализуемых в этой стадии уголовно-процессуальных правоотношений. Родовой объект стадии исполнения приговора дифференцирует применительно к специальным (непосредственным) объектам и исходя из этого определяют конкретные задачи тех или иных действий субъекта.

Под специальным объектом понимается ожидаемый результат поведения участников конкретного единичного уголовно-процессуального отношения, складывающегося в стадии исполнения приговора. Единичные уголовно-процессуальные правоотношения в исследуемой стадии складываются по поводу разрешения конкретного вопроса, связанного с исполнением приговора. Перечень вопросов, подлежащих рассмотрению судом в стадии исполнения приговора, дан в ст. 397 УПК РФ. На наш взгляд, именно сущность этих вопросов определяет поведение субъектов уголовно-процессуальных правоотношений, значит, можно говорить о том, что именно они выступают в роли специальных объектов. Таким образом, специальными объектами уголовно-процессуальных правоотношений в стадии исполнения приговора выступают: освобождение от наказания; усиление мер исправительного воздействия; смягчение мер исправительного воздействия; применение меры пресечения в виде заключения под стражу; изменение условий отбывания наказания; применение принудительных мер медицинского характера; отсрочка исполнения приговора и отбывания наказания; устранение ошибок, неточностей, упущений в приговоре и др.

Точное определение объекта уголовно-процессуальных правоотношений имеет большое зна-

чение при распределении уголовно-процессуальных норм в главах и разделах УПК РФ. При участии одного и того же субъекта уголовно-процессуальных правоотношений в нескольких стадиях уголовного процесса основанием систематизирования уголовно-

процессуальных норм, генерирующих уголовно-процессуальные правоотношения, являются именно специфические особенности объекта указанных правоотношений, то есть специфика поведения субъектов, связанного с достижением конкретных целей.

Список литературы

1. Полищук Н. И. Правовые отношения и юридические факты: вопросы теории и практики. Рязань, 2006. 198 с.
2. Бахта А. С. Механизм уголовно-процессуального регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011.
3. Иоффе О. С. Правоотношения по советскому гражданскому праву. Л., 1949. 143 с.
4. Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М., 1961. 381 с.
5. Магазинер Я. М. Объект права. Очерки по гражданскому праву. Л., 1957. 78 с.
6. Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955. 176 с.
7. Явич Л. С. Советское право – регулятор общественных отношений в СССР. Сталинабад, 1957.
8. Коваль Л. В. Административно-деликтные отношения. Киев, 1979. 230 с.
9. Божьев В. П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М., 1975. 175 с.
10. Дрейшев Б. В. Правотворчество в советском государственном управлении. М., 1977. 160 с.
11. Дюрягин И. Я. Право и управление. М., 1981. 158 с.
12. Курс советского уголовного судопроизводства : учебник : в 3 т. / под ред. В. А. Михайлова. М., 1989. Т. 1. 640 с.
13. Ахматов И. И. К вопросу об объекте уголовно-процессуальных правоотношений // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2011. № 40.
14. Элькинд П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963. 172 с.
15. Шейфер С. А. О роли правоотношений в советском уголовном процессе // Вопросы уголовного права и процесса. М., 1958. С. 123–153.
16. Миненок А. И. Стадия исполнения приговора (проблемы повышения эффективности). Калининград, 1988. 64 с.

JULIJA ALEKSANDROVNA TJABINA,

adjunct, preparation of the research and educational personnel department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: juliat97@yahoo.com

OBJECTS OF THE PROCEDURAL CRIMINAL LEGAL RELATIONS AT THE STAGE OF EXECUTING THE SENTENCE

Abstract: in article opinions of scientific lawyers-jurists in an occasion of objects of criminal procedure legal relationship are considered and analyzed. The author made an attempt of the analysis of the specified category in relation to criminal procedure in general and stages of execution of a sentence in particular. On the basis of the carried-out analysis own vision of this perspective is provided. Object of criminal procedure legal relationship is meant as a circle of the public interests, all-civil requirements and claims satisfied and realized during legal interaction of participants of criminal trial.

Need of recognition of tripartite classification of objects of criminal procedure legal relationship on general, patrimonial and special is proved. Establishment of availability or lack of criminal legal relations, and also their change or early termination acts as a general object. A patrimonial object implies behavior, actions of a certain group of participants of criminal procedure connected with the solution of the tasks inherent in separate stages of criminal trial. A special object is understood as the expected result of behavior of participants of the specific relation, that is all concerning what or for the sake of what there is single legal relationship.

The conclusion is drawn that exact determination of an object of criminal procedure legal relationship is of great importance in case of distribution of criminal procedure regulations in chapters and sections of the Code of penal procedure of the Russian Federation. With the assistance of the same subject of criminal procedure legal relationship in several stages of criminal procedure the basis of systematization of the criminal procedure regulations generating criminal procedure legal relationship are specific features of an object of the specified legal relationship, that is specifics of the behavior of subjects connected with achievement of specific purposes and tasks.

Key words: legal relationship, object of legal relationship, criminal trial, criminal procedure legal relationship, objects of the criminal procedure relations, stage of execution of a sentence.

References

1. Polishhuk N. I. Pravovye otnosheniya i juridicheskie fakty: voprosy teorii i praktiki [Legal relations and legal facts: questions of the theory and practice]. Ryazan, 2006. 198 p.
2. Bahta A. S. Mehanizm ugovovno-processual'nogo regulirovaniya. Dis. d-ra jurid. nauk [The mechanism of criminal procedure regulation. Dr. legal sci. diss.]. Moscow, 2011.
3. Ioffe O. S. Pravootnosheniya po sovetскому grazhdanskomu pravu [The legal relationship on the Soviet civil law]. Leningrad, 1949. 143 p.
4. Ioffe O. S., Shargorodskij M. D. Voprosy teorii prava [The questions of the theory of the law]. Moscow, 1961. 381 p.
5. Magaziner Ja. M. Ob'ekt prava. Ocherki po grazhdanskomu pravu [The law object. Sketches on civil law]. Leningrad, 1957. 78 p.
6. Aleksandrov N. G. Zakonnost' i pravootnosheniya v sovetskom obshhestve [Legality and legal relationship in the Soviet society]. Moscow, 1955. 176 p.
7. Javich L. S. Sovetskoe pravo – reguljator obshhestvennyh otnoshenij v SSSR. [The Soviet right – the regulator of the public relations in the USSR]. Stalinabad, 1957.
8. Koval' L. V. Administrativno-deliktnye otnosheniya [Administrative and delictual relations]. Kiev, 1979. 230 p.
9. Bozh'ev V. P. Ugolovno-processual'nye pravootnosheniya [Criminal procedure legal relationship]. Moscow, 1975. 175 p.
10. Drejshev B. V. Pravotvorchestvo v sovetskom gosudarstvennom upravlenii [Law-making in the Soviet public administration]. Moscow, 1977. 160 p.
11. Djurjagin I. Ja. Pravo i upravlenie [Law and management]. Moscow, 1981. 158 p.
12. Kurs sovetskogo ugovovnogogo sudoproizvodstva [Course of the Soviet criminal trial]. Under the editorship of V. A. Mihajlova. Moscow, 1989. Vol. 1. 640 c.
13. Ahmatov I. I. K voprosu ob ob'ekte ugovovno-processual'nyh pravootnoshenij [To a question of object of criminal procedure legal relationship]. Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Southern Ural State University, 2011, no. 40.
14. Jel'kind P. S. Sushhnost' sovetskogo ugovovno-processual'nogo prava [Essence of the Soviet criminal procedure right]. Leningrad, 1963. 172 p.
15. Shejfer S. A. O roli pravootnoshenij v sovetskom ugovovnom processe [About a role of legal relationship in the Soviet criminal procedure]. Voprosy ugovovnogogo prava i processa [Questions of criminal law and process]. Moscow, 1958, pp. 123–153.
16. Minenok A. I. Stadiya ispolneniya prigovora (problemy povysheniya jeffektivnosti) [Stage of execution of a sentence (problem of increase in efficiency)]. Kaliningrad, 1988. 64 p.

СЕРГЕЙ ЛЕОНТЬЕВИЧ ЯБЛОЧНИКОВ,доктор педагогических наук, профессор,
профессор кафедры математики
и информационных технологий управления;**ИРИНА ОСТАПОВНА ЯБЛОЧНИКОВА,**кандидат педагогических наук,
доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа,
финансов и налогообложения
(Академия ФСИН России),
e-mail: vvkfek@mail.ru

СИНТЕЗ МОДЕЛЕЙ УЧЕТА И ОПТИМИЗАЦИИ ЗАПАСОВ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Реферат: в статье дается анализ аспектов создания моделей учета и оптимизации запасов при осуществлении производственной деятельности предприятий, учреждений и организаций. Данная проблема становится особенно актуальной в условиях затяжного экономического кризиса. В научной экономической литературе отечественными и зарубежными исследователями управлению запасами уделяется существенное внимание. Проектировщики информационных систем и разработчики компьютерного программного обеспечения также предлагают современные средства автоматизация управления материальными потоками. В данном случае для формализации указанной выше деятельности следует использовать адаптивный подход, а в качестве одного из соответствующих условий рассматривать недостаток априорной информации.

Синтезирована математическая модель адаптивного управления запасами в условиях неопределенности, сделаны выводы о целесообразности ее применения для оптимизации процессов функционирования различных производственных структур.

Ключевые слова: оптимизация производственной деятельности, управление запасами предприятий и учреждений, математическое моделирование в условиях неопределенности.

Предприятия, учреждения и организации, реализуя на практике экономическую, хозяйственную и производственную деятельность, часто сталкиваются с необходимостью решения задач по осуществлению учета, контроля, планирования и оптимизации запасов. Учреждения УИС как неотъемлемая часть всей совокупности социально-экономических отношений в государстве и обществе также вынуждены уделять внимание данным вопросам.

В условиях рыночной экономики становятся особенно актуальными вопросы рациональной и эффективной организации процессов управления и контроля за движением материальных и финансовых потоков с целью повышения эффективности материально-технического снабжения и обеспечения сбыта продукции. Указанное, как правило, связано с необходимостью оптимизации уровня запасов предприятия и их эффективного использования, а также минимизации оборотных средств, вложенных на определенном этапе в такие запасы. Особенную остроту и актуальность данная проблема приобре-

тает в условиях современного экономического кризиса.

Одними из первых изучению проблем управления запасами посвятили свои научные публикации Ф. Харрис, Р. Уилсон, Ф. Раймонд. Известны и более поздние исследования зарубежных специалистов в сфере моделирования процессов поставок и управления запасами, в частности, Д. Бауэрсокса, Дж. Хедли, Т. Уайтина, Д. Клосса, Дж. Шапиро и др. Из отечественных исследователей подобными вопросами занимались А. Н. Гаджинский, А. М. Зеваков, Л. Б. Миротин, О. А. Свиридова, В. И. Сергеев, В. И. Степанов, А. Н. Стерлигова и др. Так, аспекты моделирования и принятия решений в условиях неопределенности рассматриваются в работах Г. Л. Бродецкого, Б. Л. Геронимуса, О. В. Голосова, А. А. Емельянова, В. А. Лотоцкого, А. В. Мищенко, Ю. И. Рьжикова [1].

Современные подходы к анализу систем управления запасами, в том числе с учетом временной стоимости денег, развивались в основном зарубежными учеными, например, такими как М. Альхедхер, А. Аленизи, М. Дервиш,

А. Кумер, Т. Рой [2]. Их исследования охватывают довольно большую совокупность вопросов, которые касаются моделирования экономической деятельности организаций и развития теории управления запасами, а именно: определение оптимального объема заказа; оптимизация работы сложных систем снабжения на основе применения теории систем массового обслуживания; прогнозирование процессов функционирования многономенклатурных систем управления запасами; оценка риска возникновения дефицита; увеличение экономической рентабельности средств управления запасами и ряд других.

Начиная со второй половины XX века также активно развиваются всевозможные промышленные технологии управления запасами (MRP, ERP, APS, MRPII и др.). Кроме того, крупные разработчики информационных систем управления в экономике и программного обеспечения, в частности Jda, Toolsgroup, стремятся к полной интеграции разрабатываемых компьютерных программ с различными средствами, реализующими на практике управление товарными потоками на предприятиях (MRP/ERP в SAP, 1C, Oracle и пр.) [3].

В научной экономической литературе задача управления запасами рассматривается большинством авторов в контексте формирования определенного количества материальных ресурсов или предметов потребления в первую очередь с целью удовлетворения спроса на заданном интервале времени. Во многих учебниках по экономике декларируется следующий тезис: «Для обеспечения непрерывного и эффективного функционирования практически любой организации необходимо создание запасов» [4]. При этом формулируется несколько классов задач, в том числе вошедших в свое время в дисциплину «Исследование операций», например, планирование, распределение ресурсов и средств, формирование структуры систем обслуживания.

Подобные задачи посвящены определению количества заказываемой продукции или же оптимальных сроков размещения (выполнения) заказов. При этом, как правило, считают, что удовлетворение определенного спроса возможно путем однократного создания некоторого запаса, который будет использован на протяжении всего рассматриваемого периода, или посредством его создания для каждого минимального промежутка времени этого периода. Указанные случаи соответствуют избыточному запасу и некоторому недостаточному запасу. При избыточном запасе требуются более высокие удельные капитальные вложения, однако дефицит возникает реже и частота размещения

заказов меньше. Так, при недостаточном запасе удельные капитальные вложения значительно ниже, но частота размещения заказов и риск дефицита возрастают. Для любого из этих двух случаев характерны существенные экономические потери. Таким образом, решения относительно размера заказа и момента его размещения могут основываться на минимизации соответствующей функции общих затрат, включающих в себя затраты, обусловленные потерями от избыточного запаса и дефицита.

Необходимо также отметить, что дефицит производственных запасов приводит к нарушению ритмичности производства организации, снижению производительности труда, перерасходу материальных ресурсов из-за вынужденных нерациональных замен и повышению себестоимости выпускаемой продукции. Недостаток бытовых запасов не позволяет обеспечить бесперебойность отгрузки готовой продукции. Это обуславливает существенное уменьшение объемов реализации, снижение прибыли и потерю постоянных клиентов, являющихся потребителями продукции предприятия.

В то же время наличие больших объемов запасов, как правило, замедляет оборачиваемость оборотных средств, выводит из оборота материальные ресурсы, негативно влияет на темпы воспроизводства. Функционирование предприятия или организации при высоком уровне запасов неэффективно. Кроме того, высокий уровень излишних запасов приводит к росту издержек по содержанию и обслуживанию самих запасов (необходимо наличие больших площадей складских помещений, квалифицированного персонала – кладовщиков, грузчиков, учетчиков, бухгалтеров и т. д.). Это, в свою очередь, обуславливает дополнительные затраты, что негативно отражается на себестоимости продукции, снижает ее конкурентоспособность на рынке товаров и услуг, а также эффективность функционирования предприятия, организации или учреждения в целом.

В качестве критерия оптимальности в научной и учебной литературе в большинстве случаев определяют минимум совокупных расходов по доставке и хранению. Расходы по доставке товаров при увеличении размера заказа уменьшаются, так как перевозки осуществляются более крупными партиями, следовательно, реже. Расходы по хранению растут прямо пропорционально размеру заказа. График, отражающий характер зависимости совокупных издержек по транспортировке и хранению от размера заказываемой партии, показан на рисунке 1.

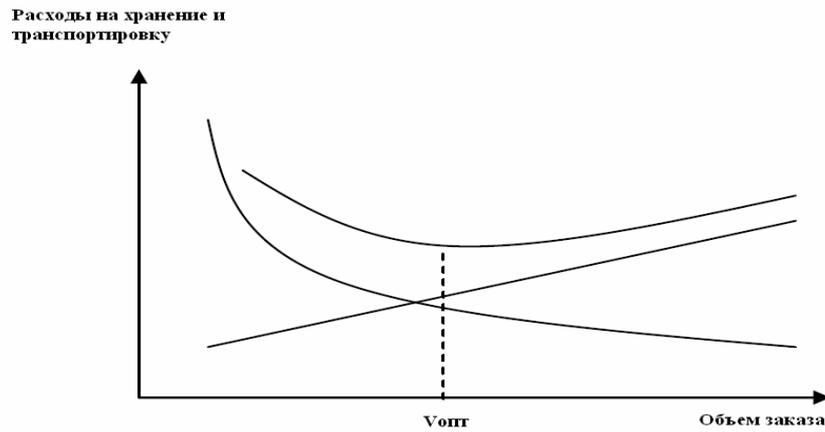

Рис 1. Зависимость суммарных расходов на хранение и транспортировку от объема заказа ($V_{\text{опт}}$ – оптимальный объем заказа).

Задача определения оптимального объема заказа может быть решена как графическим методом, так и аналитически. В последнем случае необходимо найти уравнение суммарной кривой, продифференцировать его и приравнять вторую производную к нулю. В результате получим классическую формулу Уилсона, позволяющую рассчитать оптимальный объем заказа. Она имеет следующий вид:

$$V_{\text{опт}} = \sqrt{2VZ_{\text{хр}}/Z_{\text{т}}}, \quad (1)$$

где V – объем оборота товаров на складе, $Z_{\text{хр}}$ – затраты на хранение товаров, $Z_{\text{т}}$ – затраты на их транспортировку.

Перечисленные задачи управления запасами рассматриваются при условии наличия достаточной априорной информации, относительно соответствующих плотностей распределения вероятностей [5]. На практике такие плотности распределения вероятности заранее неизвестны. Тогда классическую задачу управления запасами заменяют минимаксной. При этом возникает вполне логичный вопрос относительно правомерности замены одной задачи другой. Возможно, есть смысл рассматривать обе эти задачи с применением адаптивного подхода, в рамках которого не выдвигается жесткое требование относительно неперемного знания априори плотности распределения некоторых величин.

Далее мы реализуем попытку подтвердить выдвинутую нами гипотезу. Пусть имеется некоторое структурное подразделение УИС, осуществляющее хранение и выдачу товаров в соответствии с заявками (заказами) (далее – склад). Поступление таких товаров происходит в дискретные моменты времени и определяется внешними условиями. Сам товар поступает на склад по окончании периода N , после того как работники подразделения заказали (закупили) его у внешних поставщиков.

Спрос на соответствующую номенклатуру товаров (то есть требуемое заказчиками количество товаров в единицу времени) также обусловлен определенными внешними условиями и не зависит от наличия запасов на складе в данный момент. При его работе существуют издержки (затраты), связанные с подготовительно-заключительными операциями, содержанием и обслуживанием запасов, а также потерями и рисками в условиях дефицита. Формирование политики заказов состоит в определении объема заказа и оптимального времени его реализации.

Пусть заказ объемом v_z реализуется всякий раз, когда уровень запасов на складе достигает критического уровня $v_{кр}$, тогда задача управления запасами приобретает форму, при которой искомой является оптимальная политика заказов. Как правило, функция спроса на товар $s(t)$ неизвестна, поэтому ее можно считать случайной, статистические характеристики которой определяются внешними для склада условиями (уровнем контингента в учреждениях УИС, интенсивностью реализации производственной и хозяйственной деятельности, сезонными факторами и т. д.). С учетом этого в качестве критерия оптимальности, обуславливающего искомую политику заказов, можно выбрать математическое ожидание издержек работы склада в единицу времени. Усреднение реализуем на интервале $[t_0, t_0+T]$ между двумя поступлениями товара.

Введем понятие вектора заказа $z (v_z, v_{кр})$. В свою очередь, издержки «склада» на протяжении интервала времени $[t_0, t_0+T]$, где t_0 – момент поступления товара на базу, можно записать в виде функции $F(s, z, T(x, z))$. В данном случае T – интервал времени между двумя последующими поступлениями товара – случайная величина, распределение которой зависит от вектора заказов и распределения вероятностей $s(t)$. Следовательно,

формализованный критерий оптимальности планирования запасов в общем виде можно записать таким образом:

$$M_x (F(s, z, T(x, z))) = Y(z) \rightarrow \min, \quad (2)$$

то есть необходимо найти такой вектор заказов, при котором $Y(z)$ достигает минимального значения.

Предположим, что спрос $s(t)$ представляет собой некоторый стационарный случайный процесс, математическое ожидание которого равно M_s . Будем считать, что поступление заказов на склад любого конечного объема происходит мгновенно, а время запаздывания поставки по отношению к моменту времени заказа равно N . Потери p на едини-

цу дефицита ресурсов и затраты z_{xp} на хранение единицы товара постоянны и известны заранее.

Для упрощения задачи также примем, что условия работы склада и его политика заказов соответствуют условиям: весь объем хранящихся товаров и весь объем дефицитных товаров на интервале времени $|t_0, t_0 + T|$ таковы, какие они были бы при условии, если спрос $s(t)$ на данном интервале был бы постоянным и равным $s(t) = (U(t_0) - U(t_0 - T)) / T$ для любого t_0 , где $U(t)$ соответствует динамике запасов. Под дефицитом будем понимать товары, запас которых является меньшим, чем спрос на них (рис. 2).

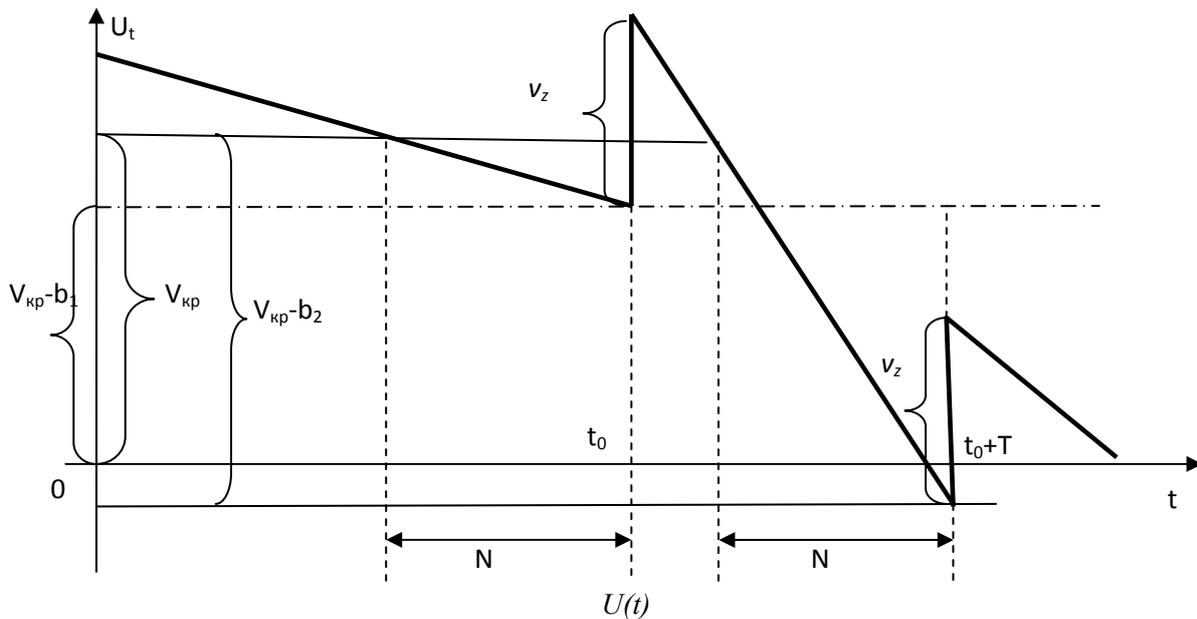

Рис. 2. Динамика уровня запасов

При оценке складских затрат в единицу времени на интервале $|t_0, t_0 + T|$ можно считать, что функция, отражающая динамику уровня запасов $U(t)$, является кусочно-линейной. При этом затраты на содержание и обслуживание запасов в единицу времени равны:

$$Z_1 = \begin{cases} \frac{2v_{кр} - b_1 + v_z - b_2}{2} & \text{если } b_2 \leq v_{кр} \\ \frac{(v_{кр} - b_1 + v_z)^2}{2(v_z - b_1 + b_2)} & \text{если } b_2 > v_{кр} \end{cases}$$

Соответственно потери вследствие наличия дефицита в единицу времени составляют

$$Z_2 = \begin{cases} \frac{(b_2 - v_{кр})p}{T} & \text{если } b_2 > v_{кр} \\ \frac{(v_{кр} - b_1 + v_z)^2}{2(v_z - b_1 + b_2)} & \text{если } b_2 \leq v_{кр} \end{cases}$$

потери на подготовительно-заключительные операции $Z_3 = \sigma/T$.

С учетом обозначения вектора заказов $z (v_z, v_{кр})$ сформулируем критерий оптимальности для такого типа задачи управления запасами в таком виде: $\min \leftarrow Y(z) = M_x (F(s, z, T(x, z)))$, где

$$\min \leftarrow Y(z) = M_x (F(s, z, T(x, z))),$$

$$\text{где } F(s, z, T(x, z)) = \frac{1}{2} (2v_{кр} - b_1 + v_z - b_2) \text{sgn}(v_{кр} - b_2) + \frac{(v_{кр} - b_1 + v_z)^2}{2(v_z - b_1 + b_2)} \text{sgn}(b_2 - v_{кр}) + p(b_2 - v_{кр}) / T(v_z) \text{sgn}(b_2 - v_{кр}) + \sigma / T(v_z);$$

$$b_1 = \int_{t_0-T}^{t_0} s(t) dt; \quad b_2 = \int_{t_0+T-N}^{t_0+T} s(t) dt; \quad \text{sgn } w = \begin{cases} 1 & \text{при } w \geq 0 \\ 0 & \text{при } w < 0 \end{cases}$$

В приведенной модели T является лишь функцией v_z и не зависит от $v_{кр}$. Указанное нами обстоятельство, упрощает поиск оптимального решения задачи управления запасами в условиях неопределенности. Если плотность распределения вероятностей спроса $s(t)$ известна априори, то вполне возможно $Y(z)$ определить и соответственно минимизировать путем дифференцирования и приравнивания к нулю. Однако достаточно часто отсутствует информация относительно вида функции плотности распределения $s(t)$, в этом случае мы можем применить адаптивный подход, получив следующее выражение:

$$\bar{z}(n) = z(n-1) - \gamma(n) \nabla_z F(s(n), z(n-1), T(s(n), z(n-1)))$$

где $\nabla_z F(s(n), z(n-1), T(s(n), z(n-1)))$ – градиент функции $F(\cdot)$,

Таким образом, рассмотренный пример является частым случаем решения задачи управления запасами в условиях неопределенности, однако достаточно наглядно демонстрирует сущность прак-

тического применения адаптивного подхода. Необходимо отметить, что подобные схемы оптимизации вполне могут быть использованы в практике эффективного управления экономической, хозяйственной и производственной деятельностью учреждений уголовно-исполнительной системы.

Список литературы

1. Рыжиков Ю. И. Теория очередей и управления запасами. СПб., 2001. 384 с.
2. Олхедэр М. Дж., Дарвиш М. А., Аленеzi А. Р. Статистика для несовершенных производственных процессов // Системы логистики и управление. 2013. Изд. 15. № 1. С. 32–46.
3. Сергеев В. И., Григорьев М. Н., Уваров С. А. Системы и логистика: информационные системы и технологии. М., 2008. 607 с.
4. Экономика, организация и планирование материально-технического снабжения и сбыта / под ред. Н. Д. Фасоляка. М., 1980. 367 с.
5. Просветов Г. И. Управление запасами. Задачи и решения. М., 2009. 192 с.

SERGEY LEONTYEV TCH JABLOCHNIKOV,

dsc in pedagogy, professor,
professor, mathematics and information technology management department;

IRINA OSTAPOVNA JABLOCHNIKOVA,

phd in pedagogy,
associate professor, accounting, analysis,
finance and taxation department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: vvkfek@mail.ru

SYNTHESIS OF MODELS OF ACCOUNTING AND INVENTORY OPTIMIZATION IN PENAL SYSTEM INSTITUTIONS

Abstract: the article is devoted to the analysis of aspects of the creation of models of accounting and inventory optimization in the production activities of enterprises, institutions and organizations. This problem becomes particularly acute in a protracted economic crisis. Inventory management is given considerable attention in academic economic literature by domestic and foreign researchers. Designers of information systems and computer software developers also offer modern means of automation for management of material flow. In this case, it is proposed to use an adaptive approach in order to formalize the above activities, and to consider the lack of a priori information as one of the relevant conditions. In the article the mathematical model of adaptive inventory management under uncertainty has been synthesized and conclusion about the feasibility of its application to optimize the functioning of the different processes of production structures has been drawn.

Key words: optimization of production activities, inventory management of enterprises and institutions, mathematical modeling in conditions of uncertainty.

References

1. Ryzhikov Yu. I. Teoriya ochere dey i upravleniya zapasami [The theory of queues and inventory management]. St. Petersburg, 2001. 324 p.
2. Alkhedher M. J., Darwish M. A., Alenezi A. R. Stochastic inventory model for imperfect production processes. Logistics Systems and Management, 2013, vol. 15, no. 1, pp. 32–46.
3. Sergeev V. I., Grigorev M. N., Uvarov S. A. Sistemy i logistika: informatsionnyie sistemyi i tehnologii [Systems and Logistics: Information Systems and Technologies]. Moscow, 2008. 607 p.
4. Ekonomika, organizatsiya i planirovanie materialno-tehnicheskogo snabzheniya i sbyita [Economics, organization and planning of logistics and distribution]. Under the editorship of N. D. Fasolyak. Moscow, 1980. 367 p.
5. Prosvetov G. I. Upravlenie zapasami. Zadachi i resheniya [Inventory Management. Problems and solutions]. Moscow, 2009. 192 p.

НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА НИКУЛИНА,

психолог

(ФКУ ИК-2 ГУФСИН России по Новосибирской области),

e-mail: nns15092005@mail.ru;

ЛЮДМИЛА ВИКТОРОВНА КАВУН,

кандидат психологических наук,

доцент кафедры психологии и педагогики

(Новосибирский государственный технический университет),

e-mail: kavlv@ngs.ru

ОСОБЕННОСТИ САМООТНОШЕНИЯ ЖЕНЩИН, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Реферат: как и любая личность, личность человека, совершившего преступление, рассматривается в системе общественных отношений, в которую он включен, и характеризуется присущими ему психологическими особенностями. Формирование противоправного поведения, антиобщественных взглядов, отрицательного отношения к нравственным ценностям может быть связано с противоречивостью внутренней структуры личности человека, совершившего преступление. Противоречивость внутренней структуры определяется внутренним миром, сознанием и психикой и проявляется внутриличностным конфликтом, определяя проблемные сферы личности.

Статья посвящена изучению самоотношения как одного из основных факторов, определяющего отношение личности к собственному Я, меру принятия или непринятия себя, и выявлению проблемных сфер женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы. В ходе эмпирического исследования выявлены значимые и неблагоприятные области отношений, степень внутриличностной конфликтности женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Результаты исследования компонентов структуры самоотношения (закрытости, самоуверенности, саморуководства, отраженного самоотношения, самооценности, самопринятия, самопривязанности, внутренней конфликтности, самообвинения) и их связи со степенью внутриличностной конфликтности женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы, в сравнении женщинами, в чьем поведении не зафиксированы нарушения норм уголовного права, указывают на различия в структуре Я. Качественный анализ значимых и неблагоприятных областей отношений у двух групп тестируемых помог выделить различия в области самовосприятия и семейных отношений. Полученные результаты можно использовать при выборе направления психокоррекционного воздействия на сознание женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

Ключевые слова: самоотношение, самовосприятие, значимые и неблагоприятные области отношений, степень внутриличностной конфликтности женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

Актуальность выбранной темы определяется тем, что в условиях пенитенциарной системы воспитательная и психологическая работа с осужденными должна строиться с учетом их индивидуальных особенностей. Деятельность психолога включает в себя проведение диагностики личностных особенностей и эмоционального состояния лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, их психологическое сопровождение в течение всего периода отбывания наказания и подготовку к освобождению. При разработке и реализации психокоррекционных программ необходимо учитывать систему общественных отношений, в которой находится и находился до совершения преступления человек.

Особенности личности женщин, совершающих преступления и отбывающих наказание в местах лишения свободы (далее – осужденные женщины), изучались в области таких наук, как антропология, криминология, психиатрия, гендерная психология, пенитенциарная психология, уголовное и исправительно-трудовое право и др. Исследовались вопросы мотивации совершения преступлений, индивидуально-психологические особенности (Ч. Ломброзо, Ю. М. Антонян, М. И. Еникеев, В. Е. Эминов, В. П. Голубев, Ю. Н. Кудряков, О. С. Кирсанова, Е. Н. Казакова, О. А. Тобалевич, Н. В. Киркина и др.), в том числе отягощенные психическими расстройствами (П. Н. Тарновская, М. А. Качаева, Н. Г. Шумский, Н. Б. Калуж-

ный, И. В. Ювенский и др.), особенности нравственной системы ценностей (В. В. Вандышев), механизмы психологической защиты, действующие в психике осужденных женщин, и их влияние на процесс исправления (Б. Г. Бовин, Н. И. Леонов, М. К. Кириллова и др.), особенности процесса адаптации (Ф. С. Мусин, Н. В. Кастерина) поведения осужденных женщин в местах лишения свободы и специфика работы с ними (М. Г. Дебольский, И. А. Матвеева, В. В. Новиков, А. И. Мокрецова, Н. В. Кастерина и др.), вопросы правового положения, дифференциации и индивидуализации исполнения наказания в исправительных колониях (Е. В. Стругова, Л. И. Разбирова, М. В. Минстер и др.).

В ходе исследования процесса гендерной самоидентификации осужденных О. А. Тоболевич было установлено, что у осужденных женщин существует связь между компонентами структуры самооотношения «внутренняя нечестность» («закрытость») и «внутренняя конфликтность», а именно «„внутренняя нечестность“ ведет к внутреннему конфликту и самообвинению», которые, в свою очередь, обнаруживают сильные корреляционные связи с механизмами психологической защиты [1, с. 46]. Результаты исследования психозащитного поведения женщин, совершивших преступления, проведенного Н. И. Леоновым и М. К. Кирилловой, свидетельствуют о более интенсивном функционировании механизмов психологической защиты в психике женщин, совершивших преступления, в сравнении с женщинами, в чьем поведении не зафиксированы нарушения норм уголовного права (далее – правопослушные женщины) [2].

Существует ряд других исследований, связанных с изучением структуры Я осужденных. Новизна работ заключается в том, что наряду с исследованием самооотношения, под которым С. Р. Пантелеев понимает выражение смысла Я для самого человека [3], мы анализируем связь самооотношения осужденных женщин с содержанием осознаваемых и неосознаваемых проблем личности в разных жизненных сферах, поскольку, с точки зрения С. Л. Рубинштейна, «изменение взаимоотношений человека с окружающими, отражаясь в его сознании, изменяет и внутреннее, психическое состояние человека, перестраивает его сознание, его внутреннее отношение и к другим людям, и к самому себе» [4, с. 742].

Антиобщественные взгляды, отрицательное отношение к нравственным ценностям и совершение противоправных действий с целью удовлетворения своих потребностей могут быть связаны с наличием проблем в разных сферах жизни осужденных женщин. В свою очередь, наличие

проблемных сфер свидетельствует о противоречивости и рассогласованности внутренней структуры, которая проявляется внутриличностным конфликтом и может откладывать свой отпечаток на дальнейшее формирование личности осужденных женщин.

При изучении самооотношения мы опирались на теорию С. Р. Пантелеева, который выделил следующие структурные компоненты самооотношения: открытость, самоуверенность, саморукводство, зеркальное Я, самооценочность, самопринятие, самопривязанность, внутренняя конфликтность и самообвинение [5].

Проблему внутриличностного конфликта мы рассматривали в рамках теории В. Н. Мясищева, с точки зрения которого личность – это система отношений, характеризующаяся внутренними переживаниями и внешними действиями в отношении окружающей действительности. В основе любого внутриличностного конфликта лежит конфликт личности в разных сферах отношений [6].

Исследование проблемных сфер осуществлялось в рамках психоаналитического подхода с использованием приема завершения предложений, в основу которого положен метод ассоциаций К. Г. Юнга. По мнению Дж. Сакса и С. Леви, данный прием «отражает сознательные, подсознательные и бессознательные мысли и чувства», что дает возможность глубже проникнуть в сущность установок и быстро сориентироваться в сфере значимых отношений испытуемого. Данная методика также позволяет исследовать степень внутриличностной конфликтности испытуемого, числовым показателем которой является процент внутриличностной конфликтности, определяемый по числу конфликтных завершений предложений по содержанию и времени [7].

На основании анализа литературы были выдвинуты следующие предположения.

1. Степень внутриличностной конфликтности осужденных женщин ниже, чем степень внутриличностной конфликтности правопослушных женщин.

2. Структура самооотношения осужденных женщин отличается от структуры самооотношения правопослушных женщин: степень понимания себя, готовность меняться у осужденных женщин ниже, чем у правопослушных женщин.

3. Существует взаимосвязь между степенью внутриличностной конфликтности и выраженностью компонентов самооотношения: с повышением степени внутриличностной конфликтности повышается уровень самообвинения у осужденных женщин.

В исследовании применялись следующие методики: 1) методика исследования самооотноше-

ния С. Р. Пантелеева [5]; 2) проективная методика «Незавершенные предложения» Д. М. Сакса и С. Леви [7].

Для верификации результатов исследования использовались методы статистического анализа: рассчитывались U-критерий Манна-Уитни для выявления различий в уровне исследуемого признака и коэффициент ранговой корреляции r_s Спирмена для выявления связи между исследуемыми показателями. Обработка результатов исследования осуществлялась с помощью программы статистической обработки в среде Windows «Statistica-10».

Эмпирическое исследование проводилось на общей выборке, в которую вошли 152 женщины от 20 до 40 лет: из них – 88 осужденных жен-

щин. Контрольную группу составили 64 правопослушные женщины.

Среднее значение степени внутриличностной конфликтности, выявленное с помощью методики «Незавершенные предложения», у осужденных женщин (59 %) оказалось ниже, чем у правопослушных женщин (64 %), различия значимы ($U_{Эмп} = 292, p \leq 0,05$) [8, с. 49]. Это может быть обусловлено более интенсивным действием защитных механизмов в психике осужденных, что было доказано в исследовании Н. И. Леонова и М. К. Кирилловой [2].

Распределение проблемных сфер по частоте встречаемости, выявленное с помощью методики «Незавершенные предложения», представлено на рисунке 1.

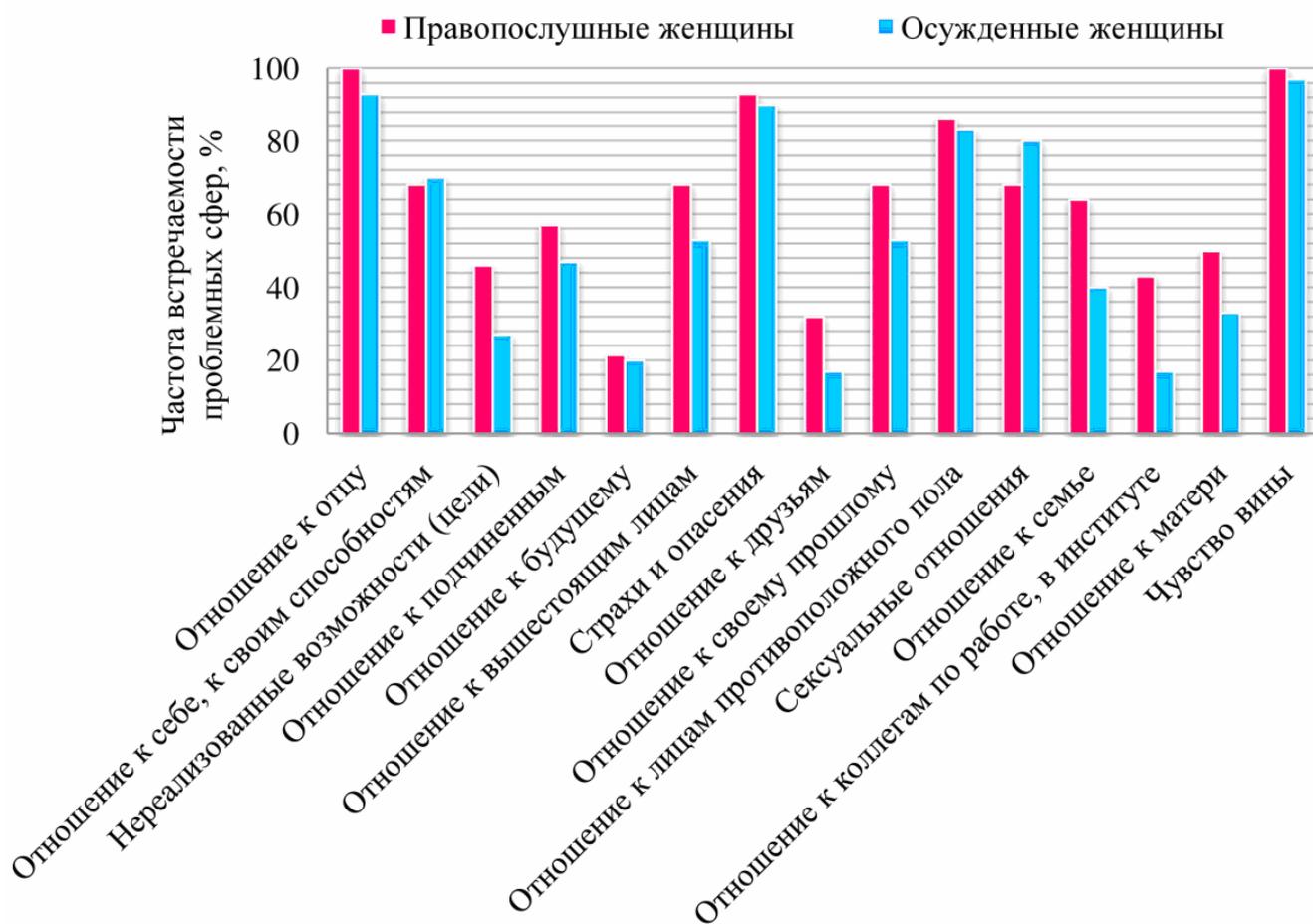

Рис. 1. Частота встречаемости проблемных сфер в группах осужденных ($n_1 = 58$ чел.) и правопослушных ($n_2 = 64$ чел.) женщин

Среди часто встречающихся проблемных сфер у женщин двух групп можно выделить следующие: чувство вины (у 100 % правопослушных, у 97 % осужденных), отношение к отцу (у 100 % правопослушных, у 93 % осужденных), страхи и опасения (у 93 % правопослуш-

ных, у 90 % осужденных), отношение к лицам противоположного пола (у 86 % правопослушных, у 83 % осужденных). Результат качественного анализа предложений по методике «Незавершенные предложения» по отдельным сферам представлен в таблице.

**Сравнительная таблица завершения предложений теста Дж. Сакса и С. Леви
«Незавершенные предложения»**

Область отношений		Наименование предложения	Варианты завершения предложений в группе женщин			
			осужденных	правопослушных		
1	2	3	4	5		
Семья	Отношение к отцу	«Мне кажется, что мой отец редко...»	«...со мной разговаривал», «...заботился обо мне», «...со мной виделся», «...со мной занимался», «...вспоминает обо мне» и др.			
			72 %	80 %		
		«Мне кажется, что мой отец...»	«...самый-самый хороший отец, он воспитал меня», «...самый лучший папа» и др.	67 %	35 %	
			«...дурак», «...не уверен в себе», «...слабак, шел на поводу у своих прихотей» и др.	27 %	64 %	
			«Моя мать...»	«...самая лучшая, в мире мама», «...добрая», «...герой – одна в одиночку воспитала двоих детей» и др.	79 %	70 %
				«...святая», «...самая лучшая в мире мама», «...идеал женщины», «...самая-самая любимая, красивая, женщина в мире» и др.	53 %	16 %
	«Моя мать и я...»	«...одно целое»	20 %	5 %		
		«Я люблю свою мать, но...»	«...держу обиду на нее», «...слишком много получаю от нее проблем», «...она отвратительна» и др.	30 %	67 %	
	Область секса	Отношение к лицам противоположного пола	«Я считаю, что большинство мужчин...»	«...эгоисты», «...лодыри и тунеядцы», «...не люди своего слова», «...бабники», «...без уважения относятся к женщинам» и др.		
				83 %	73 %	
«Супружеская жизнь кажется мне...»			«...сложной», «...закончилась», «...темный лес», «...рутинной», «...мне не нужной» и др.	59 %	36 %	
			«Когда мне начинает не везти, я...»	«...начинаю искать причину внутри себя», «...пытаюсь в себе разобраться, почему это происходит» и др.	1 %	21 %
Самовосприятие	Отношение к себе, своим способностям	«Когда обстоятельства против меня, то...»	«...я нахожу выход», «...я иду напролом», «...я начинаю думать о том, как сделать так, чтобы они были в мою пользу»			
			56 %	55 %		
		«...жду белой полосы», «...думаю что это временно, нужно переждать», «...отчаиваюсь, и думаю, такова судьба, что!» и др.	33 %	10 %		
			«Будущее кажется мне...»	«...светлым, чистым», «...счастливым», «...ясным», «...радостным» и др.	70 %	62 %
	«Когда я стану старше...»	«...хочу увидеть внуков», «...я стану бабушкой, буду сидеть с внуками» и др.		40 %	1 %	

1	2	3	4	5	
	Страхи и опасения	«Я бы хотела избавиться от боязни...»	«...высоты», «...темноты», «...страха внутри себя», «...стать одинокой», «...одиночества» и др.	53 %	21 %
		«Я знаю, что это глупо, но боюсь...»	«...совершить ошибку», «...принять неправильное решение», «...делать серьезные шаги» и др.	33 %	27 %
	Чувство вины	«Когда я была моложе, то чувствовала себя виноватой, если...»	«...не стану делать то, что меня просит мать», «...меня за что-то ругал отец», «...грубила, родителям» и др.	37 %	39 %

Анализ незавершенных предложений (табл.) позволяет констатировать следующее. Для женщин обеих групп характерно:

1. Ощущение недостатка отцовского внимания и заботы. При этом осужденным женщинам по сравнению с правопослушными свойственно положительное восприятие с тенденцией к идеализации отцовской фигуры. Правопослушные женщины более критично относятся к отцу.

2. Положительное восприятие материнской фигуры. При этом у осужденных женщин отмечается тенденция к идеализации материнской фигуры, у правопослушных – отношение к матери является более противоречивым, поскольку при положительном восприятии наблюдаются обида, недоверие, презрение.

3. Чувство вины перед родителями. В проективной беседе было установлено, что у осужденных женщин чувство вины чаще связано с совершением противозаконных действий, у правопослушных – с проблемами в сферах профессионального становления и межличностных отношений.

4. Негативное отношение к лицам противоположного пола. У осужденных женщин восприятие супружеской жизни носит более негативный оттенок, чем у правопослушных.

5. В сложных ситуациях и при возникновении неожиданных трудностей женщинам обеих групп в равной степени свойственны как поиск выхода из сложившейся ситуации, так и уход от решения проблемы. При этом правопослушные женщины в большей степени склонны к самоанализу.

6. Восприятие будущего носит положительный оттенок. В планы и тех и других входят создание семьи и реализация себя. По результатам проведенных бесед восприятие будущего у осужденных женщин ограничено мыслями о ближайшем будущем, освобождении и возвращении домой. Представления об отдаленном будущем в большей степени связаны со стремлением реализовать себя более в роли бабушки, компенсировать недостающую родительскую любовь, заботу.

7. Специфические страхи и страх совершения ошибки. Осужденным женщинам в большей степени присущи такие страхи, как страх одиночества, темноты, паутины. В проективной беседе выявлено, что для осужденных женщин характерен также страх адаптации после освобождения.

Результаты исследования самооотношения с использованием методики С. Р. Пантелеева [5] отражены на рисунке 2.

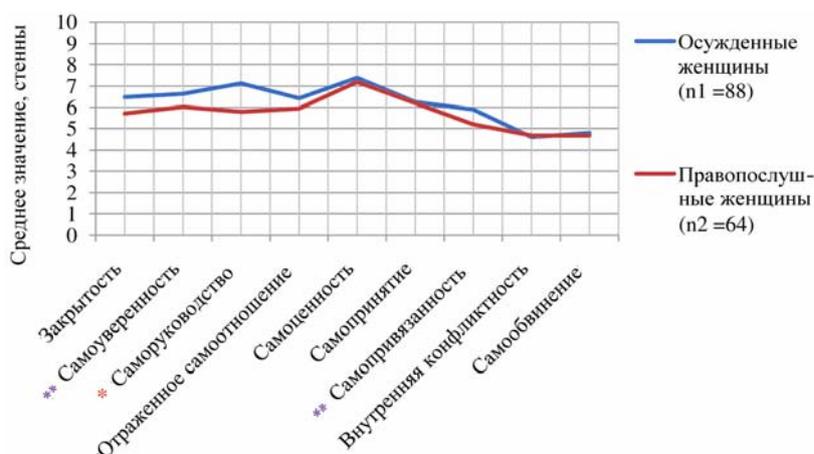

Рис. 2. Средние значения по шкалам методики исследования самооотношения С. Р. Пантелеева для двух групп тестируемых (* – значимость различий на уровне $p \leq 0,01$, ** – значимость различий на уровне $p \leq 0,05$)

По данным статистического анализа, для двух групп тестируемых на уровне $p \leq 0,01$ выявлены различия по следующим шкалам: закрытость ($U_{Эмп} = 2775$), саморуководство ($U_{Эмп} = 2620$); на уровне $p \leq 0,05$ – самоуверенность ($U_{Эмп} = 3263$), самопривязанность ($U_{Эмп} = 3164$).

У женщин обеих групп отношение к себе зависит от степени адаптированности к ситуации. В хорошо знакомых и прогнозируемых ситуациях наблюдаются положительный фон отношения к себе, признание своих достоинств и высокая оценка своих достижений. Неожиданные трудности, дополнительные препятствия могут способствовать усилению недооценки собственных успехов. Обвинение себя за те или иные поступки и действия сочетается с выражением раздражения в адрес окружающих. Положительное отношение окружающих распространяется лишь на определенные качества и поступки; другие личностные проявления способны вызывать у женщин обеих групп раздражение и

непринятие. Уверенность в себе помогает противостоять средовым воздействиям, но не всегда рационально воспринимать критику в свой адрес.

При этом осужденным женщинам в большей степени свойственно:

- стремление к избеганию открытых отношений с собой и желание сохранить в неизменном виде ряд своих качеств, видение и оценку себя;

- отношение к себе как к уверенному человеку, способному оказывать сопротивление внешним воздействиям и осуществлять контроль над эмоциональными реакциями и переживаниями по поводу себя.

При корреляционном анализе с использованием коэффициента ранговой корреляции r_s Спирмена [8, с. 208] выявлены взаимосвязи между степенью внутриличностной конфликтности по методике «Незавершенные предложения» и компонентами структуры самооотношения личности по методике С. Р. Пантелеева [5] для двух групп тестируемых (рис. 3).

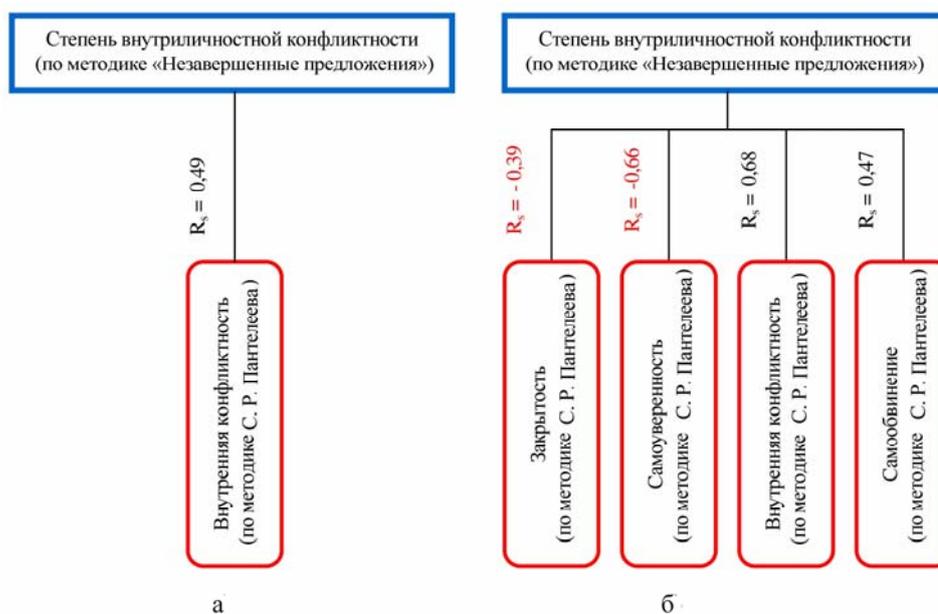

Рис. 3. Взаимосвязь степени внутриличностной конфликтности по методике «Незавершенные предложения» с компонентами структуры самооотношения по методике С. Р. Пантелеева в группе осужденных ($n_1 = 58$) (а) и правопослушных ($n_2 = 64$) (б) женщин ($p \leq 0,05$)

Таким образом, в группе правопослушных женщин выявлено больше связей степени внутриличностной конфликтности с компонентами структуры самооотношения. Это можно объяснить тем, что осужденным женщинам свойственны избегание открытых отношений с собой, сниженная способность к рефлексии и нежелание меняться.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

1. Степень внутриличностной конфликтности осужденных женщин ниже, чем степень внутриличностной конфликтности правопослушных женщин, что не противоречит выдвинутой нами гипотезе. Это может быть связано с тем, что в психике осужден-

ных женщин в большей степени проявляется действие механизмов психологической защиты.

2. Основными проблемными сферами для осужденных женщин являются область семейных отношений (отношение к отцу, отношение к семье), область самовосприятия (отношение к себе и своим способностям, отношение к будущему, страхи и опасения, чувство вины).

3. К отличительным особенностям структуры самооотношения осужденных женщин относятся стремление к избеганию открытых отношений с собой, меньшая выраженность навыков рефлексии, желание сохранить в неизменном виде видение и оценку себя.

4. Связь степени внутриличностной конфликтности с уровнем самообвинения подтвердилась в группе правопослушных женщин. В ситуациях, из которых сложно найти выход или когда высока вероятность совершения ошибки, у правопослушных женщин может снижаться уверенность в себе, нарастать тревога, недооценка своих достижений, самообвинение. В подобных ситуациях осужденным женщинам свойственно избегание ответственности за свои промахи и неудачи.

Полученные данные планируется использовать для разработки психокоррекционных программ, направленных на развитие навыков анализа поведения в сфере значимых отношений личности осужденных женщин.

Список литературы

1. Тоболевич О. А. Психологические аспекты гендерной самоидентификации осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Психологические науки. 2008. № 1. С. 43–50.
2. Леонов Н. И., Кириллова М. К. Психозащитное поведение женщин, совершивших преступления // Прикладная юридическая психология. 2014. № 4. С. 40–50.
3. Пантелеев С. Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система. М., 1991. 100 с.
4. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 2000. 712 с.
5. Пантелеев С. Р. Методика исследования самоотношения. М., 1993. 32 с.
6. Мясищев В. Н. Психология отношений / под ред. А. А. Бодалева. М., 1995. 356 с.
7. Яньшин П. В. Клиническая психодиагностика личности. СПб., 2007. 320 с.
8. Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии. СПб., 2010. 350 с.

NATAL'IA SERGEEVNA NIKULINA,

psychologist

(FKU IK-2 Russian Federal Penitentiary Service across the Novosibirsk region),

e-mail: nns15092005@mail.ru;

LIUDMILA VIKTOROVNA KAVUN,

phd in psychology,

associate professor, psychology and pedagogy department

(Novosibirsk state technical university),

e-mail: kavlv@ngs.ru

PECULIARITIES OF SELF-ATTITUDE OF WOMEN SERVING SENTENCES IN PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY

Abstract: like any personality, the personality of the person committed a crime, is considered in connection with the entire system of social relations of which he or she is a part and is characterized by his or her peculiar psychological features. The formation of illegal behavior, antisocial attitudes, negative attitudes towards moral values may be related to the inconsistency of the internal structure of the personality of the person who committed the crime. The contradictory nature of the internal structure is determined by the inner world of consciousness and mentality manifested intrapersonal conflicts, determining thereby the individual problem areas.

The article is devoted to studying of the self-relation as one of the main factors defining the attitude of an individual towards him- or herself, the measure of accepting or rejecting yourself and to identify problem areas of women serving sentences in places of deprivation of liberty. In the empirical research significant and dysfunctional relationships, the degree of intrapersonal conflict of women serving sentences in places of deprivation of liberty are revealed.

The results of research of components of structure of the self-relation (closeness, self-confidence, the self-management, the reflected self-relation, a worthiness, self-acceptance, self-attachment, an internal conflictness, self-accusation) and their communications with degree of an intra personal conflictness of the women serving sentence in prison in comparison with right obedient women, indicate distinctions in structure «I». The qualitative analysis of the important and troubled areas of relations the two test groups helped to highlight the differences in the area of self-perception and family relationships.

The obtained results can be used in choosing the direction psychocorrection impact on the consciousness of women serving sentences in places of deprivation of liberty.

Key words: the self-relation, self-perception, important and troubled areas of the relations, the degree of intrapersonal conflict of women serving sentences in places of deprivation of liberty.

References

1. Tobolevich O. A. Psihologicheskie aspekty gendernoj samoidentifikacii osuzhdennyh, otbyvajushhih nakananie v vide lishenija svobody [Psychological aspects of tender self-identification condemned, serving sentence in the form of imprisonment]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Psihologicheskie nauki – Bulletin of the Moscow state regional university. Series Psychology, 2008, no. 1, pp. 43–50.
2. Leonov N. I., Kirillova M. K. Psikhozashchitnoe povedenie zhenshin, sovershivshikh prestupleniia [Psycho-defensive behavior of women who have committed crimes]. Prikladnaia iuridicheskaja psikhologija – Applied legal psychology, 2014, no. 4, pp. 40–50.
3. Pantelev S. R. Samoотношение как эмоционально-оценочная система [Self-relation as emotional and estimated system]. Moscow, 1991. 100 p.
4. Rubinshtein S. L. Osnovy obshchei psikhologii [Fundamentals of the general psychology]. St. Petersburg, 2000. 712 p.
5. Pantelev S. R. Metodika issledovaniia samoотношения [The technique of research of self-evaluation]. Moscow, 1993. 32 p.
6. Miasishchev V. N. Psikhologija otnoshenii [Psychology of the relations]. Under the editorship of A. A. Bodalev. Moscow, 1995. 356 p.
7. Ian'shin P. V. Klinicheskaja psikhodiagnostika lichnosti [Clinical psychodiagnosics of the personality]. St. Petersburg, 2007. 320 p.
8. Sidorenko E. V. Metody matematicheskoi obrabotki v psikhologii [Methods of mathematical processing in psychology]. St. Petersburg, 2010. 350 p.

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ФОМИН,кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник
научно-исследовательского отдела научного центра
(Академия ФСИН России),
e-mail: editor62@yandex.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Реферат: основную причину деформации образа жизни несовершеннолетних криминологи видят в снижении уровня жизни большинства семей – свыше 40 % всех детей живут в бедных семьях. Сложная психологическая обстановка в таких семьях способствует возникновению конфликтных ситуаций, переходящих в криминогенные, связанные с жестокостью и насилием. Когда молодежь находится на распутье, теряет веру в идеалы и нравственные ценности, ей легко внушить ложные идеалы с помощью средств массовой информации, проповедующих западный образ жизни (фильмы и книги со сценами насилия, порнографии, агрессивности, убийств и т. д.). Все это способствует деформации образа жизни несовершеннолетних, формированию жестокости, агрессивности, враждебному отношению к представителям других групп и склонности к совершению преступлений. Анти-социальное поведение несовершеннолетнего взаимообусловлено влиянием в первую очередь внешней социальной среды, индивидуальными особенностями личности несовершеннолетнего, реакцией на различные жизненные неудачи. Несовершеннолетний отвечает за совершенные противоправные действия и поступки.

В статье рассмотрены как общие правила, так и психологические особенности допроса несовершеннолетнего.

Ключевые слова: подготовка к допросу, психологические особенности допроса, место и обстановка проведения допроса, тактика общения с допрашиваемым.

Процесс усвоения моральных и правовых норм поведения заканчивается в подростковом возрасте к 14–16 годам, в связи с чем законодатель установил частичную уголовную ответственность с 14 лет и полную уголовную ответственность за все преступления, предусмотренные уголовным законом, с 16 лет (ч. 1 ст. 20 УК РФ).

К 16 годам у молодого человека в целом формируется правосознание, в основном завершается процесс социализации личности.

Общие правила допроса несовершеннолетнего изложены в соответствующих статьях Уголовно-процессуального и Гражданско-процессуального кодексов РФ. Некоторые из этих процессуальных правил даны с учетом психологических закономерностей поведения несовершеннолетних. Прежде всего вызов на допрос несовершеннолетнего, не достигшего 16 лет, производится, как правило, через его родителей или иных законных представителей. Для участия в допросе несовершеннолетних в возрасте до 14 лет, а по усмотрению следователя при допросе свидетелей и от 14 до 16 лет вызывается педагог. Свидетели, не достигшие 16 лет, не предупреждаются об ответ-

ственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний.

Изучение личности несовершеннолетнего правонарушителя на предварительном следствии, как правило, проводится по схеме:

– личностные характеристики подростка: особенности характера и темперамент, ценностные ориентации подростка, уровень притязаний, самооценка, отношение к профессии, планы на будущее;

– ближайшее социальное окружение подростка: семья, ценностные ориентации родителей, братьев, сестер, особенности воспитания подростка, школа, отношение к учебе, отношение с учителями, друзьями, их социальное положение, статус подростка в группе друзей;

– наследственно-биологические факторы: предрасположение к нервным или психическим заболеваниям одного из родителей, отрицательное влияние алкоголизма, употребление наркотиков и т. п.;

– правосознание подростка.

Практика показывает, что каждому допросу несовершеннолетнего должна предшествовать тщательная подготовка. Здесь важно выяснить, какие

люди окружают несовершеннолетнего, в каких условиях он живет, с кем дружит, как он работает или учится.

Профессор В. Л. Васильев выделяет следующие этапы допроса несовершеннолетнего.

На первоначальном этапе допроса следователь в устной форме получает от несовершеннолетнего его анкетные данные. Главная задача следователя – правильно диагностировать личность допрашиваемого. Сущность второго этапа допроса – вступление в психологический контакт между допрашиваемым и допрашивающим. На этой стадии темой беседы являются обычные вопросы, которые касаются биографии допрашиваемого, его учебы, досуга, развлечений и т. д. При этом оба собеседника окончательно вырабатывают в отношении друг друга общую линию поведения: определяются такие общие параметры беседы, как ее темп, ритм, основные состояния собеседников, позы, мимика, иногда основная аргументация. В главной части допроса следователю необходимо получить от допрашиваемого основную информацию по делу, и это, как правило, удается при хорошо организованном допросе. Затем следователь сопоставляет полученную на допросе информацию с уже имеющейся у него, определяет неясности, неточности и т. д.

На заключительном этапе допроса следователь различными способами заносит в протокол полученную в результате допроса информацию и представляет ее уже в письменном виде допрашиваемому, который, подтверждая правильность записанного в протокол, его подписывает.

На допросе следователь должен избрать такую тактику общения с допрашиваемым, чтобы тот убедился в объективности и беспристрастности следователя. Добытая на допросе информация о личностных особенностях несовершеннолетнего (жестокость, агрессивность, доброта, правдивость, лживость и т. д.), несомненно, поможет следователю выбрать правильную тактику допроса. Изучая личность несовершеннолетнего, следователь должен установить в первую очередь его положительные качества, время, когда его поведение стало меняться в худшую сторону, выяснить, какие причины способствовали этим изменениям. Все собранные данные позволяют следователю создать правильное представление о положительных и отрицательных качествах личности несовершеннолетнего, об условиях его жизни, учебы, работы и т. д. Это необходимо следователю не только для получения правдивых показаний, но и в первую очередь для надлежащего воздействия на несовершеннолетнего в плане критического осмысления как совершен-

ного преступления, так и негативного поведения в целом.

От выбора и обстановки проведения допроса во многом зависит его успешность. С допрашиваемым недопустимы фамильярные отношения, необходимо дать понять несовершеннолетнему, что он попал в очень серьезную жизненную ситуацию и что от его правдивости и честности зависит его будущее. Обстановка допроса не должна быть запугивающей; между допрашиваемым и следователем должны быть серьезные, подчеркивающие ответственность происходящего отношения.

Допрашивая несовершеннолетнего об условиях жизни семьи, об отношениях членов семьи и друзей к нему, об учебе, работе и т. п., следователю нужно вести допрос тактично, помня, что несовершеннолетние, особенно из неблагополучных семей, не всегда дают правдивые показания. Нарушение этого требования может привести к потере психологического контакта и соответственно к затруднениям при допросе. В случае признания несовершеннолетним вины следует выяснить обстоятельства, объективно свидетельствующие об этом.

Подготовленный со знанием всех материалов дела и проведенный с учетом всех личностных особенностей допрос, несомненно, убеждает допрашиваемого в бесперспективности заpiresательства, наглядно показывает истинную цену его преступного поведения, неизбежность разоблачения и последующего наказания со всеми вытекающими последствиями как для самого виновного, так и для его близких.

Суд привлекает к уголовной ответственности несовершеннолетнего не за то, что в его психологии имеются те или иные чуждые нашей нравственности черты, а за то, что эти черты воплотились в деяние, опасное для общества, для окружающих людей, то есть за преступление. При этом несовершеннолетние привлекаются к ответственности не только тогда, когда они уже совершили преступление, но и в случае приготовления и покушения на совершение преступления, а также при участии в нем. При определении меры ответственности несовершеннолетнего учитываются и особенности личности, и характер содеянного ею. В этом, несомненно, находит выражение нравственная сущность наказания: оно справедливо воздает за вред, нанесенный обществу. Соразмерность преступления и наказания – так можно определить связь меры ответственности и тяжести содеянного.

VASILIJ VASIL'EVICH FOMIN,

phd in law,

leading researcher, research department of the scientific center

(Academy of the FPS of Russia),

e-mail: editor62@yandex.ru

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF INTERROGATION OF MINORS

Abstract: criminologists see a basic reason of life conduct deformation of minors living standards come- down of many families – over 40% of all children live in poor families. Bad psychological situation in such families provokes conflict situations turning into criminogenic, connected with cruelty and violence. When the youth is at the cross-roads, with the lost faith in ideals and moral values, it is easy for it to inspire false ideals by means of mass media, preaching the western way of life (movies and books with violence scenes, pornographies, aggressions, murders etc.). All this promotes deformation of life conduct of minors, forming of cruelty, aggression, hostile attitude towards representatives of other groups and tendency to committing crimes. Antisocial behavior of minors results first of all from external social environment, individual features of a minor and se his individual response to various personal failures. The minor is responsible for committed illegal actions and acts.

In the article both general rules of interrogation and psychological peculiarities of interrogation of a minor are observed.

Key words: preparation for interrogation, psychological features of interrogation, place and atmosphere of carrying out interrogation, tactics of communication with an interrogatee.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

1. Общие положения

1.1. Настоящие требования разработаны с учетом критериев Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России для включения научных изданий в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, индексируемых систем цитирования Scopus, Российский индекс научного цитирования и являются обязательными к исполнению всеми авторами без исключения.

1.2. Каждый автор, подавший статью для опубликования в редакцию научного журнала «Человек: преступление и наказание» (далее – редакция, журнал соответственно), тем самым выражает свое согласие на указание в открытом свободном доступе на любых интернет-ресурсах, выбираемых по усмотрению редакции, на русском и английском языках его фамилии, имени, отчества, ученых звания и степени, должности, места работы и контактной информации (e-mail), названия, реферата, ключевых слов статьи и ссылок на использованные источники. При этом он несет ответственность за точность и достоверность предоставленных персональных данных, корректность их перевода на английский язык.

1.3. Все поступающие в редакцию статьи проходят обязательное рецензирование (экспертизу), авторам не возвращаются. Авторское вознаграждение не выплачивается. В случае принятия решения о невозможности публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

1.4. Редакция поддерживает связь с авторами только по указанной ими электронной почте (e-mail). При этом редакция не несет ответственности за недостоверность предоставленного ей адреса электронной почты и мер к поиску иных способов связи с авторами не предпринимает. В случае если автор не отвечает в течение более чем 1 месяца на запросы редакции, его статья снимается с публикации.

1.5. Плата за публикацию статей в журнале не взимается.

1.6. Статьи, представленные в редакцию с нарушением настоящих требований, к опубликованию не принимаются и возвращаются авторам на доработку.

2. Порядок представления статей

2.1. Статьи принимаются по адресу: 390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1, редакционно-издательский отдел Академии ФСИН России, тел.: (4912) 93-46-40 (факс), 93-82-42 – в распечатанном и электронном виде (по электронной почте (e-mail): editor62@yandex.ru).

2.2. Представляемый в редакцию электронный файл статьи должен быть назван по фамилии автора (авторов), например: «Петров.doc», «Петров, Иванов.doc»; графические файлы, прилагаемые к статье, – по фамилии автора (авторов) с указанием номера рисунка, например: «Петров. Рисунок 1.jpg», «Петров, Иванов. Рисунок 1.jpg».

2.3. Статьи адъюнктов, аспирантов, соискателей должны быть согласованы с научным руководителем автора. Такое согласование может быть выражено в виде положительной рецензии научного руководителя (представляется в распечатанном либо электронном виде) или его подписи в конце статьи с пометкой «Согласовано».

3. Требования к набору текста статьи

3.1. Текст статьи набирается в программе «Microsoft Word» в форматах «.doc», «.docx», на листе бумаги формата А4, шрифтом «Times New Roman (Сур)», 14-м кеглем, абзацный отступ – 1,25 см, через 1,5 интервала с полями: верхнее и нижнее – 2 см, левое – 3 см; правое – 1,5 см.

3.2. Объем статьи без учета фамилии, имени, отчества, ученых звания и степени, должности, места работы и контактной информации (e-mail) автора, названия, реферата, ключевых слов, ссылок на использованные источники, в том числе переведенных на английский язык, не должен превышать 10 страниц.

3.3. Графики, схемы, фотографии, рисунки, диаграммы, таблицы и другие графические материалы должны быть размещены по тексту статьи и представлены отдельными файлами в формате «.jpg» с разрешением не менее 300 dpi.

3.4. Текст статьи должен быть пронумерован. Колонцифры необходимо располагать по центру сверху. На первой странице статьи колонцифра не ставится.

3.5. В тексте статьи необходимо ставить пробел между фамилией и инициалами; использовать кавычки типа «елочка»; запрещается ставить принудительные (ручные) переносы.

3.6. Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «Пробел». Абзацный отступ следует устанавливать в меню «Формат → Абзац → Первая строка (Отступ – 1,25 мм)», выключку – «По ширине».

4. Требования к структуре статьи

4.1. Структура статьи должна состоять из следующих блоков:

4.1.1. Блок 1 на русском языке:

название статьи;

фамилия, имя, отчество автора (авторов);

ученые звание и степень автора (авторов), если имеются;

должность автора (авторов);

место работы автора (авторов);

контактная информация (e-mail) автора (авторов);

реферат статьи;

ключевые слова к статье.

4.1.2. Блок 2 на русском языке – полный текст статьи.

4.1.3. Блок 3 на русском языке – ссылки на литературные источники.

4.1.4. Блок 4 на английском языке:

название статьи;

фамилия, инициалы автора (авторов);

ученые звание и степень автора (авторов), если имеются;

должность автора (авторов);

место работы автора (авторов);

контактная информация (e-mail) автора (авторов);

реферат статьи;

ключевые слова к статье.

4.1.5. Блок 5 на английском языке – ссылки на литературные источники.

5. Требования к блоку 1 структуры статьи

5.1. Информация блока 1 представляется на русском языке.

5.2. Название статьи должно быть информативным.

5.3. В названии статьи не допускается использование каких-либо сокращений, в том числе общепринятых.

5.4. Фамилия, имя, отчество, ученые звание и степень, должность автора указываются полностью, без использования каких-либо сокращений, в том числе общепринятых.

5.5. Должность автора указывается по месту его основной работы.

5.6. Место работы автора приводится в соответствии с тем профилем организации, который имеется в индексируемой системе цитирования Российский индекс научного цитирования. В случае отсутствия такого профиля по усмотрению автора приводится официальное полное либо сокращенное наименование в соответствии с уставными документами той организации, где он работает.

5.7. Приводимая контактная информация (e-mail) должна обеспечивать связь любого желающего с автором.

5.8. При наличии у статьи нескольких авторов по их усмотрению указывается либо один e-mail для всех авторов, либо e-mail каждого автора.

5.9. При подготовке реферата к статье необходимо руководствоваться ГОСТ 7.9–95 «Реферат и аннотация. Общие требования».

5.10. Реферат должен выполнять следующие функции:

информировать об основном содержании статьи и определять ее релевантность таким образом, чтобы читатель мог решить, следует ли обращаться к полному тексту статьи;

устранять необходимость чтения полного текста статьи в случае, если она представляет для читателя второстепенный интерес.

5.11. Реферат должен представлять собой краткое и точное изложение содержания статьи, включающее основные фактические сведения и выводы описываемой работы.

5.12. Текст реферата должен быть лаконичным и емким, свободным от второстепенной информации, отличаться убедительностью формулировок.

5.13. Объем реферата должен включать не меньше 250 слов. Объем реферата определяется содержанием статьи (объемом сведений, их научной ценностью и практическим значением).

5.14. Реферат включает в себя следующие аспекты содержания статьи:

предмет, тему, цель работы (указываются в том случае, если они не ясны из названия статьи);

метод или методологию проведения работы (целесообразно описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют интерес с точки зрения данной работы; в рефератах статей, описывающих экспериментальные работы, указывают источники данных и характер их обработки);

результаты работы (излагаются предельно точно и информативно; приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности; при этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение);

область применения результатов;

выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, раскрываемыми в статье).

5.15. В реферате допускается изменять последовательность изложения содержания статьи и начинать с изложения результатов работы и выводов.

5.16. Сведения, содержащиеся в названии статьи, не должны повторяться в тексте реферата. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание статьи, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в реферате не приводятся.

5.17. В тексте реферата:

следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций (не применяемых в научном английском языке);

сокращения и условные обозначения, кроме общеупотребительных, применяют в исключительных случаях или дают их определения при первом употреблении;

единицы физических величин следует приводить в международной системе СИ; допускается приводить в круглых скобках рядом с величиной в системе СИ значение величины в системе единиц, использованной в статье;

таблицы, формулы, чертежи, рисунки, схемы, диаграммы включаются только в случае необходимости, если они раскрывают основное содержание статьи и позволяют сократить объем реферата;

формулы, приводимые неоднократно, могут иметь порядковую нумерацию, причем нумерация формул в реферате может не совпадать с нумерацией формул в оригинале.

не допускаются ссылки на номер публикации в списке ссылок на литературные источники к статье.

5.18. Количество ключевых слов к статье должно составлять не менее 10. При этом они должны быть информативными и обеспечивать эффективный поиск этой статьи в любой базе данных.

6. Требования к блоку 2 структуры статьи

6.1. Информация блока 2 представляется на русском языке.

6.2. Автор должен логически последовательно излагать текст статьи в соответствии с содержанием темы, учитывая достижения современной науки и практики, опираясь на результаты собственных исследований и привлекая данные из других источников с целью более глубокого анализа рассматриваемых вопросов.

6.3. Автор несет ответственность за достоверность используемых им материалов, точность цитат, правильность ссылок на них.

6.4. В журнале используется затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Рекомендуемое количество ссылок – не более 10.

6.5. Ссылки на литературные источники в тексте статьи приводятся в квадратных скобках с указанием номера источника из пристатейного списка, приведенного в конце статьи: первая цифра – номер источника, вторая – номер страницы (при необходимости) например: [1, с. 21]. Если источник является многотомным или состоит из нескольких частей, указывается том или часть, например: [4, т. 1, с. 5], [12, ч. 2, с. 75].

7. Требования к блоку 3 структуры статьи

7.1. Информация блока 3 (ссылки на литературные источники) представляется на русском языке.

7.2. Ссылки на литературные источники приводятся в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

7.3. Название списка ссылок на литературные источники должно быть указано как «Список литературы».

7.4. Примеры ссылок на литературные источники:

Книги одного, двух и трех авторов

Фролов И. Т. Перспективы человека. Опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1983. 349 с.

Волович Л. А., Тимофеев А. Н. Лекционная пропаганда: методика, опыт, мнения. Казань, 1984. 14 с.

Морозов Б. М., Фадеев В. Е., Шинкаренко В. В. Планирование идеологической, политико-воспитательной работы. М., 1984. 271 с.

2 книги одного автора

Лихачев Д. С. Образ города // Историческое краеведение в СССР: вопросы теории и практики : сб. науч. ст. Киев, 1991. С. 183–188; Его же. Окно в Европу – врата в Россию // Всемир. слово. 1992. № 2. С. 22–23.

Книги четырех и более авторов

Проблемы развития материально-технической базы социализма / В. Г. Сыч [и др.] ; под ред. С. П. Павлова. М., 1977. 231 с.

Монографии, учебники, учебные пособия

Чичерова Л. Е. Ответственность в семейном праве: вопросы теории и практики : монография / под науч. ред. В. А. Рыбакова. Рязань, 2005. 196 с.

Переводные издания

Гроссе Э., Григер Х. Химия для любознательных : пер. с нем. М., 1980. 392 с.

Гроссе Э., Григер Х. Химия для любознательных / пер. с нем. В. И. Петрова. М., 1980. 392 с.

Диссертации

Тальшинский Р. Р. Документализм в публицистике : дис. ... канд. филол. наук. М., 1983. 203 с.

Авторефераты диссертаций

Стурова М. П. Воспитательная система исправительно-трудовых учреждений : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1991. 40 с.

Архивы

ЦГА г. Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Д. 405. Л. 19 об., 20, 21. Д. 408. Л. 21 об. Д. 413. Л. 26.

Аналитические обзоры

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья : аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. академия наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. М., 2007. 39 с.

Сборники научных трудов

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы : межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т ; под ред. С. Ф. Мартыновича. Саратов, 1999. 199 с.

Словари

Библиотечное дело : терминолог. слов. / сост. И. М. Сусллова, Л. Н. Уланова. 2-е изд. М., 1986. 224 с.

Статья из собраний сочинений

Маркс К., Энгельс Ф. Первый международный обзор // Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 224.

Статья из книги

Ковтун В. П. Теоретические аспекты воспитательного воздействия // Влияние организационно-структурных изменений в системе ИТУ на состояние и эффективность воспитательной работы. Домодедово, 1991. 124 с.

Статья из журнала, газеты, информационных периодических изданий

Поникаров В. А. Классификационная характеристика гарантий законности в административной деятельности сотрудников ФСИН России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2010. № 8. С. 38–40.

Статья из трудов, ученых записок

Морозова Т. Г. Организация и методика информационной работы // Тр. ин-та / Всесоюз. заоч. фин.-экон. ин-т. 1978. Вып. 19. С. 56–69.

Статья из материалов конференций, семинаров

Пшуков А. Ю. О нормировании рабочего дня // Научно-технический прогресс : тез. докл. Всерос. науч. конф. (Владимир, 21–22 сент. 1987 г.). М., 2000. С. 282–283.

Издание в целом

Книга о книгах : библиогр. пособие : в 3 т. М., 1969.

Есенин С. А. Собрание сочинений : в 5 т. М., 1966–1968. Т. 1–5.

Отдельный том

Пивинский Ю. Е. Неформованные огнеупоры: в 2 т. М., 2003. Т. 1. Кн. 2 : Общие вопросы.

Стандарты

ГОСТ 7.9–77. Реферат и аннотация. М., 1981. 6 с.

Патентные документы

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент Рос. Федерации № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

Депонированные научные работы

Размустова Т. О. Историко-краеведческие исследования музеев Центрально-Черноземного региона (1917–1940 гг.). М., 1987. 53 с. Деп. в ИНИОН АН СССР 01.12.87. № 31909.

Федеральные законы

О борьбе с терроризмом : федер. закон от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31. Ст. 3808.

О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : федер. закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ // Сб. законов Рос. Федерации. М., 1999. С. 412.

Законы

Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы : закон Рос. Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Рос. Федерации и Верховного Совета Рос. Федерации. 1993. № 33. Ст. 1316, 1317.

Указы

О передаче уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации в ведение Министерства юстиции Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 28 июля 1998 г. № 904 // Рос. газ. 1998. 29 июля.

Постановления

Об утверждении Положения о Межведомственной антитеррористической комиссии Российской Федерации : постановление Правительства Рос. Федерации от 6 января 1997 г. № 45 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 4. Ст. 547.

Приказы

О совершенствовании организации деятельности отрядов специального назначения Главного управления исполнения наказаний Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ Министерства внутренних дел Рос. Федерации от 12 апреля 1994 г. № 114.

Положения

Положение о Министерстве внутренних дел Российской Федерации // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 30. Ст. 3605. П. 9.

Интернет-документы

Официальные периодические издания : электрон. путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005–2007. URL : <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007). (Если в тексте данная публикация уже названа, возможна ссылка в виде его электронного адреса <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html>.)

Кашуба Ю. А. Уголовно-исполнительная политика России: новые вызовы [Электронный ресурс] // Международный пенитенциарный журнал. 2015. № 1 (1). URL : <http://www.ipj.su/2015-1-articles/83-2015-1-03-kashuba> (дата обращения: 30.05.2015).

Российская книжная палата : [сайт] // URL : <http://www.bookchamber.ru>.

Содружество Независимых Государств // Википедия [2002–2016]. Дата обновления: 30.01.2016. URL : (дата обращения: 30.01.2016).

Об общественных объединениях : федер. закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ // КонсультантПлюс: справ.-прав. система [Электронный ресурс]. URL : <http://www.consultant.ru/popular/obob> (дата обращения: 10.09.2010).

8. Требования к блоку 4 структуры статьи

8.1. Информация блока 4 представляет собой перевод на английский язык сведений блока 1 по правилам, установленным в пунктах 8.2–8.7 настоящих требований.

8.2. Фамилия и инициалы автора (авторов) приводятся согласно одной из принятых систем международной транслитерации. Наиболее распространенные системы транслитерации приведены в таблице:

Простая система		Система Библиотеки Конгресса США (LC)		Система Board of Geographic Names (BGN)		Система Госдепартамента США	
Буква	Транслитерация	Буква	Транслитерация	Буква	Транслитерация	Буква	Транслитерация
А	A	А	A	А	A	А, а	A
Б	B	Б	B	Б	B	Б, б	B
В	V	В	V	В	V	В, в	V
Г	G	Г	G	Г	G	Г, г	G
Д	D	Д	D	Д	D	Д, д	D
Е	E	Е	E	Е	E, YE	Е, е	E, YE
Ё	E	Ё	E	Ё	E, YE	Ё, е	E, YE
Ж	ZH	Ж	ZH	Ж	ZH	Ж, ж	ZH
З	Z	З	Z	З	Z	З, з	Z
И	I	И	I	И	I	И, и	I
Й	Y	й	I	й	Y	Й, й	Y
К	K	К	K	К	K	К, к	K
Л	L	Л	L	Л	L	Л, л	L
М	M	М	M	М	M	М, м	M
Н	N	Н	N	Н	N	Н, н	N
О	O	О	O	О	O	О, о	O
П	P	П	P	П	P	П, п	P
Р	R	Р	R	Р	R	Р, р	R
С	S	С	S	С	S	С, с	S
Т	T	Т	T	Т	T	Т, т	T
У	U	У	U	У	U	У, у	U
Ф	F	Ф	F	Ф	F	Ф, ф	F
Х	KH	Х	KH	Х	KH	Х, х	KH
Ц	TS	Ц	TS	Ц	TS	Ц, ц	
Ч	CH	Ч	CH	Ч	CH	Ч, ч	CH
Ш	SH	Ш	SH	Ш	SH	Ш, ш	SH
Щ	SCH	Щ	SHCH	Щ	SHCH	Щ, щ	SHCH
Ъ	Опускается	Ъ	"	Ъ	"	Ъ	Опускается
Ы	Y	Ы	Y	Ы	Y	Ы	Y
Ь	Опускается	Ь	'	Ь	'	ь	Опускается
Э	E	Э	E	Э	E	Э, э	E
Ю	YU	Ю	IU	Ю	YU	Ю, ю	YU
Я	YA	Я	IA	Я	YA	Я, я	YA

8.3. Допускается пользоваться различными программами транслитерации русского текста в латиницу, использующими описанные в пункте 8.2 настоящих требований системы, например на сайте <http://www.translit.ru/>.

8.4. Авторам следует придерживаться указания одного способа транслитерации своих фамилии, инициалов и одного места работы, поскольку данные о принадлежности организации (аффилировании) являются одним из основных определяющих признаков для идентификации автора.

8.5. Место работы автора приводится в соответствии с тем профилем организации, который имеется в индексируемой системе цитирования Scopus. В случае отсутствия такого профиля указывается офици-

альное англоязычное наименование в соответствии с уставными документами той организации, где работает автор статьи.

8.6. При переводе на английский язык ученого звания, степени, должности, названия, реферата, ключевых слов статьи следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов. Необходимо избегать употребления сокращений, кроме общеупотребительных (в том числе в англоязычных специальных текстах), терминов, являющихся прямой калькой русскоязычных терминов, непереводаемого сленга, известного только русскоговорящим специалистам.

8.7. В переводе на английский язык ученого звания, степени, должности, названия, реферата, ключевых слов статьи не должно быть никаких транслитераций с русского языка, кроме непереводаемых названий собственных имен, приборов и других объектов, имеющих собственные названия.

9. Требования к блоку 5 структуры статьи

9.1. Информация блока 5 представляет собой перевод на английский язык сведений блока 3 (ссылок на литературные источники) по правилам, установленным в пунктах 9.2–9.6 настоящих требований.

9.2. Название списка ссылок на литературные источники должно быть указано как «References».

9.3. Структуру библиографической ссылки следует оформлять следующим образом: авторы (транслитерация), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация) [перевод названия источника на английский язык – парафраз], выходные данные с обозначениями на английском языке.

9.4. При переводе библиографических ссылок на английский язык предпочтение следует отдавать системе транслитерации Библиотеки Конгресса США (LC).

9.5. При составлении библиографических ссылок на английском языке необходимо учитывать следующее:

представление в References только транслитерированного (без перевода) описания недопустимо;

при описании изданий, подготовленных коллективом авторов (сборников, монографий и пр.) допускается указывать одного, максимум двух авторов издания;

для неопубликованных документов можно делать самое короткое название с указанием в скобках (Unpublished), если оно имеет авторство (для учета ссылок автора), либо «Unpublished Source» или «Unpublished Report», если авторство в документе отсутствует;

поскольку русскоязычные источники трудно идентифицируются зарубежными специалистами, рекомендуется в описаниях оригинальное название источника выделять курсивом, как в большинстве зарубежных стандартов;

нежелательно в ссылках делать произвольные сокращения названий источников;

все основные выходные издательские сведения (в описаниях журнала: обозначение тома, номера, страниц; в описаниях книг: место издания – город, обозначение издательства, кроме собственного непереводаемого имени издательства – оно транслитерируется) должны быть представлены на английском языке;

в описаниях русскоязычных учебников, учебных пособий не нужно указывать вид изданий. Эта информация в ссылках в данном случае является избыточной;

в выходных данных публикаций в ссылках (статей, книг) необходимо указывать количество страниц публикации: диапазон страниц в издании – «рр.» перед страницами; количество страниц в полном издании – «р.» после указания количества страниц;

перевод заглавия статьи или источника берется в квадратные скобки;

если книга в списке ссылок на литературные источники (в любом варианте – основном или в References) описывается полностью, тогда в библиографическом описании должен быть указан полный объем издания, независимо от того, какие страницы этого издания были процитированы в тексте. Исключение составляют случаи, когда используются отдельные главы из книги; в этом варианте в списке литературы дается описание главы с указанием страниц.

9.6. Примеры перевода на английский язык ссылок на литературные источники:

Статья из журнала

Абакумова И. В., Ермаков П. Н. О становлении толерантности личности в поликультурном образовании // Вопросы психологии. 2003. № 3. С. 72–82.

Abakumova I. V., Ermakov P. N. O stanovlenii tolerantnosti lichnosti v polikul'turnom obrazovanii [On the issue of the person's tolerance formation in polycultural education]. Voprosy Psichologii – Approaches to Psychology, 2003, no. 3, pp. 78–82.

Статья из электронного журнала

Яхьяев М. Я. Религиозно-политический экстремизм на Северном Кавказе: проблемы предупреждения. URL : <http://mirkavkazu.sfedu.ru> (дата обращения: 16.03.2013).

Yakhyayev M. Ya. Religious and political extremism in the North Caucasus: prevention problems. Available at : <http://mirkavkazu.sfedu.ru> (Accessed 16 March 2013).

Материалы конференций

Горбатюк В. Ф. Хаос, эмерджентность и феномены самоорганизации-самообучения // Состояние и перспективы развития высшего образования в современном мире : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Сочи, 12–13 сент. 2012 г.) / под ред. Г. А. Борулавы. Сочи, 2012. С. 156–160.

Gorbatyuk V. F. Haos, jemerdzhentnost' i fenomeny samoorganizacii-samoobuchenija [Chaos, emergence and the phenomena of self-organization and self-education]. Materialy dokladov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Sostojanie i perspektivy razvitija vysshego obrazovanija v sovremennom mire» [Proc. the International Scientific Conference «The state and prospects of higher education in the modern world»]. Sochi, 12–13 September, 2012, pp. 156–160.

Книга (монография, сборник)

Михайлова О. Ю., Целиковский С. Б. Сексуальная агрессия: норма и социальная патология. М., 2008. 200 с.

Mikhaylova O. Yu., Tselikovskiy S. B. Seksual'naija agressiia: norma i sotsial'naia patologiiia [Sexual aggression: norm and social pathology]. Moscow, 2008. 200 p.

Абакумова И. В. Смыслодидактика : учебник. М., 2008. 386 с.

Abakumova I. V. Smyslodidaktika [Sense didactics]. Moscow, 2008. 386 p.

Асмолов А. Г. Толерантность: от утопии к реальности // На пути к толерантному сознанию. М., 2000. С. 4–7.

Asmolov A. G. Tolerantnost': ot utopii k real'nosti. Na puti k tolerantnomu soznaniyu [Tolerance: from utopia to reality. On a way to tolerant consciousness]. Moscow, 2000, pp. 4–7.

Мясищев В. Н. Структура личности и отношения человека к действительности // Психология личности. Тексты / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузыря. М., 1982. С. 35–38.

Myasishchev V. N. Struktura lichnosti i otnosheniye cheloveka k deystvitel'nosti [The personality structure and the person's attitude to reality]. Moscow, 1982, pp. 35–38.

Диссертация, автореферат диссертации

Абакумова И. В. Личностный смысл как педагогический фактор и его использование в учебном процессе : дис. ... канд. пед. наук. Ростов-н/Д, 1989. 250 с.

Abakumova I. V. Lichnostnyy smysl kak pedagogicheskiy faktor i yego ispol'zovaniye v uchebnom protsesse. Diss. dokt. ped. nauk [Personal sense as a pedagogical factor and its using in the educational process. Dr. ped. sci. diss]. Rostov-on-Don, 1989. 250 p.

Нормативные документы

Об уголовной ответственности за государственные преступления : закон СССР от 25 декабря 1958 г. URL : <http://bestpravo.ru/ussr> (дата обращения: 03.04.2013).

Zakon SSSR «Ob ugovolnoi otvetstvennosti za gosudarstvennyye prestupleniia» ot 25.12.1958 [The law of USSR «On criminal responsibility for state crimes» from 25 December, 1958]. Available at : <http://bestpravo.ru/ussr> (Accessed 3 April 2013).

О следственном комитете Российской Федерации : федер. закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ // Закон и порядок. 2012. № 2. С. 5–7.

Federal'nyi zakon ot 28 dekabria 2010 g. № 403-F3 «O sledstvennom komitete Rossiiskoi federatsii» [The federal law from December, 28th, 2010, № 403-FL «On the committee of inquiry of the Russian Federation». Zakon i poriadok – Law and Order, 2012, no. 2, pp. 5–7.